

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 98

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2025

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.В. Ольховик*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*

П68 **Правовые проблемы укрепления российской государственности** : сб. статей / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, В.А. Уткин. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2025. – Ч. 98. – 280 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-907890-56-5 (отд. кн.)

В сборник включены статьи преподавателей и аспирантов высших учебных заведений, научных и практических работников – участников международной научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 25–27 января 2024 г.).

Статьи посвящены актуальным проблемам различных отраслей права и юридической науки, содержат предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере юриспруденции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-907890-56-5 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2025

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А.В. Васеловская

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

В последние годы в России отмечается рост количества уголовных дел, связанных с профессиональной деятельностью медицинских работников. Подобная тенденция не случайна и обусловлена рядом факторов, среди которых прежде всего следует отметить развитие и усложнение самой сферы медицинской деятельности (появление новых направлений и методов лечения, развитие платной медицины, усложнение структуры заболеваний, наличие у пациентов сопутствующих патологий, осложняющих процесс лечения или делающих его менее прогнозируемым, и т.д.).

Отметим, на наш взгляд, наиболее проблемные вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации преступлений, совершаемых в профессиональной сфере медицинских работников.

1. Проблема квалификации действий медицинских работников по ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) при отсутствии признака должностного лица.

На практике встречаются случаи квалификации действий (бездействий) медицинских работников, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими своих профессиональных обязанностей, по ст. 293 УК РФ¹. Наиболее часто это происходит тогда, когда лицо занимает должность руководителя структурного подразделения (например, заведующий отделением – врач-хирург) и при этом в процессе осуществления своей трудовой деятельности выполняет как функции по руководству отделением, так и функции лечащего врача в отношении части пациентов отделения.

¹ Уголовная ответственность медицинских работников // Melegal. 2024. URL: https://diss.rsl.ru/datadocs/doc_291tu.pdf (дата обращения: 09.01.2024).

Полагаем, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, может быть только лицо, подпадающее под признаки должностного лица, указанные в примечании к ст. 285 УК РФ. Такой подход исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 293 УК РФ медицинского работника, выполняющего исключительно функции лечащего врача в отношении конкретного пациента (потерпевшего) при отсутствии у него каких-либо организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций.

2. Проблема разграничения составов преступления, предусмотренных ч. 2 ст. 109 УК РФ (или ч. 2 ст. 118 УК РФ) и п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Преступления, предусмотренные ст. 109 и 238 УК РФ, с субъективной стороны различаются между собой по форме вины¹. Преступление, состав которого предусмотрен ст. 109 УК РФ, совершается с неосторожной формой вины. Состав преступления, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, предполагает умышленную форму вины по отношению к совершенному деянию и неосторожную форму вины по отношению к наступившим последствиям. Поскольку оба состава преступления предусматривают неосторожное отношение к наступившим последствиям, данное обстоятельство затрудняет их разграничение по субъективной стороне.

Разграничение указанных составов преступления, на наш взгляд, более явно может быть осуществлено по объекту преступного посягательства. Объектом преступлений, предусмотренных ст. 109 и 118 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека, в то время как объектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения в целом при осуществлении деятельности, связанной с реализацией товаров, выполнением работ и оказанием услуг населению в сфере здравоохранения.

При таком подходе по ст. 238 УК РФ деяние может быть квалифицировано, например, при системном характере нарушений, когда существует угроза причинения вреда здоровью или жизни в отношении

¹ Бимбинов А.А. Анализ практики привлечения медицинских работников к уголовной ответственности: некоторые выводы // Elibrary: научная электронная библиотека. 2024. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44008819> (дата обращения: 05.01.2024).

неопределенного круга лиц (использование ненадлежащих медицинских изделий, заведомо неправильная эксплуатация медицинского оборудования и т.д.). Деяния медицинского работника, связанные с нарушением (невыполнением) правил оказания медицинской помощи конкретному пациенту (например, неправильный выбор способа введения препарата), не могут квалифицироваться по ст. 238 УК РФ, поскольку посягают на иной объект уголовно-правовой охраны. С учётом сложности разграничения рассмотренных составов преступления полагаем, что данный вопрос требует дополнительного разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

3. Проблема определения общественно опасных последствий в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ.

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 235 УК РФ, по своей конструкции относится к материальным составам, при этом общественно опасные последствия, с наступлением которых законодатель связывает момент окончания преступления, сформулированы в ч. 1 ст. 235 УК РФ следующим образом: «...если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека». Буквальное толкование указанного положения позволяет сделать вывод о том, что речь идет о любом вреде здоровью человека – от легкого до тяжкого¹, при этом в гл. 16 УК РФ к уголовно наказуемым отнесено только причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека; причинение по неосторожности легкого вреда здоровью либо вреда здоровью средней тяжести не является уголовно наказуемым. С учетом системного толкования положений гл. 16 и 25 УК РФ полагаем, что законодателю необходимо конкретизировать описание последствий в диспозиции ч. 1 ст. 235 УК РФ, указав, о каком именно вреде здоровью идет речь.

¹ Уголовная ответственность медицинских работников // Melegal. 2024. URL: https://diss.rsl.ru/datadocs/doc_291tu.pdf (дата обращения: 09.01.2024).

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО ст. 157 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)»¹ предложен концептуально новый подход в понимании содержания и применения нормы, предусмотренной ст. 157 УК Российской Федерации. При этом начало этому было положено ещё раньше в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей».

Наиболее важным при оценке указанных разъяснений является понимание того, что состав преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, предполагает наличие административной преюдиции, т.е. в сущности совершение лицом двух однородных противоправных деяний, при этом повторное совершение деяния в течение определённого периода времени признаётся преступным. В подтверждение указанного в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 39 прямо предусмотрено, что разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 6, необходимо учитывать при рассмотрении соответствующих уголовных дел.

Вместе с тем данное обстоятельство не исчерпывает всей сложности правовой конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК Российской Федерации. В частности, предполагается в соответствии с разъяснениями постановлений пленумов наличие в рам-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

ках объективной стороны деяния 3 самостоятельных периодов: периода, за который не уплачивались алименты; периода неуплаты алиментов (уклонения в течение двух и более месяцев подряд); периода события преступления, который начинается по истечении двух месяцев неуплаты.

Всё вышеуказанное создает новую сложную правовую конструкцию, при которой, с одной стороны, преступление является длящимся, так как оно будет считаться оконченным только с момента пресечения его совершения (добровольного или принудительного), с другой – предполагает последовательное совершение нескольких однородных (ежемесячных) действий, выраженных в неуплате алиментов, что позволяет говорить о продолжаемом характере деяния.

Такой сложный правовой конструкт, в свою очередь, порождает проблемы при определении момента окончания преступления и иные связанные с этим моменты (в частности, необходимость решения вопроса об отмене условного осуждения). При этом ст. 157 УК Российской Федерации в настоящий момент представляет собой один из наиболее наглядных примеров для определения моментов фактического и юридического окончания преступления – при фактическом его пресечении и по прошествии двух месяцев после периода, за который не уплачивались алименты.

Вопросы назначения наказания по ст. 157 УК Российской Федерации вызывают не меньшие сложности. Действующая её редакция предполагает возможность назначения исправительных и принудительных работ, ареста и лишения свободы. Потенциальная реализация нормы, касающейся ареста, находится под вопросом, принудительные работы являются альтернативой исключительно лишению свободы, а лишение свободы для лица, впервые совершившего преступление, назначено быть не может. Поэтому единственное наказание, которое может быть назначено в этом случае, – это исправительные работы. Однако фактическое их исполнение (особенно в сельской местности) чаще всего затруднено в связи с отсутствием рабочих мест.

О.В. Ермакова

ВРЕМЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Установление временного периода совершения преступления в рамках состава самовольного оставления места службы имеет принципиально важное значение по следующим причинам: во-первых, данное преступление относится к числу длящихся, которое характеризуется длительным течением своего осуществления; во-вторых, время в составе преступления, предусмотренном ст. 337 УК РФ, является обязательным признаком. При этом в законе обозначена минимальная граница времени отсутствия военнослужащего в виде 2 суток. В-третьих, временные отрезки свыше 10 суток и свыше месяца выделены в виде квалифицирующих признаков. Сказанное свидетельствует о том, что время как признак объективной стороны в рамках состава самовольного оставления места службы существенно влияет на квалификацию преступления и назначение наказания.

При этом в последние годы, особенно с момента введения специальной военной операции, количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 337 УК РФ, существенно возросло, а наказания за подобные нарушения (даже при схожести квалификации) стали применяться значительно более строгие. В связи с этим правильность квалификации в условиях современных реалий приобрела еще большее значение.

Изучение судебной практики показывает, что в большинстве случаев виновные заявляют о том, что определенные временные отрезки их отсутствия на месте службы имели место в связи с наличием объективных причин.

Возникает вопрос о том, необходимо ли при определении времени длящегося преступления исключать те периоды, которые имеют законные основания? И возможно ли вообще прерывание длящегося преступления и последующее его продолжение в рамках единого умысла?

Принятое Верховным Судом РФ постановление от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным

делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» в п. 2 закрепляет однозначную позицию о том, что дящееся преступление характеризуется исключительно *непрерывным* осуществлением (курсив мой. – О.Е.).

Достаточно общая формулировка используется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11, в котором представлено толкование преступлений против военной службы.

В частности, в п. 41 определяется, что продолжительность данного преступления – это время фактического незаконного пребывания вне части, которое начинается с момента оставления (либо неприбытия) и заканчивается добровольным прекращением либо задержанием.

В свою очередь, в п. 40 обозначенного постановления подчеркивается на такое необходимое условие уголовной ответственности, как отсутствие уважительных причин, т.е. объективных обстоятельств, препятствующих прекращению данного деяния.

Так, в соответствии с материалами уголовного дела Р. незаконно покинул место службы. Однако впоследствии в период с 17 ноября 2022 г. по 9 января 2023 г. было установлено, что ему был выдан листок временной нетрудоспособности в связи с переломом ноги, о чем командир части был поставлен в известность супругой Р. Несмотря на установление данного обстоятельства, суд вменил ч. 4 ст. 337 УК РФ как отсутствие свыше 1 месяца, не приняв во внимание наличие объективных данных, препятствующих исполнению своих обязанностей по военной службе¹.

В апелляционном определении 2-го Восточного окружного военного суда указывается, что «предоставление супругой справки в Военный комиссариат, в котором осужденный состоял на воинском учете, о переломе ноги, не легализовало его нахождение вне сферы воинских правоотношений».

Полагаем, такой вывод суда основывается на понимании дящегося преступления исключительно как непрерывного акта, которое к тому же устоялось в теории уголовного права (еще с XIX в. и последующего постановления Пленума Верховного Суда СССР 1929 г.)² и в правоприменительной деятельности.

¹ Дело № 1-99/2023; апелляционное определение 2-го Восточного окружного военного суда № 22-261/2023.

² Петренко В.В. Регламентация дящихся преступлений в отечественном уголовном праве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 4 (90). С. 128–137.

На самом деле в доктрине уголовного права подчеркивается, что длящееся преступление «непрерывно осуществляется, будучи уже юридически оконченным»¹.

Полагаем, в этой части при наложении данного утверждения на конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, возникает еще одна «нестыковка». Установление признаков состава преступления не может выходить за пределы момента окончания. А при самовольном оставлении части при юридически оконченном деянии, т.е. в котором уже имеются все признаки состава преступления, мы устанавливаем время, и это обстоятельство влияет на квалификацию и назначение наказания.

Полагаем, теория длящихся преступлений содержит некоторые недоработки. А применительно к составу самовольного оставления части или места службы сложившаяся практика нарушает права и законные интересы виновного лица, приводит к ухудшению его положения и назначению более строгих наказаний. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть вопрос о возможности исключения из временных отрезков длящихся преступлений при наличии единого умысла тех, в которых имелись уважительные причины.

Л.В. Иванова

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ СОВМЕСТНО СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Общественная опасность является одним из существенных признаков любого преступления. При этом в науке уголовного права к пониманию содержания сущности общественной опасности исследователи подходят по-разному². Не углубляясь в данную проблему, отметим, что

¹ Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 442–455.

² Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 125–126.

понимаем данный признак как причинение (или создание угрозы причинения) существенного вреда общественным отношениям. Общественная опасность совместно совершенного преступления может быть раскрыта как с качественной (характер), так и с количественной (степень) стороны. Важно подчеркнуть, что законодатель и правоприменитель не наделяют какое-либо деяние свойством общественной опасности, а закрепляют в своих решениях оцененный ими реально существующий уровень опасности этого деяния¹.

Большинство ученых признают, что совершение противоправного деяния несколькими лицами повышает общественную опасность содеянного². В свое время М.Д. Шаргородский применительно к советскому уголовному праву отмечал, что «это не имеет никакого отношения к институту соучастия, ибо сам по себе институт соучастия как институт Общей части... на повышение или смягчение наказуемости соучастников не влияет»³. Современное уголовное законодательство, без сомнения, учитывает особенности совершения преступления в соучастии, хотя и не устанавливает пределы повышения наказуемости за совместное деяние либо минимальный размер наказания, ниже которого суд не может назначить наказание, предусмотренное соответствующей санкцией, как это сделано применительно к регламентации назначения наказания при рецидиве преступлений. Закрепление положения об учете судом «характера и степени фактического участия лица в совершении совместного преступления, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда» (ч. 1 ст. 67 Уголовного кодекса РФ – далее УК РФ) оставляет достаточно широкие возможности для правоприменителя в части определения наказания соучастникам преступления.

Совершение противоправного деяния в составе той или иной группы признается квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком в семидесяти четырех статьях УК РФ. Однако обращают на себя внимание положения, содержащие указания на различные формы соучастия в рамках одного и того же признака. В подобных ситуациях

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 23.

² Базаров Р.А. Некоторые проблемы уголовно-правового регулирования соучастия в преступлении // Социально-политические науки. 2020. Т. X, № 2. С. 81.

³ Шаргородский М.Д. Избранные труды / сост. и предисл. Б.В. Волженкина. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 526.

законодатель признает факт повышенной опасности совместно совершенного преступления, однако не проводит разницу в степени общественной опасности разных форм соучастия. Хотя традиционно организованная группа признается более опасной формой в сравнении с группой лиц или группой лиц по предварительному сговору в силу присущих ей признаков¹.

Кроме этого, в тех случаях, когда факт существования преступной группы уже обладает особой общественной опасностью и она является типичным субъектом совершения соответствующих групповых преступлений², законодатель устанавливает самостоятельную ответственность за создание и участие в составе такой группы (например, ст. 208–210, 205.4, 205.5, 282.1, 282.2 УК РФ и др.).

В случае закрепления группового способа совершения преступления в качестве квалифицирующего либо конструктивного признака соответствующего состава преступления законодатель устанавливает больший размер наказания по сравнению с совершением такого преступления в одиночку, признавая по сути за таким деянием новое качество. Установление новой санкции отражает характер общественной опасности содеянного³. Квалифицирующие и конструктивные признаки в данном случае выступают средствами дифференциации наказания соисполнителей преступления.

Помимо этого, совершение противоправного деяния совместно несколькими лицами является обстоятельством, отягчающим наказание. Если преступление было совершено в составе группы, но соответствующий признак отсутствует во вменяемой виновному статье, групповой способ совершения деяния будет учтен при назначении наказания. Обстоятельства, отягчающие наказание, не создают новую санкцию. Совершение преступления в составе той или иной группы учитывается в процессе индивидуализации наказания, но в рамках санкции соответствующей статьи.

¹ Алексеев С.В. Совершение организованного преступного деяния как фактор значительного повышения общественной опасности преступления // *International Scientific Review*. 2015. № 6 (7). С. 62–65.

² Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. С. 26–27.

³ Иванова Л.В., Шеслер А.В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания соучастников преступления // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 8 (184). С. 189.

Таким образом, общественная опасность совместно совершенного преступления влияет на дифференциацию либо индивидуализацию наказания соучастников преступления, что отражает ее уголовно-правовое значение. Дифференциация наказания проводится через установление конструктивных и квалифицирующих признаков преступления. При этом целесообразно в уголовно-правовых нормах определять не только повышенную общественную опасность группового преступления, но и различную степень общественной опасности применительно к различным формам соучастия.

Т.Г. Каракулов

СОДЕРЖАНИЕ ЛИШЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО, ВОИНСКОГО ИЛИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ, КЛАССНОГО ЧИНА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД

Традиционно под содержанием уголовного наказания понимаются входящие в его состав элементы (конкретные лишения, правоограничения), что основано и на норме в ч. 1 ст. 43 УК РФ, в которой указано, что наказание заключается в предусмотренных настоящим кодексом лишении или ограничении прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления¹.

Содержание лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград достаточно полно отражено в ст. 48 УК РФ, перечень правоограничений, указанных в этой статье УК РФ, сконструирован закрытым. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»² акцентировано внимание, что лишение осужденного иных знаков отличия и привилегий (например, ученых степеней, ученых званий и других званий, носящих квалификационный характер) неправомерно, так как в ст. 48 УК РФ приведен исчерпывающий, не подлежащий расширительному толкованию перечень правоограничений (п. 13).

¹ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск, 2018. С. 30–31.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2. Февраль.

Однако уголовный закон не содержит понятий и признаков специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, не перечисляет их. Этим вызывается необходимость обращения к текущему законодательству о государственной службе, в системе которой выделены государственная гражданская служба, военная служба и государственная служба иных видов (ст. 2 ФЗ от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»)¹. После назначения на соответствующую должность прохождение государственной службы подразумевает и присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания (ч. 5 ст. 12 указанного закона).

Наряду с классным чином, воинским и специальным званием российское законодательство с 2003 г. оперирует понятием дипломатического ранга, который присваивается на основании Указа Президента РФ от 15.10.1999 № 1371² дипломатическим работникам в соответствии с их квалификацией и замещаемой должностью. Всего этим Указом установлено 11 дипломатических рангов: от атташе до Чрезвычайного и Полномочного Посла, которые сохраняются пожизненно (п. 11 Указа). Возможности и оснований лишения дипломатического ранга Указ не содержит.

Воинские звания устанавливаются в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах от рядового и матроса до маршала Российской Федерации (ст. 46 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»)³.

Специальные звания присваиваются лицам, занимающим должности в органах внутренних дел (ст. 8 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)⁴ от рядового полиции до генерала полиции Российской Федерации; принятым на службу в таможенные органы и сотрудникам таможенных органов (ст. 5 Федерального закона от 21.07.1997 № 114-ФЗ

¹ Собрание законодательства РФ. 02.06.2003. № 22. Ст. 2063.

² Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5012.

³ Собрание законодательства РФ. 30.03.1998. № 13. Ст. 1475.

⁴ Собрание законодательства РФ. 05.12.2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

«О службе в таможенных органах Российской Федерации»)¹ от прапорщика таможенной службы до действительного государственного советника таможенной службы Российской Федерации; занимающим должности в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы (Указ Президента РФ от 03.10.2016 № 519 «О некоторых вопросах Федеральной службы исполнения наказаний»)² от рядового внутренней службы вплоть до генерала внутренней службы Российской Федерации.

В России установлены следующие виды государственных наград: высшие звания Российской Федерации; ордена Российской Федерации; знак отличия ордена Святого Георгия – Георгиевский крест; медали Российской Федерации; почетный знак Российской Федерации «За успехи в труде»; знаки отличия Российской Федерации; почетные звания Российской Федерации (п. 2 Указа Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»)³.

В этой связи звучат предложения по исключению из содержания наказания, предусмотренного ст. 48 УК РФ, почетных званий, поскольку такие звания входят в систему государственных наград.

Однако Конституция РФ в ст. 71 и 89 государственные награды и почетные звания Российской Федерации разделяет, тогда как обозначенные конкретные виды государственных наград с включением в этот перечень почетных званий установлены Указом Президента РФ.

Важным является то, что присвоенные чины, ранги, звания сохраняются при освобождении от замещаемой должности или увольнении, а их лишение возможно только по решению суда (ст. 13 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации»), т.е. при назначении уголовного наказания, предусмотренного ст. 48 УК РФ. Однако это уголовное наказание в том виде, в котором оно сформулировано в Уголовном кодексе, не позволяет лишить виновного дипломатического ранга.

¹ Собрание законодательства РФ. 28.07.1997. № 30. Ст. 3586.

² Собрание законодательства РФ. 10.10.2016. № 41. Ст. 5805.

³ Собрание законодательства РФ. 13.09.2010. № 37. Ст. 4643.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Уголовное право в качестве одной из ключевых отраслей права имеет целью обеспечение общественной безопасности и защиты прав и свобод граждан через установление нормативно-правовых механизмов реагирования на преступные деяния. В указанных целях Уголовный кодекс РФ включает в себя совокупность различных конструкций составов преступлений. В системе данных конструкций важной разновидностью являются специальные составы преступлений, которые играют значительную роль в квалификации деяний и определении меры уголовной ответственности. Обоснованно упомянуть, что недостаточная разработанность понятийного аппарата и неоднозначность подходов к определению специальных составов преступлений создают значительные проблемы как в теоретическом, так и в практическом плане.

Первая проблема касается отсутствия понятийного аппарата специальных составов преступлений. Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, специальная норма имеет преимущество перед общей нормой, однако, исходя из буквального толкования уголовного закона, речь идет о специальных нормах, а не о специальных составах преступления. В связи с чем возникает вопрос относительно их тождественности. По нашему мнению, данные понятия нельзя признать синонимичными. Специальный состав преступления является более узкой категорией по объему и содержанию, чем специальная норма уголовного права. Мнение о недопустимости приравнивания уголовно-правовой нормы к категории состава преступления поддерживается в отечественной доктрине¹. Следовательно, именно специальный состав преступления имеет преимущество перед общим родовым составом преступления при квалификации преступного деяния.

¹ Комягин Р.А. Соотношение состава преступления и уголовно-правовой нормы // Вестник СГЮА. 2019. № 6 (131). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-sostava-prestupleniya-i-ugolovno-pravovoy-normy> (дата обращения: 15.02.2024).

В связи с этим целесообразно для представления общей картины научной разработанности рассматриваемого понятия произвести деление мнений о природе специального состава преступления на несколько групп.

Первая группа ученых считает, что специальные составы преступления – это такие составы преступления, в которых *специальный* субъект нарушает *специальные* правила¹.

Вторая группа ученых считает, что специальный состав преступления *обладает признаками (общего) состава преступления, но имеет хотя бы один дополнительный (специальный) признак, не являющийся квалифицирующим или привилегирующим*².

Третья группа считает, что специальный состав преступления – это преступное деяние, предусмотренное общим составом преступления при наличии дополнительного обстоятельства³.

А.Н. Трайнин в своей фундаментальной работе упомянул категорию специальных составов преступлений. Он высказал наиболее верные, на наш взгляд, мысли о том, что общий родовой состав преступления и специальный состав преступления являются однородными, т.е. охватывают род и вид одних и те же общественно опасных деяний. При этом на случай, если отдельные деяния не подпадают под квалификацию специальных составов преступления, родовые составы преступлений сохраняются в резерве, чтобы охватить все остальные случаи, которые не подразумевает в себе специальный состав⁴. Следуя примеру А.Н. Трайнина, мы будем именовать состав преступления, содержащийся в общей норме, общим родовым составом преступления.

¹ Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: теория и практика правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 39; Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. : Юркнига, 2003. С. 148.

² Иванчин А.В., Зосиева М.В. Проблемы конструирования специальных составов преступлений // Юридическая наука. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-konstruirovaniya-spetsialnyh-sostavov-prestupleniy> (дата обращения: 20.11.2023).

³ Шабалин Л.И. Обоснованность существования специальных составов мошенничества в российском уголовном законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 79.

⁴ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления М., 1957. С. 243–252.

Таким образом, специальный состав преступления представляет собой производную форму преступного деяния, сформированную на основе общего родового состава преступления. Важно отметить, что специальный состав не обладает самостоятельной сущностью, поскольку он основывается на элементах, взятых из общего состава, однако дополнительно специфицирует их, добавляя уточняющие признаки. При этом специальный состав преступления сужает сферу применения общего родового состава преступления, выделяя из общего множества преступных деяний те, которые существенно выделяются по степени их общественной опасности.

Специальный состав преступления – это состав преступления, содержащий совокупность признаков общего родового состава преступления и дополнительных уточняющих признаков, значительно изменяющих степень общественной опасности преступного деяния, предусмотренного общим родовым составом преступления.

И.В. Лозинский

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В июле 2023 г. в гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации законодателем вновь были внесены серьезные изменения. В частности, на основании Федерального закона РФ от 10 июля обозначенного года № 323-ФЗ указанная глава дополнена ст. 172.4, которой установлена ответственность за «незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц». По своей правовой природе запрещаемое этой нормой деяние представляет собой незаконные действия коллекторов по возврату долгов. К таким действиям относятся применение к должнику физической силы или угрозы её применения, угроза убийством или причинением вреда здоровью, уничтожение или повреждение чужого имущества либо угроза данных уничтожения либо повреждения, применение методов, опасных для жизни и здоровья людей, и оказание психологического давления на должника.

В результате криминализации рассматриваемого деяния станет возможным повысить уровень защиты прав и законных интересов граждан от указанных противоправных действий, а также обеспечить неотвратимость уголовной ответственности за их совершение. Проанализировав правоприменительную практику, можно отметить, что до криминализации деяния, запрещаемого ст. 172.4 УК РФ, привлечение к уголовной ответственности лиц, использующих незаконные способы возврата просроченной задолженности, квалифицировалось по таким статьям УК РФ, как ст. 119 – «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»; ст. 128.1 – «клевета»; ст. 137 – «нарушение неприкосновенности частной жизни»; ст. 139 – «нарушение неприкосновенности жилища»; ст. 163 – «вымогательство»; ст. 167 – «умышленное уничтожение или повреждение имущества»; ст. 330 – «самоуправство». Таким образом, имело место применение уголовного закона по аналогии. В результате уголовная ответственность наступала только за возможные последствия незаконных способов возврата просроченной задолженности и только после совершения одного из обозначенных деяний¹. Представляется, что в результате дополнения гл. 22 УК РФ ст. 172.4 окажется устранённым законодательный пробел в сфере борьбы с незаконной деятельностью по возврату просроченной задолженности.

На основании Федерального закона РФ от 31 июля этого же года № 390-ФЗ законодателем внесены поправки в ст. 171.3 УК РФ. В результате последних сфера деятельности указанной нормы стала «шире», поскольку в новой её редакции предусмотрена уголовная ответственность и за безлицензионное производство и оборот табака и табачной продукции. Согласно оценкам экспертов, удельный вес нелегальной табачной продукции на отечественном рынке увеличился до 10,7% в 2021 г. против 1,5% в 2016 г.² В результате имеют место рост преступных доходов от реализации такой продукции и противоправная

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 154486-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.12.2023).

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 310855-8 «О внесении изменений в статью 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.12.2023).

конкуренция в сфере её реализации. Как и в предыдущей, в рассматриваемой ситуации криминализация обозначенного деяния также правомерна, поскольку деятельность по производству и обороту нелегальной табачной продукции является общественно опасной, так как результат её осуществления – не только значительные потери доходов бюджетной системы РФ, но и угроза жизни и здоровью граждан.

Таким образом, в результате внесения этих изменений в гл. 22 УК РФ были устранены отдельные законодательные пробелы в области борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности. На наш взгляд, их явно недостаточно для совершенствования указанной главы. Ранее нами отмечалось, что для её дальнейшего совершенствования необходима криминализация и иных деяний, например, промышленного шпионажа, дискредитации деловой репутации конкурентов, а также введения в заблуждение потребителей, являющихся по своей правовой природе формами недобросовестной конкуренции, представляющими собой угрозу экономической безопасности государства. Об этом свидетельствует тот факт, что субъекты, осуществляющие экономическую деятельность, несут колоссальные убытки вследствие совершения обозначенных деяний¹. Представляется, что вопрос о необходимости их криминализации является актуальным и в настоящее время.

Дальнейшее развитие отечественной экономики предполагает постепенное «отмирание» отдельных уголовно-правовых запретов, составляющих гл. 22 УК РФ, и как следствие – декриминализацию деяний, ответственность за совершение которых ими установлена. По нашему мнению, для правильного решения вопроса об их декриминализации необходим постоянный мониторинг криминогенной ситуации в сфере экономической деятельности.

Таким образом, правильное решение вопроса о дальнейшем совершенствовании гл. 22 УК РФ должно заключаться не только в криминализации новых противоправных форм осуществления экономической деятельности, но и в декриминализации отдельных деяний, запрещаемых составляющими её нормами.

¹ Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 57.

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПЫТКИ

Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 307-ФЗ представлен комплекс изменений в ряд статей УК РФ, связанных с дифференциацией ответственности за совершение должностных преступлений с применением пытки¹. Анализ пояснительной записки к проекту указанного закона позволяет сделать вывод о том, что центральным аргументом нововведений выступили выявленные в 2021 г. нарушения прав человека в системе исполнения уголовных наказаний².

Понятие пытки в настоящее время содержится в примечании 1 к ст. 286 УК РФ. Обращает на себя внимание тот факт, что оно полностью дублирует определение пытки, закрепленное в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, ратифицированной СССР еще в 1987 г.³ Предложенное законодателем понятие нельзя признать однозначным, поскольку оно наполнено оценочной терминологией, что создает трудности для правоприменителя в вопросе соотношения превышения должностных полномочий с применением пытки (ч. 4 ст. 286 УК РФ) с ранее закрепленными в рассматриваемом составе признаками применения насилия или угрозы его применения (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Так, понятие пытки подразумевает собой действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания для достижения одной или нескольких (в любом сочетании) целей: 1) получения от лица, к

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : пояснительная записка к проекту Федерального закона № 42307-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8>.

³ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml

которому применяется пытка, или третьего лица сведения или признания; 2) наказания его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается; 3) запугивания или принуждения его или третье лицо. Кроме того, самостоятельной характеристикой умысла является особая причина пытки – дискриминация любого характера. С учетом того, что способы пытки законом не определены, представляется, что они могут иметь любую форму (насильственные или ненасильственные, обманные, унижающие, оскорбительные и т.п.), но обязательно должны причинять физические или нравственные страдания, соответствующие уровню сильной боли. Проблема заключается в том, что у каждого человека разный болевой порог, а незаконное насилие, применяемое должностными лицами при выполнении своих функций, всегда причиняет потерпевшему физические или нравственные страдания, что не позволяет с точностью определить критерии разграничения пытки от применения насилия. Толкование использованных в характеристике альтернативных целей пытки понятий «получение признания», «наказание», «запугивание», «принуждение», «дискриминация» также не позволяет однозначно осознать пределы пытки. Рассматриваемые понятия подлежат истолкованию правоприменителем относительно произвольно с учетом всех обстоятельств дела.

Так, например, за превышение должностных полномочий с применением насилия и специальных средств был осужден гр-н О., который, являясь заместителем начальника колонии по безопасности и оперативной работе ФКУ «Исправительная колония № ГУФСИН России по Челябинской области», *с целью получения от потерпевшего информации* (выделено автором. – М.М.) о местонахождении мобильного телефона, который в соответствии с «Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений», утвержденных приказом Министерства юстиции РФ № 205 от 03.11.2005 г., является предметом, который осужденному запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях или приобретать, применил к последнему физическую силу, нанеся не менее 18 ударов деревянной битой по туловищу и левой руке, причинив последнему физическую боль. После этого О. наступил потерпевшему ногой на голову и удерживал ее таким образом не менее 10 секунд, причинив тем самым физическую боль и унижая его человеческое достоинство. При указанных обстоятельствах

потерпевшему были причинены физические и нравственные страдания, повлекшие существенное нарушение его прав и законных интересов, гарантированных нормами международного права и законодательства РФ¹. Анализируемый пример показывает, что до внесения представляющих исследовательский интерес изменений применение должностным лицом насилия с целью получения от потерпевшего информации, причинившего физические и нравственные страдания, полностью охватывалось п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ и не требовало дополнительной квалификации за истязание с применением пытки, под которой понималось причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания или в иных целях.

В настоящее время судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 286 УК РФ, отсутствует. В научном сообществе предпринимаются попытки разграничения «обычного» должностного насилия от насилия, причиняемого при пытках. Нельзя не согласиться с В.Н. Борковым, который предлагает разграничивать рассматриваемые посяательства через признаки целей и способа с учетом явной чрезмерности и избыточности насилия. Так, пытка, по его мнению, – это причинение особых страданий потерпевшему, которые выходят за пределы, «необходимые» для незаконного решения стоящих перед должностным лицом задач. При этом ключевое значение имеет именно желание виновного причинить страдания потерпевшему, а не просто допустить или применить их².

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что законодательное понятие пытки в настоящее время не позволяет разграничить превышение должностных полномочий с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) от совершения аналогичного деяния с применением пытки (ч. 4 ст. 286 УК РФ). Юридическая оценка пытки как способа превышения должностных полномочий в разъяснениях высшей судебной инстанции страны является необходимой во избежание существующего на сегодняшний день оценочного подхода к толкованию.

¹ Приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 22 ноября 2016 года по делу № 1-711/2016 г. URL: <https://sudrf.ru/>

² Борков В.Н. Отграничение пытки от применения насилия или специальных средств при превышении должностных полномочий // Уголовное право. 2022. № 12 (148). С. 3–9.

СООТНОШЕНИЕ СОСТАВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИДЕАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Вопросы квалификации преступлений, всегда занимали лидирующие позиции в научных дискуссиях. Одним из них является правильная уголовно-правовая оценка деяний, имеющих сложную и схожую структуру, в частности, идеальная совокупность и составное преступление.

Определение индивидуальных особенностей и выявление общих черт каждой из указанных уголовно-правовых категорий позволит избежать многих нарушений при квалификации преступлений.

В настоящий момент в теории уголовного права есть три основных подхода к соотношению идеальной совокупности и составного преступления. Один из них¹ ставит знак равенства между указанными понятиями, мотивируя это тем, что оба института объединяются тем, что лицо одним деянием нарушает сразу несколько уголовных запретов. Такая позиция еще больше путает правоприменителя, так как вопрос, сколько статей вменить лицу, такой подход не раскрывает.

Следующая позиция ученых² заключается в том, что идеальная совокупность – это вид множественности, а составное преступление – вид единичного сложного преступления, в силу чего они не соприкасаются и не имеют ничего общего. С точки зрения логики позиция безукоризненная, тем не менее на практике мы видим, что законодатель и Верховный Суд не всегда могут однозначно решить, будет ли какая-либо сложная норма охватывать всю общественную опасность или есть необходимость использовать институт совокупности.

Третья позиция самая лояльная³, у указанных категорий много общего, и необходимо выявить критерии, благодаря которым их можно

¹ Черненко Т.Г. Квалификация совокупности преступлений // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2014. № 1 (38).

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М., 1999. С. 246.

³ Гулиева Н.Б. Составные преступления в российском уголовном праве : учеб. пособие. Кемерово, 2010. С. 73.

однозначно отграничить. Мы, придерживаясь указанной позиции, считаем, что, используя герменевтический подход и методы формальной логики, следует проанализировать оба понятия, чтобы их разграничить.

Определение идеальной совокупности можно увидеть в ч. 2 ст. 17 УК РФ: «Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями настоящего Кодекса»¹. Определения составного преступления прямо в кодексе не закреплено, однако в ч. 1 ст. 17 УК РФ с 2004 г. есть один из признаков составного преступления, сформулированный, через исключение: «...за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». Использование такой формулировки из буквального толкования свидетельствует о том, что законодатель предполагает, что оба эти института взаимоисключающие.

Таким образом, если следовать указанному в ч. 1 ст. 17 УК РФ правилу, вопросов о правильной квалификации деяния, содержащего в себе признаки двух статей Особенной части УК РФ, возникать не должно. Однако в настоящее время указанное исключение игнорируется.

М.В. Морозов

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В настоящее время одним из актуальных вопросов, на который нет единого ответа, является вопрос о том, что понимается под источниками уголовного права?

О.Н. Бибики под источником уголовного права предлагает понимать «явление правовой действительности, облеченное в определенную форму, признаваемое государством, содержащее уголовно-правовые нормы либо их элементы, которые регулируют уголовно-правовые отношения в Российской Федерации и относятся к ее правовой системе»². В ч. 1 ст. 1 УК РФ сказано, что уголовное законодательство Российской

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023).

² Бибики О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 43–44.

Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс. То есть из буквального толкования данной нормы следует, что уголовный закон является единственным источником российского уголовного права.

Но в уголовно-правовой литературе, да и в судебной практике помимо традиционной концепции появились и иные точки зрения.

В приговорах по конкретным уголовным делам суды ссылаются на постановления пленумов Верховного Суда РФ. При этом в уголовном законе их статус и роль в правовом регулировании не определены.

По мнению ряда авторов, постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения уголовного закона фактически выполняют также функцию источников уголовного права. Так, А.В. Мадьярова отмечает, что эти документы, будучи направлены на решение сложных правоприменительных проблем, часто содержат новые нормативные положения. По ее мнению, уголовный закон играет роль «первичного», «учредительного» источника уголовного права, что не исключает судебного конкретизирующего нормотворчества, направленного на преодоление регулятивной недостаточности во исполнение предписаний самого уголовного закона»¹.

Бланкетный метод конструирования многих уголовно-правовых норм позволил ряду юристов выделить в качестве источников уголовного права нормативные акты иных отраслей права. Например, Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов в их число включают федеральные законы², а по мнению М.А. Ибрагимова, данный список может быть дополнен и иными нормативно-правовыми актами федерального уровня. При этом «содержание уголовно-правовой нормы складывается как из положений уголовного закона, так и положений нормативных актов иных отраслей права, которые должны рассматриваться в качестве источников уголовного права»³.

¹ См.: Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 10.

² См.: Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 169–178.

³ См.: Ибрагимов М.А. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 8.

Действительно, в настоящее время роль бланкетных норм в уголовном законе не определена. Без них невозможно привлечь к уголовной ответственности за совершение отдельных видов преступлений (например, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта), но в то же время все бланкетные нормы не могут и не должны быть включены в уголовное законодательство.

Но и такая ситуация правовой неопределенности не может оставаться далее, когда суды, вынося приговоры и привлекая лицо к уголовной ответственности, применяют постановления пленумов Верховного Суда РФ и бланкетные нормы, и при этом законодатель четко и ясно указывает, что только уголовный закон может быть источником уголовного права.

Законодатель должен придать определенный статус вышеуказанным нормам, которые применяют суды в своей практике, отправляя правосудие по уголовным делам.

Считаем, что в связи с этим необходимо дополнить ст. 1 УК РФ ч. 3 следующего содержания: «Суды при осуществлении правосудия по уголовным делам применяют законы, не входящие в уголовное законодательство, подзаконные нормативные правовые акты и постановления Пленумов Верховного Суда РФ, которые источниками уголовного законодательства Российской Федерации не являются».

И.А. Никитина

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

В настоящее время на всех уровнях государственной власти цифровизации современной российской экономики, а также государственных управленческих структур придается первостепенное значение¹. Необходимо отметить растущий интерес российских граждан к криптовалюте, объем сделок с которой постоянно увеличивается. Российские

¹ См.: Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 10.03.2024).

граждане являются активными пользователями различных интернет-платформ, осуществляющих торговлю криптовалютами. Российская Федерация находится в числе лидеров по объему мировых майнинговых мощностей. Все это приводит к внутригосударственному перераспределению финансов и активному развитию криптовалютного сектора экономики.

Высокая волатильность курса криптовалют создает предпосылки для совершения различных видов мошенничества как непосредственно в торговле криптовалютами, так и при совершении сделок с ее использованием. Относительная анонимность при использовании криптовалюты делает ее привлекательным инструментом для противоправной деятельности.

Преступления с использованием криптовалюты, совершаемые в виртуальном пространстве, обладают определенной спецификой, которая заключается в разграничении действий, совершаемых непосредственно субъектом преступления, т.е. человеком, и совершаемые машиной, т.е. комплексом программных средств, без участия человека, вследствие чего при осуществлении квалификации указанных преступлений следует рассматривать в качестве доказательств в том числе и так называемые «виртуальные» («цифровые», «электронные») следы, т.е. такие данные, которые оставляет человек при работе в интернет-сети и подтверждающие совершение преступления.

Речь может идти о совершении преступлений разного вида, в которых криптовалюта может выступать лишь как предмет преступления, лишь как средство совершения преступления, а в определенных случаях используется фактически как платежное средство.

В зависимости от способа совершения преступления криптовалюта может выступать как предметом хищения, так и предметом подкупа, взятки, легализации (отмывания), а также средством финансирования незаконной деятельности, средством совершения других преступлений против личности, общественной безопасности и т.д. либо в качестве суррогатного средства платежа¹.

¹ См.: Долгиева М.М. Квалификация деяний, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Вестник Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 18; Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка / отв. ред. Ю.В. Грачева. М., 2022. С. 57.

В различных преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, присутствуют разная степень использования непосредственного виртуального пространства, различные способы их совершения, объекты и предметы преступного посягательства, характер и степень общественной опасности данных преступлений. Таким образом, объект преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, может быть различен.

Представляется, что объединяющими признаками всех подобных преступлений являются место, условие и средство их совершения, т.е. использование виртуального пространства и технологии блокчейн, являющихся основой функционирования криптовалют. Какое бы преступление с использованием криптовалют не совершалось, условием его совершения является использование субъектом технологии блокчейн в виртуальном пространстве. При этом преступник использует различные телекоммуникационные средства, позволяющие ему осуществлять доступ в виртуальное пространство и совершать определенные действия по обороту криптовалюты, что и будет являться обязательным условием совершения таких преступлений.

Легализация посредством криптовалюты денежных средств, полученных в результате совершения преступлений, является фактической основой криптовалютной преступности, потому что конечной целью большинства преступлений, предметом которых является криптовалюта, является конвертация криптовалюты в фиатные деньги, которые можно на законном основании хранить в кредитных организациях и использовать по своему усмотрению.

В целях уменьшения масштабов распространения указанного явления необходимо принятие закона, устанавливающего контроль со стороны государственных органов за процессом создания и оборотом криптовалют, а также введение уголовно-правовых запретов за нарушение принятого закона.

Невозможность законодательного запрета на использование криптовалют не означает невозможность контроля их использования, в том числе и средствами уголовно-правового регулирования, направленными на противодействие преступлениям, совершаемым с использованием криптовалюты. В целях реализации контроля за осуществлением генерации (майнинга) криптовалюты и ее оборотом необходимо дополнить Особенную часть Уголовного кодекса РФ статьями, предусматривающими ответственность за осуществление генерирования

(майнинга) криптовалют без регистрации или без лицензии, за нарушение запрета на использование инфраструктуры финансового рынка для осуществления любых операций с криптовалютой.

О.В. Обернихина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Институт замены наказания более мягким видом применяется в настоящее время чаще, чем известные уголовному закону виды освобождения от наказания, но при этом довольно схож с ними. В ч. 4 ст. 113 УИК РФ указаны критерии оценки личности, которой такая замена может быть одобрена судом, а именно: осужденный должен иметь положительную характеристику от администрации исправительного учреждения, должен отбыть указанную в законе часть наказания. В ст. 80 УК РФ определены обязательные к отбытию части срока наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления. При замене лишения свободы принудительными работами законодатель определяет более льготные условия. Представляется, что это связано с тем, что в отличие от других известных видов наказаний без изоляции от общества принудительные работы строже по порядку и условиям их исполнения, поскольку лицо проживает в исправительном центре (далее – ИУ) или участке, функционирующем в режиме исправительного центра (далее – УФИЦ), где действуют правила внутреннего распорядка. Кроме того, карательная сущность наказания предполагает обязанность трудиться, а из дохода осужденного удерживается ежемесячная сумма в объеме от 5–20% в федеральный бюджет. Имеют место быть и вычеты, предусмотренные коммунально-бытовыми расходами на содержание виновного. Возникает обоснованный вопрос о том, в чем же тогда заключается льготность условий замены? Э.В. Лядов справедливо указывает на то, что замена лишения свободы на принудительные работы возможна: за совершение преступления небольшой или средней тяжести – не менее 1/4; тяжкого преступления – не менее

1/3; особо тяжкого преступления – не менее 1/2 срока наказания¹. Установления подобного рода были определены Федеральным законом от 27.12.2018 № 540-ФЗ². Вместе с тем судам рекомендовано более тщательно подходить к оценке личности осужденного.

В начале 2017 г., когда наказание только апробировалось, отношение к нему было весьма неоднозначным и количество заявлений от осужденных относительно замены на него лишения свободы было гораздо меньше, но с течением времени их количество увеличилось практически втрое. Представляется, что увеличение удельного веса ходатайств осужденных связано с тем, что теперь принудительными работами можно заменить и лишение свободы, отбываемое в исправительных колониях строгого режима. Если говорить о тех, кто отбывает наказание в исправительных колониях общего режима, то здесь практика несколько иная, поскольку количество заявлений от осужденных о замене снизилось в 2023 г. на 9,8%. Это может быть связано с тем, что исправительные колонии строгого режима сейчас более многочисленные по численности осужденных, а возможно и потому, что в исправительных колониях общего режима порядка 15% осужденных не трудоустроены ввиду отсутствия вакансий, а в ИЦ (УФИЦ) им придется не только в обязательном порядке трудиться, но и выплачивать процентный вычет. Оба указанных обстоятельства можно расценивать как ухудшение положения осужденных в исправительных колониях общего режима.

Еще одним сложным в оценке улучшения положения осужденных при замене лишения свободы на принудительные работы является то, что вопрос об условно-досрочном освобождении решается судами по-разному. Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 21.04.2009 г. № 8 в п. 4.16 указывает, что установленные в ст. 79 УК РФ сроки, при фактическом отбытии которых возможно условно-досрочное освобождение, исчисляются со дня начала отбывания принудительных работ, а

¹ Лядов Э.В. К вопросу о замене лишения свободы принудительными работами // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения профессора А.Л. Ременсона, 27–28 апреля 2023 года. Вып. 11. Томск : ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2023. С. 110.

² Федеральный закон от 27.12.2018 № 540-ФЗ «О внесении изменений в ст. 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 29 декабря. № 295.

не лишения свободы¹. Такая позиция не удовлетворяет требованиям принципа справедливости, в итоге законодателем были внесены изменения в ст. 79 УК РФ, дополнившие ее ч. 3.2, где определяется, что исчисление срока должно производиться с начала отбывания наказания в виде лишения свободы, что представляется более оправданным, на наш взгляд. Между тем постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 продолжает свое действие в настоящее время, что, как нам кажется, является недопустимым и может вводить в заблуждение работников суда, имеющих недостаточный опыт работы. При этом низкий уровень правовой грамотности осужденных не позволит усмотреть в принятом решении (если суд будет руководствоваться указанным постановлением) ошибку и опротестовать принятое решение.

Таким образом, несмотря на относительно долгий период существования принудительных работ, этот вид наказания продолжает порождать дискуссии как в теории права, так и в среде правоприменителей не только в вопросах обоснованности расположения этой меры уголовно-правового воздействия в лестнице наказаний, но и относительно содержания его карательной и правоограничительной функции. Вместе с тем направленная на гуманизацию система замены лишения свободы на принудительные работы вызывает сомнения в том, что объем приобретаемых правоограничений больше, чем при отбывании лишения свободы в исправительной колонии общего режима на обычных и облегченных условиях. Ухудшается и материальное положение осужденных ввиду назначения удержаний дохода осужденных, причем речь здесь идет не только о заработной плате, а всех видах доходов и всех видах вычетов, включая коммунальные.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Российская газета. 2009. 29 апреля. № 75.

ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 175 УК РФ

Криминализация как процесс представляет собой выявление определенных видов общественно опасного поведения людей в обществе и обоснование необходимости противодействия им с помощью уголовного закона. Криминализация как результат представляет собой фиксацию этих деяний в уголовном законе как преступных и уголовно-наказуемых.

Криминализация осуществляется на основе следующих принципов: достаточной общественной опасности криминализируемых деяний; их относительной распространенности; возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение; преобладания позитивных последствий криминализации; неизбыточности уголовно-правового запрета; своевременности криминализации¹.

При криминализации преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, были реализованы следующие принципы:

1. Наличие общественно опасного поведения, выражающегося общественной опасностью деяния, проявляющегося в причинении вреда объекту уголовно-правовой охраны. Объектом рассматриваемого преступления выступают общественные отношения, направленные на обеспечение законной предпринимательской деятельности.

2. Общественная опасность преступления определяется его распространенностью как в Российской Федерации, так и в субъектах РФ. В 2023 г. на территории РФ было зарегистрировано 520 преступлений, предусмотренных ст. 175 УК РФ². Общественная опасность рассматриваемого преступления состоит в том, что оно является постоянным источником корыстной преступности, создает опасность для осуществления установленной законом экономической деятельности, общественного порядка и способствует сокрытию первоначального преступления.

¹ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 288.

² Судебная статистика РФ. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 12.01.2024).

3. Заранее не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, – один из традиционных уголовно-правовых запретов. Эффективная возможность воздействия уголовно-правовыми средствами на преступное деяние подтверждается многовековым периодом существования данной нормы, а именно с Пространной редакции Русской Правды (ст. 37–39, 118).

4. Исходя из анализа норм Особенной части УК РФ, преступление, предусмотренное ст. 175 УК РФ, соответствует характеру и степени общественной опасности данных деяний. Часть 1 указанной статьи – преступление небольшой тяжести, ч. 2 – средней, а ч. 3 – тяжкое преступление.

Таким образом, криминализация рассматриваемого преступного деяния была необходимой (существование общественно опасного поведения; характер самого деяния (приобретение или сбыт); распространенность; преступное деяние как основание, требующее уголовно-правового запрета), обоснованной и достаточной.

Т.А. Плаксина

ЗАГЛАЖИВАНИЕ ПРИЧИНЕННОГО ВРЕДА КАК УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НОВЫЙ ПОДХОД В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В правоприменительной практике, сформировавшейся после принятия УК РФ, традиционно считалось возможным освобождение от уголовной ответственности за преступления, причинившие смерть или вред здоровью, на основании статей, закрепляющих виды освобождения от уголовной ответственности, которые в качестве одного из условий или единственного условия освобождения предполагают заглаживание причиненного вреда. Прямые указания на это содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Так, в п. 2.1 данного постановления говорится о том, что вред может быть возмещен в денежной форме, включая возмещение расходов на

лечение. В этом же пункте к заглаживанию вреда отнесены имущественная компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему и принесение ему извинений. Пункт 12 постановления позволяет осуществлять освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и в тех случаях, когда последствием преступления явилась смерть пострадавшего. Пленум Верховного Суда РФ, ссылаясь на установленную законом возможность надления правами потерпевших близких родственников погибшего, указывает: «Поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо ограничений в процессуальных правах лиц, признанных потерпевшими в порядке, установленном частью 8 статьи 42 УПК РФ, примирение лица, совершившего преступление, с такими потерпевшими может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности».

Однако в новейшей практике Верховного Суда РФ по уголовным делам появились примеры иного решения этого вопроса, что может свидетельствовать и о формировании нового подхода. В его основе лежит идея о том, что жизнь и здоровье являются невозстановимыми благами, физический вред не может быть надлежащим образом заглажен, а следовательно, невозможно и освобождение от уголовной ответственности за преступления, причинившие такой вред. Так, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 ноября 2023 г. отменены с передачей дела на новое рассмотрение решения судов первой, апелляционной и кассационной инстанций в отношении Р., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, и Слюдянским районным судом Иркутской области был освобожден от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшей. Вследствие нарушения Р. правил дорожного движения была причинена смерть несовершеннолетней М. Суд первой инстанции прекратил уголовное дело на основании ст. 25 УПК РФ, поскольку Р. примирился с матерью погибшей М., принес ей извинения, компенсировал моральный вред в размере 1 млн руб. и расходы на погребение дочери в размере 80 тыс. руб. Иркутский областной суд и Восьмой кассационный суд общей юрисдикции оставили постановление районного суда без изменения, однако заместитель Генерального прокурора РФ внес в Верховный Суд РФ кассационное представление, в котором, выражая несогласие с состоявшимися судебными решениями, в частности, констатировал, что: 1) «здоровье

и жизнь человека – непреходящая человеческая ценность, утрата которой необратима и невозполнима»; 2) «абсолютно любые позитивные действия, в том числе извинения, принесенные матери погибшей <...>, а также выплаченные ей денежные средства, никоим образом не снижают общественную опасность содеянного <...>, и иная трактовка происшедшего, данная судом, девальвирует высшую ценность человеческой жизни, неотъемлемое право на которую охраняется законом»¹. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила в кассационном определении, что суд, принимая решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, должен был оценить, в какой степени действия Р. «в виде извинений, принесенных матери погибшей <...>, а также выплаченных ей денежных средств позволяли компенсировать наступившие от этого преступления негативные последствия – гибель несовершеннолетней М.»².

Очевидно, что при таком понимании причиненного преступлением вреда, когда в контексте института освобождения от уголовной ответственности он отождествляется с ущербом объекту уголовно-правовой охраны, заглаживание вреда от преступлений, охватывающих причинение потерпевшему смерти, становится в принципе невозможным, ибо способов восстановления жизни человека после его гибели не существует. В немалом числе случаев уголовно-противоправного причинения нелетального физического вреда не может быть полностью восстановлено и здоровье человека: далеко не всегда лечение оказывается результативным, а последствия причиненных повреждений – устранимыми. Но требуется ли кардинальный разворот уже сложившейся правоприменительной практики, в рамках которой констатация факта заглаживания причиненного вреда как условия освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений, в состав которых входит причинение смерти или вреда здоровью, встречается довольно часто? Представляется, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным.

Во-первых, как было показано выше, сам Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 ноября 2023 г. по делу № 66-УДП23-20-К8. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2310172 (дата обращения: 27.02.2024).

² Там же.

законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» толкует способы заглаживания причиненного преступлением вреда широко, ограничивая их лишь требованиями законного характера этих способов и отсутствия ущемления прав третьих лиц. Во-вторых, в рамках гражданского законодательства категория «возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина» имеет вполне определенное содержание, предполагающее денежную форму заглаживания такого вреда (§ 2 гл. 59 ГК РФ); денежная форма предусмотрена в ГК РФ и для компенсации морального вреда, причиненного действиями, посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, в том числе жизнь и здоровье (ст. 151 ГК РФ, § 4 гл. 59 ГК РФ). В-третьих, освобождение от уголовной ответственности за преступления, причиняющие физический вред (при условии, что это преступления небольшой или средней тяжести), в настоящее время является распространенным способом разрешения уголовно-правового конфликта, если причиненный вред в той или иной форме заглажен и состоялось примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим; при этом сам подлежащий заглаживанию вред в интерпретации, придаваемой ему лицами, применяющими уголовный закон, не только не сводится к вреду объекту, а, напротив, простирается далеко за пределы последнего (таков, в частности, моральный вред, причиненный смертью потерпевшего его родственникам). С учетом этих обстоятельств отраженный в анализируемом кассационном определении Верховного Суда РФ подход следует воспринимать скорее не как подлежащий масштабированию (что фактически привело бы к отказу от освобождения от уголовной ответственности при причинении физического вреда), а как предостерегающий от недостаточно обоснованной оценки изменения общественной опасности лица вследствие его позитивных постпреступных действий.

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПОЛИНАУЧНАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Традиционно считается, что субъект преступления – исключительно уголовно-правовая категория. Следует различать понятия «субъект преступления», «личность виновного» и «личность преступника», поскольку они весьма тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы, но не тождественны.

Любое преступление обусловлено общественно опасным поведением человека, т.е. физического лица, являющегося гражданином РФ, иностранным гражданином или лицом без гражданства. Отсюда вытекает, что только человек, совершивший общественно опасное деяние, может быть субъектом преступления. Причём это не любой человек, а тот, кто обладает признаком вменяемости и достиг установленного в уголовном законе возраста уголовной ответственности. Констатация вменяемости неразрывно связана с тщательным анализом действий (бездействия) лица и напрямую зависит от способности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения и руководить им.

В уголовно-правовой доктрине понятие субъекта преступления имеет два смысловых значения – широкое и узкое. В широком смысле – это лицо, совершившее преступление, а в узком – это лицо, совершившее общественно опасное деяние и способное в соответствии с законом понести за него уголовную ответственность. Получается, что понятие субъекта в узком смысле слова чётко очерчивает круг признаков (об этих признаках было сказано выше), которые влияют на установление в деянии лица признаков состава преступления, а значит, на определение основания уголовной ответственности и на правильную квалификацию содеянного. Следует заметить, что этот этап является своеобразной границей, за которой понятие субъекта в узком смысле утрачивает свою актуальность.

Следующий этап состоит в применении мер уголовно-правового воздействия. Изучение и применение таких уголовно-правовых институтов, как назначение наказания, освобождение от уголовной ответ-

ственности, освобождение от наказания, применение иных мер уголовно-правового характера, неизбежно влечёт за собой необходимость в использовании широкого подхода к понятию субъекта. При этом понятие субъекта расширяется не только до признаков, характеризующих специального субъекта (которые в составах со специальным субъектом входят в основание уголовной ответственности), но и до признаков, относящихся к личности виновного. Без учёта этих признаков становится невозможным процесс индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Здесь в уголовном праве мы уже говорим о личности виновного как системе социально значимых свойств лица, совершившего преступление, отражающих возможности его исправления через уголовно-правовые средства¹.

Далее возникает вопрос, что объединяет это понятие личности виновного с криминологическим понятием личности преступника.

При исследовании преступности в целом и отдельных преступлений в частности центральным звеном является личность лица, совершившего преступление (личность преступника), в которой находят отражение все признаки преступления. Поэтому совершенно справедливым представляется утверждение о том, что «личность и её преступное подведение представляют собой единый объект криминологического исследования»².

В криминологии под личностью преступника понимают разновидность человеческой личности в совокупности важнейших социальных и социально-психологических свойств и качеств, у которой преобладают в момент совершения преступного деяния негативные свойства и качества, связанные с нежеланием этой личностью выполнять (соблюдать) социальные нормы, в том числе и нормы уголовного права³.

Нельзя не заметить, что хотя понятие «личность преступника» шире, чем понятие «личность виновного», в обоих понятиях первосте-

¹ Российское уголовное право : учеб. : в 2 т. Т. 1: Общая часть / Г.Н. Борзенков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров [и др.] ; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 217 (автор главы – Г.Н. Борзенков).

² Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. С. 5.

³ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учебник. Томск : ДиВо, 2007. С. 94–95.

пенное значение имеют социально значимые свойства лица, совершившего преступление. Одним из наиболее важных свойств личности преступника, безусловно, является общественная опасность, которая заключается в реальной угрозе совершения им нового преступления, которая порождается антисоциальным отношением лица к другим лицам, общественным организациям или государству, а также способствующими ему общественными отношениями, входящими в содержание его личности¹.

При этом признаки субъекта преступления и личности преступника появляются и проявляются именно в момент совершения преступления. Личность преступника перестаёт существовать «после утраты лицом общественной опасности», на что в своё время обратил внимание В.Д. Филимонов².

Среди признаков, определяющих специфику личности преступника, наряду с наличием асоциальной направленности поведения либо антисоциальной установки, дефектного правосознания выделяют признаки субъекта преступления и общественную опасность, что в полной мере охватывается уголовно-правовым понятием субъекта преступления в широком смысле слова.

Определяя уголовно-правовые критерии криминологических свойств личности преступника, В.Д. Филимонов указывал, что «общественная опасность – криминологическое свойство личности, которое соединяет в себе её нравственно-психологические особенности (простое антиобщественное отношение, установку, ориентацию, направленность) и общественные отношения, которые связывают человека с другими людьми. Критерием нравственно-психологических свойств личности и её общественной опасности... может быть только совершение преступления»³.

Структурно личность преступника состоит из социально-демографических, социально-ролевых (функциональных), нравственно-психологических и уголовно-правовых признаков, что говорит само за себя.

¹ Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника (Предпосылки, содержание, критерии) / отв. ред. А.Л. Ременсон. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 34. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000045572>

² Там же. С. 29.

³ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 47.

Принимая во внимание вышесказанное, стоит ещё раз сделать акцент на том, что в основание уголовной ответственности кладутся только признаки субъекта в узком смысле, тогда как иные социально значимые свойства лица, совершившего преступление, не входят в состав преступления и остаются за рамками основания уголовной ответственности.

Стоит заметить, что немаловажное значение для уяснения полноты категории субъекта преступления имеет его соотношение с категориями «личность обвиняемого», «личность подсудимого» и «личность осуждённого».

Согласно п. 1 ст. 47 УПК РФ, обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; вынесен обвинительный акт; составлено обвинительное постановление. В соответствии с п. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым, а обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осуждённым.

Надо сказать, что здесь речь идёт об определённом процессуальном статусе лица на разных этапах уголовного судопроизводства, обуславливающим наделяние этого лица регламентированным уголовно-процессуальным законом объёмом прав и обязанностей.

Необходимо отметить, что в уголовном судопроизводстве сведения о личности обвиняемого (подсудимого) имеют существенное значение при решении многих вопросов. Так, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, входят в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, при производстве по уголовному делу (п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 73 УПК РФ); обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, являются необходимыми при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении обвиняемого в совершении преступления и определения её вида (ч. 1 ст. 99 УПК РФ); выступают неотъемлемой частью обвинительного заключения (п. 2 ч. 1 ст. 220 УПК РФ); составляют звено подготовительной части судебного заседания, а именно установления личности подсудимого (ч. 1 ст. 265 УПК РФ); обстоятельства совершения преступления и данные о личности виновного являются основой для мотивированного решения в обвинительном приговоре суда вопросов, относящихся к назначению уголов-

ного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия (ч. 4 ст.307 УПК РФ), и являются значимыми в других предусмотренных законом случаях.

На важность данных о личности обвиняемого указывали М.Г. Коршик и С.С. Степичев, подчёркивая их необходимость для «надлежащего расследования преступления, выяснения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, решения вопроса о назначении подсудимому наказания и... для проведения работы, направленной на исправление... осуждённого»¹.

В уголовно-исполнительном праве осуждённым признаётся лицо, в отношении которого приговор, вынесенный судом, вступил в законную силу и которому назначено наказание². Следуя логике нашего изложения, личность осуждённого – это тот же субъект преступления в широком его понимании, где огромное значение для достижения целей и задач уголовно-исполнительного права (ст. 1 УИК РФ) имеют социально значимые свойства лица.

В связи со сказанным нельзя не увидеть, что субъект преступления – это полинаучная правовая категория. Она не тождественна категориям «личность виновного», «личность преступника», «личность обвиняемого», «личность подсудимого» и «личность осуждённого». Каждая из рассмотренных дефиниций имеет свою специфику, обусловленную местом, которое она занимает в системе правовых наук, целями и задачами соответствующего отраслевого законодательства или науки, а также ролью, которую она там играет.

Тем не менее в широком понимании субъект преступления имеет множество точек соприкосновения с ними. Во-первых, все названные понятия представляют собой особенности лица, совершившего преступление. Во-вторых, любая из перечисленных категорий всегда включает в себя признаки, присущие общему субъекту преступления (физическое лицо, вменяемость, достижение установленного законом возраста), и признаки, характерные для специального субъекта. Признаки же субъекта в широком понимании этого слова в каждом понятии преломляются по-своему в зависимости от их социально-правового наполнения.

¹ Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии / под ред. А.И. Винберга. М. : Юрид. лит., 1961. С. 4.

² Додонов В.Н. Большой юридический словарь. URL: <http://courts.spb.ru/spravka/glossary/yuridicheskij-slovar/osuzhdennyij/>

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕветУ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Общественная опасность клеветы в отношении государственных или общественных деятелей тесно связана с доверием и стабильностью в обществе.

В нашем современном информационном обществе, где любые сведения масштабируются через социальные медиа и другие средства коммуникации, совершение действий, направленных на честь, достоинство и деловую репутацию государственного или общественного деятеля в связи с исполнением этими лицами своих, определенных законодательством РФ, полномочий, наносит непоправимый вред политической составляющей национальной безопасности.

Отметим, что указание на государственного или общественного деятеля как потерпевшего в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) установлено в ст. 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля».

Специальной нормы, предусматривающей ответственность за совершение действий, направленных на опорочивание чести, достоинства и деловой репутации таких лиц, уголовное законодательство РФ не содержит, что отличает в этом вопросе подход российского законодателя к этому вопросу от иного мнения, существующего в ряде уголовных кодексов других государств (ст. 367 УК Республики Беларусь; ст. 375, 376 УК Республики Казахстан; ст. 323 УК Азербайджанской Республики; ст. 137, 137 (1) УК Республики Таджикистан; ст. 105 УК КНР).

В ст. 128.1 УК РФ «Клевета» нет квалифицированного состава, в котором бы устанавливалась ответственность в зависимости от вида потерпевшего.

Единственное, на что можно обратить внимание, так это на то, что в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ законодатель определил повышенную общественную опасность за клевету в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных.

Специальная норма о клевете содержится в ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации».

Вопрос понимания критериев отнесения лица к государственному или общественному деятелю неоднократно поднимался в научной литературе¹.

В целом, обобщая различные мнения, можно констатировать, что в основе определения указанного круга лиц лежит связь статуса лица с основами политической системы РФ².

Соответственно, посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию государственного или общественного деятеля в связи с исполнением им соответствующих его статусу полномочий в любом случае оказывает негативное влияние на национальную безопасность, поскольку основной составляющей последней выступает политическая безопасность, которая взаимоувязана с таким свойством политической системы, как «политическая стабильность»³.

Анализ правоприменительной практики показал, что при отсутствии специальной уголовно-правовой нормы за клевету в отношении государственного или общественного деятеля остаются только варианты установления в фактически совершенных лицом действиях признаков иных состава преступлений, прежде всего предусмотренных ст. 282, 280.3, 207.3 УК РФ, с учетом соблюдения принципа законности.

Таким образом, считаем обоснованным всестороннее исследование вопроса о криминализации клеветы в отношении государственного или общественного деятеля.

При этом следует уделить внимание и возможности установления в примечании к соответствующей статье положения о том, что публичные выступления, содержащие критические высказывания о деятельности государственного или общественного деятеля, не влекут уголовной ответственности.

¹ Дегтерев А.А. Государственный или общественный деятель: уголовно-правовое понятие // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 5(114). С. 188–198.

² Дегтерев А.А. Уголовно-правовая характеристика посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля // Уголовное право. 2020. № 2. С. 19–26.

³ Трахименок А.А. Политическая безопасность как основная составляющая национальной безопасности государства // Дискуссия. 2010. № 8. С. 53–54.

Также считаем возможным обратиться к опыту развития уголовного законодательства Республики Беларусь, в ст. 369¹ УК которой определены признаки такого преступления, как дискредитация Республики Беларусь.

Как итог отметим, что в настоящее время особое внимание следует уделять вопросам уголовной ответственности как наиболее эффективной мере противодействия, деяниям, обладающим повышенной общественной опасностью в связи с их направленностью на подрыв национальной безопасности.

С.Е. Суверов

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Негативные правовые последствия для лиц, совершивших преступления и осужденных к отбыванию наказания, прямо следуют из положений отечественного уголовного закона. Такая форма реализации уголовной ответственности, как судимость, предполагает не только восприятие лица, находящегося в указанном правовом состоянии, с точки зрения повышенной общественной опасности его личности (применительно к признанию рецидива, назначению наказания, выбору вида исправительного учреждения, невозможности освобождения от уголовной ответственности, наказания и пр.).

Подчеркнем, что при таком состоянии для виновного лица наступают и иные юридические последствия, которые следуют из содержания отдельных федеральных законов, что порождает научную дискуссию относительно установления их сущности. Более того, согласно ч. 6 ст. 86 УК РФ, погашение или снятие судимости аннулирует лишь те ограничения, которые предусмотрены уголовным законом, что позволяет использовать другие меры к лицам, судимость которых была снята или погашена или которые были освобождены от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям¹.

¹ Нечепуренко А.А. Законодательное регулирование негативных последствий для лиц, совершивших преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4. С. 40.

Представляется, что основанием использования таких правоограничений выступает идея «мер безопасности». Дело в том, что установление факта общественно опасного деяния предоставляет возможность государству применять меры, необходимые для защиты от предполагаемых посягательств, осуществлять так называемые превентивные мероприятия. Ключевым является то обстоятельство, что использование мер безопасности базируется на констатации совершения преступления вне зависимости от того, в какой форме она была выражена¹. Сами меры безопасности могут быть использованы как наряду с осуждением, так и без него, а также действовать после погашения или снятия судимости.

Относительно ограничений, направленных на лиц, освобожденных от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям, заметим, что в основном они сводятся к исключению возможности проходить службу в правоохранительных органах (органы внутренних дел, органы принудительного исполнения, Следственный комитет, Федеральная служба безопасности, уголовно-исполнительная система), однако ими не ограничиваются (запрет на осуществление определенных видов деятельности, невозможность усыновления и опекуна, ограничение избирательных прав и т.п.).

Интересно, что в зарубежных государствах такие ограничения в правах рассматриваются в рамках применения к виновным дополнительного наказания, что было свойственно и отечественному дореволюционному законодательству². При таком видении не возникает вопросов, связанных с определением их правовой природы, дифференциацией сроков применения, значительностью применяемых ограничений.

Получается, что существенные ограничения правового статуса личности становятся тождественны тому, если бы виновность лица была установлена судом в форме обвинительного приговора, вступившего в законную силу, при которой у лица возникло бы состояние судимости.

¹ Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 1999. С. 58.

² Нечепуренко А.А. Меры безопасности, применяемые к лицам, совершившим преступления // Вопросы правовой теории и практики : сб. науч. ст. Вып. 15. Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 36.

В этой связи думается, что разрозненные и достаточно спорные ограничения в контексте реализации института мер безопасности требуют выработки единого подхода к тому, какие именно права и в каком объеме могут быть ограничены, на какой именно срок (или же это может быть бессрочно), чтобы они действовали универсально для всех видов деятельности единой направленности (например, правоохранительная сфера). Актуализирует значимость выраженного суждения и то, что подобные ограничения, распространяясь на лиц, освобожденных от уголовной ответственности, могут не действовать относительно тех, кто был освобожден от наказания, что вызывает еще большее сомнение в целесообразности подобных мер. При этом в уголовно-правовом смысле такое лицо будет признаваться «впервые совершившим преступление», что в значительной степени благоприятствует ему с точки зрения возможных последствий отечественного уголовного закона.

Таким образом, использование ограничительных мер к лицам, личность которых представляет опасность для общества в различных сферах жизнедеятельности, является рациональным и оправданным решением, которое прежде всего должно быть криминологически обоснованным. Меры безопасности – это эффективный инструмент уголовной политики государства, который должен использоваться единообразно, для чего требуется ревизия разрозненно действующих законов и приведение их к общим положениям.

А.В. Уткин

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ И ОСОБЕННОСТЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В системе отечественного законодательства о борьбе с преступностью¹ только Уголовно-процессуальный кодекс РФ включает относительно подробный глоссарий используемых в нем основных терминов

¹ См.: Кирин В.А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М. : Юрид. лит., 1979.

(ст. 5 – «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе»). Вопрос о создании подобного глоссария в рамках Уголовного кодекса наукой не признается актуальным, и это не случайно. Главные категории уголовного права – преступление и наказание – раскрываются в ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 43 УК. Содержание конкретных наказаний и иных мер уголовно-правового характера также определяются в тексте Кодекса, а раскрытию содержания (составов) конкретных уголовно-противоправных деяний, в сущности, посвящена вся Особенная часть УК. Такой подход вполне отвечает потребностям правоприменения в уголовном судопроизводстве (ст. 6 УПК – «Назначение уголовного судопроизводства»). В то же время многоаспектность и сложность задач уголовно-исполнительной деятельности, направленной в конечном счете на достижение целей уголовной политики, требуют отдельного доктринального анализа единства и особенностей взаимосвязанной терминологии уголовного и уголовно-исполнительного права. Об актуальности этой проблемы свидетельствуют, в частности, отдельные научные издания¹, а также предпринятые в рамках подготовки теоретической модели нового УИК РФ скромные попытки закрепить в его проекте некоторые понятия (ст. 1 «Основные понятия, используемые в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации»)². «Скромными», на наш взгляд, они являются потому, что лишь шесть из всех возможных и актуальных в уголовно-исполнительном правоприменении терминов нашли отражение и толкование в данной статье проекта.

Важная роль здесь принадлежит тесно взаимосвязанной терминологии уголовного и уголовно-исполнительного права, поскольку в этих отраслях одни и те же юридические категории нередко приобретают неоднозначное содержание и толкование. Это справедливо уже для определяющего для данных отраслей термина «**наказание**» и его юридического содержания. Согласно ст. 43 УК, оно как назначаемая судом мера государственного принуждения «**предусмотренных настоящим Кодексом** лишения или ограничения прав» виновного лица (выделено мной. – *А.У.*). Между тем Уголовно-исполнитель-

¹ Юридический словарь для сотрудников пенитенциарной системы. Самара, 2013.

² Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Теоретическая модель. Итоги и обоснования теоретического моделирования. М. : Юриспруденция, 2017. С. 41–42.

ный кодекс стоит на позиции давно сложившегося в отечественной пенитенциарии так называемого «широкого» понимания наказания, включающего в себя в процессе его исполнения соединяемые с ним некарательные меры исправительно-предупредительного воздействия (ст. 7, 82 УИК и др.).

И Уголовный, и Уголовно-исполнительный кодексы не дают общего определения «**иных мер уголовно-правового характера**» при том, что, как уже отмечалось в литературе, их перечень в УК (конфискация, судебный штраф, принудительные меры медицинского характера) не совпадает с мерами, исполнение которых в качестве таковых предусматривает УК РФ (условное осуждение и отсрочка исполнения наказания)¹.

Определяя в ч. 2 ст. 43 **исправление** осужденных как одну из целей наказания, Уголовный кодекс не раскрывает ее содержания. По данной проблеме существует обширная литература. Не входя в содержание многочисленных дискуссий, отметим, что в ч. 1 ст. 9 УИК исправление раскрывается уже не как цель, а как процесс: «формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Целью, как видно, является здесь уже сформированное «уважительное отношение», а перечисленные в ч. 2 «основные средства исправления» – это средства, используемые в процессе формирования такого отношения.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 УК «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права». Это не охватывает международных договоров РФ, которые также учитываются уголовным законом и практикой его применения (см., например, ч. 3 ст. 11, ч. 3 ст. 12, ст. 355 УК). В уголовно-исполнительном законодательстве его международные основы изложены более точно и широко: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации...».

¹ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018.

Уголовный кодекс использует термин «**вид наказания**» в двух аспектах: в аспекте содержания и строгости наказания (ст. 44) и в аспекте его назначения (ст. 45 «Основные и дополнительные виды наказаний»). В УК РСФСР 1960 г. виды наказания делились только по их строгости (ст. 21), но предусматривались наказания (а не «виды наказания»), которые могли назначаться как основные, как основные и дополнительные или только как дополнительные (ст. 22). То есть в ст. 22 речь шла не о содержании (качестве) самого наказания, определяющем его вид, а о порядке его назначения (в качестве основного, основного либо дополнительного или только дополнительного). Такой подход представляется более правильным, поскольку конкретному осужденному приговором всегда назначается конкретное наказание, а не наказание «того или иного вида». К тому же строгость такого конкретного наказания для осужденного вполне может не совпадать с его «типовой» строгостью как наказания определенного «вида» (сравним, к примеру, три месяца лишения свободы и штраф пять миллионов рублей).

Нужно отметить, что и сам законодатель не всегда безупречен в использовании созданной им терминологии в отдельных нормах Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов, что говорит о ее некоей искусственности. Безо всякого ущерба для смысла соответствующих правовых норм в ч. 5 ст. 46 УК говорится о штрафе, назначенном «в качестве основного наказания», а не в качестве «основного вида» наказания. Аналогично тому в ст. 32 УИК упоминается штраф, назначенный «в качестве основного наказания» и «в качестве дополнительного наказания». Ограничение свободы «в качестве основного наказания» либо «в качестве дополнительного наказания» обнаруживается также в ч. 5 и 7 ст. 58 УИК РФ. В связи с этим ст. 45 УК РФ целесообразно озаглавить «Основные и дополнительные наказания» и внести поправки в ее текст и соответствующие нормы Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов.

С.С. Уткина

К ВОПРОСУ О ЗАМЕНЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ИСПРАВИТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ

Согласно ч. 1 ст. 80 УК РФ, лицу, отбывающему лишение свободы, возместившему вред (полностью или частично), причиненный пре-

ступлением, суд с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания. «При замене неотбытой части наказания суд может избрать **любой** более мягкий вид наказания в соответствии с видами наказаний, указанными в статье 44 настоящего Кодекса, в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом для каждого вида наказания» (выделено мной. – С.У.).

Наиболее часто в судебной практике лишение свободы на основании ст. 80 УК заменяется исправительными работами. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» устанавливает, что при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии с ч. 2 ст. 72 УК РФ срок более мягкого вида наказания должен определяться с учетом положений ч. 1 ст. 71 УК РФ. Например, в случае замены лишения свободы исправительными работами, если неотбытая часть наказания в виде лишения свободы составляет 6 месяцев, то срок исправительных работ не должен превышать 1 год 6 месяцев (абз. 2 п. 4)¹.

Такой же позиции придерживаются суды общей юрисдикции Сибирского федерального округа, полагающие невозможным замену неотбытого срока лишения свободы исправительными работами, если срок исправительных работ с учетом положений ч. 1 ст. 71 УК РФ выходит за пределы, установленные ч. 2 ст. 50 (два года)².

Однако такая позиция вызывает ряд вопросов. Часть 1 ст. 71 УК **приравнивает** те или иные сроки наказаний, не связанных с лишением свободы, к срокам лишения свободы, в том числе приравнивая по строгости три дня исправительных работ к одному дню лишения свободы.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (дата обращения: 22.01.2024).

² См.: Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 декабря 2022 года по делу № 77-5388/2022, Апелляционное постановление Томского областного суда от 26 января 2023 года по делу № 22-228/2023, Апелляционное постановление Томского областного суда от 5 октября 2023 года по делу № 22-2410/2023.

Поэтому замена шести месяцев лишения свободы восемнадцатью месяцами исправительных работ формально будет означать лишь изменение вида наказания, но не его меры, т.е. строгости. Полагаем, что это не отвечает сути ст. 80 УК, ее стимулирующей направленности и основаниям применения. Иными словами, не только вид, но и конкретный размер наказания должны быть, по смыслу данной статьи, более мягкими. Ведь не запрещает же закон заменять лишение свободы штрафом, не оговаривая его возможный размер.

Возвращаясь к исправработам, отметим, что при их максимальном сроке (два года), если исходить из упомянутой выше позиции Пленума Верховного Суда, следует прийти к выводу, что замена лишения свободы исправработами возможна только, если неотбытый осужденным срок лишения свободы не превышает восьми месяцев (24:3). Но закон не ставит таких ограничений, говоря лишь о сроках фактического отбытия данного наказания (ч. 2 ст. 80). При преступлениях небольшой тяжести наибольший неотбытый срок наказания, необходимый для применения ст. 80, может составлять два года (две трети от трех лет); при преступлениях средней тяжести – три года и четыре месяца (две трети от пяти лет); при тяжких преступлениях – пять лет (половина от десяти лет). Поэтому с учетом принципа гуманизма (ст. 7 УК) и целей наказания (ст. 43 УК) нецелесообразно ограничивать принципиальную возможность замены лишения свободы исправительными работами неотбытым сроком лишения свободы. Однако на практике это нередко приводит к нарушению принципа справедливости (ст. 6 УК) в случаях последующего уклонения осужденных от отбывания исправительных работ. Ведь неотбытый срок исправительных работ при их «обратной замене» в порядке ч. 4 ст. 50 УК может быть заменен лишением свободы в той же пропорции ч. 1 ст. 71, т.е. 3:1. К примеру, в случае замены неотбытой осужденным части наказания в виде лишения свободы сроком 1 год 6 месяцев на 2 года исправительных работ (максимальный предел), и при дальнейшем уклонении осужденного от отбывания исправительных работ они могут быть заменены только на 8 месяцев лишения свободы. Таким образом, срок наказания, назначенный по приговору суда, при такой замене бесосновательно будет снижен на целых 10 месяцев.

Видится два возможных решения этого вопроса. Если согласиться с В.Д. Филимоновым в том, что «в случае злостного уклонения осужденного от отбывания назначенного ему наказания новое наказание по

своей карательной силе не должно превышать первоначально назначенное наказание»¹, напрашивается вывод о придании замене наказания более мягким условного характера. Другой вариант – согласиться с предложением об изменении пропорции замены исправительных работ лишением свободы при злостном уклонении от их отбывания от «ординарной» (3:1) к «штрафной» (1:1)². В результате назначенный осужденному срок лишения свободы может превысить неотбытый срок лишения свободы, однако на его длительность будет дополнительно влиять также новый факт уголовно-противоправного поведения осужденного.

А.В. Шеслер

ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ХИЩЕНИЯ

Анализ примечания 1 к ст. 158 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что данное в нем понятие хищения охватывает не только те хищения, о которых идет речь в гл. 21 УК РФ, но и те, о которых идет речь в других главах УК РФ, в частности, в ст. 221, 226, 227, 229, 325 УК РФ. Вместе с тем практика применения указанных норм показывает, что понятие хищения, содержащееся в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, не является универсальным. В работах исследователей, посвященных хищениям предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте, называемых специальными хищениями, на это обращается внимание и это аргументируется наличием ряда особенностей данных хищений. Такие особенности состоят как в объективных, так и субъективных признаках составов специальных хищений.

Прежде всего специфическими являются объекты указанных хищений. В качестве их основного объекта выступает не собственность или иные имущественные отношения, а отношения иного рода. Например, при хищении оружия (ст. 226 УК РФ) основным объектом выступает часть общественной безопасности в виде установленного порядка его

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 274.

² Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. С. 208.

приобретения, обеспечивающего состояние защищенности личности, общества, государства от незаконного использования поражающих свойств оружия, при хищении наркотических средств (ст. 229 УК РФ) – часть общественной безопасности в виде установленного порядка их приобретения, обеспечивающего состояние защищенности здоровья населения от немедицинского потребления таких средств. Такая особенность объектов вытекает из специфики оружия и наркотических средств как предметов хищения. Оружие является источником повышенной опасности в связи с тем, что оно конструктивно предназначено для механического поражения живой и иной цели на расстоянии, наркотические средства оказывают негативное психоактивное воздействие на организм человека, вызывают у него при их употреблении наркотическую зависимость, разрушающую здоровье. Причем отношения собственности при хищении указанных предметов вообще могут отсутствовать, не выступать даже в качестве дополнительного объекта преступления. Подобная ситуация возникает в тех случаях, когда совершается хищение такого оружия и таких наркотических средств, которые имеют незаконный источник физического происхождения, в частности, изготовлены незаконно. Незаконный источник их происхождения не создает первоначальных оснований для возникновения права собственности на эти предметы. В последующем возможно только законное владение этими предметами, например, правоохранительными органами в случае их изъятия при производстве следственных действий. Это означает, что потерпевшим от специальных хищений может быть только титульный (законный) владелец предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте. Незаконный владелец этих предметов может быть потерпевшим при совершении таких хищений только в том случае, если завладение ими сопряжено с насилием (например, в случаях, предусмотренных п. «г» ч. 2, п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ). Однако потерпевшим данное лицо становится в связи с тем, что посягательство осуществляется на его телесную неприкосновенность, здоровье или жизнь.

Особенности объективной стороны специальных хищений характеризуются последствиями от их совершения и моментом их окончания. В связи с тем, что собственность не является ни основным, ни дополнительным объектом рассматриваемых хищений, можно утверждать, что причинение ущерба собственнику, являющееся обязательным признаком хищений как преступлений против собственности, не является

таковым признаком для специальных хищений. Отсутствие такого последствия обусловлено тем, что потерпевшим, как уже отмечалось, является только законный владелец данных предметов. Незаконное владение, независимо от затрат на приобретение таких предметов, уголовно-правовой охране не подлежит. Кроме того, лицо, совершающее незаконное изъятие указанных предметов из чужого владения, может оставить их владельцу денежную сумму, эквивалентную их стоимости. Таким образом, обязательным последствием от специальных хищений является то, которое состоит в причинении вреда основному объекту преступления (общественной безопасности, безопасности здоровью населения и т.д.).

Момент окончания специальных видов хищений в практике применения уголовного закона отличается от такого момента применительно к хищениям против собственности. Для последних таким моментом, если предметом хищения является имущество в виде вещи, является появление у виновного реальной возможности распорядиться изъятим имуществом по своему усмотрению (см., например, п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»)¹. Специальные хищения считаются оконченными с момента противоправного завладения (изъятия из чужого владения) соответствующих предметов (см., например, п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»)². Полагаем, что исходя из характера последствий, преступления против собственности должны считаться оконченными с момента изъятия имущества из чужого владения, так как именно с этого момента владельцу имущества причиняется ущерб в виде уменьшения у него похищенного имущества. Напротив, специальные виды хищения должны признаваться оконченными с того мо-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Консультант-Плюс».

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

мента, когда у виновного появляется реальная возможность распорядиться похищенным по своему усмотрению, так как именно с этого момента возникает конкретный вред в виде законно неконтролируемого использования свойств предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте.

Особенностями характеризуется также субъективная сторона специальных хищений. Для хищений против собственности обязательной является корыстная цель, состоящая в стремлении виновного завладеть чужим имуществом без полного возмещения его стоимости или без возмещения его стоимости в полном объеме. При совершении специальных хищений цель преступления может ограничиваться только стремлением виновного завладеть предметами, изъятыми или ограниченными в гражданском обороте. При оплате виновным владельцу таких предметов денежной суммы, эквивалентной их стоимости, в цель хищения не входит завладение ими без возмещения их стоимости или без возмещения их стоимости в полном объеме.

Полагаем, что выделенные особенности специальных видов хищений должны быть учтены законодателем в виде отдельного определения в УК РФ каждого из них, отличного от того, которое дано в примечании 1 к ст. 158 УК РФ.

А.В. Шеслер, С.С. Шеслер

КВАЛИФИКАЦИЯ СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВА В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Варианты квалификации действий соучастников преступления при соисполнительстве, при котором каждый из них полностью или частично выполняет объективную сторону конкретного состава преступления (прежде всего деяния), являются различными, несмотря на фактическое сходство совместно совершенных преступлений. В тех случаях, когда все соисполнители является общими субъектами или специальными субъектами соответствующего преступления, деяние каждого из них квалифицируется как деяние исполнителя. Если в уголовном законе предусмотрен квалифицирующий признак в виде совершения преступления группой лиц (группой лиц по предварительному сго-

вору, организованной группой), то при этом квалификация осуществляется по соответствующему пункту и части статьи УК РФ, предусматривающей такое преступление (например, по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Если такой квалифицирующий признак не предусмотрен, то совершение преступления в соисполнительстве учитывается как обстоятельство, отягчающее наказание, при его назначении в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Ошибки, которые возникают в процессе такой квалификации, состоят в расширении субъектного состава участников группы, совершающей преступление, а также в расширении объективной стороны соисполнительства.

Расширение субъектного состава участников группы состоит в том, что совершением преступления группой лиц в судебной практике в течение многих десятилетий признавалось и признается выполнение объективной стороны преступления несколькими физическими лицами, из которых лишь одно обладает признаками общего субъекта преступления, а другие не подлежат уголовной ответственности в силу недостижения требуемого законом возраста или невменяемости. Подобное толкование группового преступления прямо противоречит уголовному закону, в соответствии с которым его участниками являются два и более исполнителя (ч. 1 ст. 35 УК РФ), к числу которых не относятся лица, не подлежащие уголовной ответственности в силу возраста или невменяемости (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Расширение объективной стороны соисполнительства в судебной практике касается действий тех соучастников преступления, которые связаны между собой предварительным сговором на совершение преступления, присутствовали в одно время вместе с исполнителем на месте совершения преступления, оказывают ему в этом содействие, однако не выполняют деяния, входящего в объективную сторону состава преступления, например, не изымают имущество при хищении (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»)¹. Такое соучастие квалифицируется как совершение преступления группой

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Консультант-Плюс».

лиц. Полагаем, что данная позиция судов нивелирует требование закона о необходимости учета характера и степени фактического участия лица в преступлении (ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 67 УК РФ), исходя из его отличия при соучастии с юридическим разделением ролей в смысле ст. 33 УК РФ и при соисполнительстве. Последнее всегда отягчает наказание, так как учитывается, как уже отмечалось, либо как квалифицирующий признак преступления, либо как обстоятельство, отягчающее наказание.

Расширение понятие соисполнительства в судебной практике происходит также при квалификации действий всех участников организованной группы, независимо от их роли в преступлении, как действий исполнителей преступления, причем даже тех из них, которые не обладают признаками специального субъекта (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»)¹. На наш взгляд, такая позиция судов также не соответствует требованию закона о необходимости учета характера и степени фактического участия лица в преступлении. Как исполнение преступления следует квалифицировать действия тех участников организованной группы, которые совершают деяние, входящее в объективную сторону соответствующего преступления. В тех случаях, когда законом предусмотрен специальный субъект преступления, необходимо, чтобы каждый из соисполнителей преступления обладал признаками такого субъекта. Действия лиц, не обладающих такими признаками, должны квалифицироваться как соучастие в преступлении, совершенном организованной группой, со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Менее разработанными в теории уголовного права являются вопросы квалификации фактического соисполнительства в тех случаях, когда для каждого из участников этого преступления предусмотрены самостоятельные основания уголовной ответственности.

Прежде всего речь идет о необходимом соучастии, при котором действия одного лица невозможны без действий другого. Наиболее простыми примерами его являются коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), получение и дача взятки (ст. 290, 291 УК РФ).

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Следующая ситуация связана с тем, что одно преступление выполняют лица, одно из которых является специальным субъектом. Например, подделка официального документа выполняется лицом, указанным в ст. 292 УК РФ, а также лицом, таковым не являющимся и действия которого квалифицируются по ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Возможна ситуация, при которой одно преступление, совершаемое только специальными субъектами, квалифицируется различно. Например, совместно совершенный шпионаж, совершенный гражданином Российской Федерации и иностранным гражданином, квалифицируется в отношении каждого из них соответственно по ст. 275 и 276 УК РФ.

Подобная квалификация осуществляется также при легализации имущества, приобретенного преступным путем. Если такие действия совершаются лицом, которое приобрело имущество в результате совершения им преступления, они квалифицируются по ст. 174.1 УК РФ. Аналогичные действия другим лицам, совершенные совместно с лицом, которое приобрело имущество в результате преступления, квалифицируются по ст. 174 УК РФ (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»)¹.

В заключение отметим, что подобные ситуации, обусловленные действующим уголовным законодательством, нуждаются в серьезном теоретическом осмыслении с позиций учения о соучастии в преступлении. Пока исследователи ограничиваются наличием таких ситуаций, не объясняя их уголовно-правовую природу.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс».

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

А.С. Александров, О.В. Обернихина

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Особое место в деятельности уголовно-исполнительных инспекций занимают такие реализуемые ими меры пресечения, как домашний арест и запрет определённых действий. Значительный интерес представляют содержание и реализация ограничений, предполагаемых ввиду применения указанных мер. Это обусловлено, в первую очередь, ограничением конституционных прав граждан.

При реализации уголовно-исполнительными инспекциями ограничительных мер как наказаний, так и мер пресечения возникает ряд сложностей. В первую очередь, сложности возникают ввиду неоднозначного физического ограничения подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избран домашний арест или запрет определённых действий.

Домашний арест как мера пресечения не предполагает изоляцию лица от внешнего мира. Так или иначе возможности связи у подозреваемого или обвиняемого есть и, более того, должны сохраняться. Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что лицо, которое подверглось мере пресечения в виде домашнего ареста, как и запрету определённых действий, не может быть ограничено в использовании средств связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, дознавателем и контролирующим органом.

Некоторые сложности в реализации рассматриваемой меры пресечения возможны по причинам, обозначенным Л.В. Головкин. Так, по его мнению, домашний арест, а именно физическое нахождение дома, в

развитых уголовно-процессуальных системах является чем-то архаичным и заменен на разнообразные формы электронного мониторинга¹.

Интересную точку зрения высказывает Ю.А. Рочева, обращая внимание на зарубежный опыт домашнего ареста, указывая на необходимость рассмотреть возможность отбывать домашний арест и не у себя дома². Аргументом служит возможное причинение неудобств иным лицам, проживающим с подозреваемым или обвиняемым в одном жилом помещении. При этом суду предлагается в первую очередь учитывать интересы третьих лиц и во вторую – подозреваемого, в отношении которого избирается мера пресечения.

К самому строгому ограничению необходимо отнести запрет покидать жилое помещение в определенные судом периоды времени. В этой связи сложность как технического, так и организационного характера при реализации домашнего ареста представляет контроль со стороны уголовно-исполнительной инспекции физической изоляции лица, т.е. фиксация факта нахождения его в обозначенном жилом помещении.

До внесения названных изменений в УПК РФ при избрании домашнего ареста, согласно ч. 13 ст. 107 УПК РФ, подозреваемому или обвиняемому запрещалось непосредственно осуществлять хозяйственную деятельность. Для этого он вправе был выдать доверенность на ее осуществление. Ныне при избрании новой меры пресечения – запрет определенных действий – такое право на занятие предпринимательской деятельностью предусмотрено³.

Тем самым законодатель после введения новой меры пресечения объединил все действия, связанные с контролем запретов в ст. 105.1 УПК РФ, в которой имеются положения, посвященные как запрету определенных действий, так и домашнему аресту. Данные запреты точно ограничивают возможную дальнейшую преступную деятельность подозреваемых и обвиняемых, а не полностью урезают их конституционные права и свободы и не влекут сужения важных социальных связей.

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2021. 1328 с.

² Рочева Ю.А. Домашний арест как мера пресечения: отечественный и зарубежный опыт // Инновационная наука. 2023. № 10-2. С. 64–66.

³ Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Запрет определенных действий: первые результаты применения // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 56.

В этой связи требуется внесение дополнений в части возложения на ФСИН России и УИИ задач по осуществлению контроля за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий и за соблюдением ими наложенных судом запретов, поскольку стоит вопрос о компетенции УИИ в рамках осуществления контроля за подозреваемыми (обвиняемыми) с мерой пресечения.

А.Е. Балаганская

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ

В целях обеспечения личной безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) законодатель принял систему нормативных правовых актов, регламентирующих порядок и условия применения мер безопасности (Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее – Закон РФ № 5473-1)¹. Данный законодательный акт регламентирует применение физической силы в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных в целях пресечения преступлений и административных правонарушений; задержания осужденного или лица, заключенного под стражу; пресечения неповиновения или противодействия законным требованиям сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Однако на практике применение физической силы к несовершеннолетним лицам, отбывающим наказание в воспитательных колониях, не встречается. Эта ситуация не связана с рядом причин. Во многом потому, что сегодня многие сотрудники не могут правильно оценить складывающуюся ситуацию. Причиной выступает и низкий уровень знаний и фактических умений использования теоретических познаний в области применения физической силы в ситуациях, складывающихся

¹ Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 04.08.2023) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

в повседневной практической деятельности сотрудников, несущих службу в непосредственном контакте с осужденными, содержащимися в воспитательных колониях. Повышенное внимание контролирующих органов к рассматриваемой категории осужденных также не вызывает желания полноценно использовать меры безопасности как у руководства учреждений, так и у сотрудников. В итоге в большинстве случаев, когда законом разрешено применение физической силы, данное право не реализуется. У сотрудников УИС, осуществляющих свою служебную деятельность в непосредственном взаимодействии с осужденными, содержащимися в воспитательной колонии, вырабатывается опасение применения мер безопасности. Оно впоследствии передается и молодым сотрудникам.

Большая часть сотрудников считает, что в отношении несовершеннолетних осужденных в части применения физической силы действуют те же запреты, что и на применение специальных средств.

Указанное обстоятельство негативно сказывается на оперативной обстановке учреждения, а также вызывает у осужденных чувство вседозволенности и безнаказанности. От непринятия решений о применении мер безопасности страдает не только деловая репутация сотрудников, но и складывается негативное впечатление о правоохранительной системе в целом.

М.Б. Глазков

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ЛИЦ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Среди ученых-пенитенциаристов имеются различные точки зрения по вопросу о применении технических средств надзора и контроля в отношении осужденных к принудительным работам, несмотря на то, что в настоящее время действующие нормы уголовно-исполнительного права, регламентирующие применение инженерно-технических средств надзора и контроля, не устанавливают возможности применения администрацией исправительного центра системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПЛ).

Авторы, признающие возможность применения СЭМПЛ в отношении осужденных к принудительным работам, аргументируют свою точку зрения различными основаниями. О.В. Мельникова указывает, что целесообразно расширить Перечень, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2016 №2932-р «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам», дополнив его пунктом 7, в котором предусмотреть применение упомянутых средств персонального контроля¹.

Аналогичной точки зрения придерживается Н.И. Улендеева, которая пишет о необходимости применения СЭМПЛ в первую очередь в отношении лиц, склонных к нарушению режима, побегу, совершивших повторные преступления².

Е.В. Шульц, С.И. Бякина считают необходимым применять СЭМПЛ для контроля осужденных вне нахождения исправительного центра, а именно на объектах трудоустройства, в отпуске, при прохождении стационарного лечения в медицинском учреждении, проживании за пределами исправительного центра³.

На наш взгляд, согласиться с представленной точкой зрения на современном этапе исполнения наказания в виде принудительных работ не представляется возможным по следующим обстоятельствам:

1. Штатное расписание исправительных центров в настоящее время не предусматривает технических специалистов, способных осуществлять функции по администрированию и осуществлению контроля за

¹ Мельникова О.В. Применение технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам: правовые аспекты // Право и управление. 2023. № 7. С. 213–216.

² Улендеева Н.И. Обеспечение электронного мониторинга за осужденными к принудительным работам: особенности и перспективы развития // Modern Science. 2022. № 4-1. С. 157–160.

³ Шульц Е.В., Бякина С.И. О некоторых проблемах осуществления надзора за осужденными к принудительным работам // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2 (53). С. 94–100.

применением технических средств надзора и контроля. Возлагать указанную нагрузку на имеющихся должностных лиц нецелесообразно в связи с и без того высокой загруженностью сотрудников.

2. Оборудование СЭМПЛ, в которое входит стационарный пульт мониторинга, устройство активации, контрольные устройства, электронные браслеты имеют немалую стоимость, не говоря уже о цене его обслуживания. Целесообразнее потратить указанные денежные средства на приобретение камер видеонаблюдения на рабочих объектах, системы биометрии, как, например, в изолированном участке, функционирующем как исправительный центр ФКУ КП-4 УФСИН России по Еврейской автономной области, либо же закупить сотовые телефоны с камерами и выдавать при необходимости для пользования осужденным.

3. Имеется множество проблемных вопросов, с которыми сталкиваются сотрудники уголовно-исполнительных инспекций при работе с оборудованием (СЭМПЛ)¹. Одним из них остается вопрос о том, какое юридическое значение имеет отчет о нарушении подконтрольного лица, подготовленный на стационарном пульте мониторинга. Ныне сам по себе отчет о нарушении не является безусловным доказательством противоправного поведения подконтрольного лица.

4. Как показывает практика, наличие у осужденного примененного к нему оборудования СЭМПЛ не сдерживает его от побега и совершения повторного преступления. Указанные положения подтверждаются исследованием И.С. Дроздова, в котором указано, что при применении оборудования СЭМПЛ без принципа социально-криминологической обоснованности или иного обоснования окончное оборудование не является серьезным сдерживающим фактором совершения повторных преступлений².

¹ Глазков М.Б. Проблемные вопросы применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), возникающие в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 27–28 октября 2022 г. Вып. 10. Томск : ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2022. С. 68–73.

² Дроздов И.С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2020. 27 с.

А.А. Ефименко

ОСОБЕННОСТИ МИКРОСРЕДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ

Исправление несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии осуществляется в условиях педагогически неблагоприятной микросреды: большого скопления лиц, имеющих существенные нравственные «искажения», отличающихся низкой степенью правовой и моральной развитости. Такая обстановка затрудняет развитие нравственных качеств, так как микросреда пенитенциарного учреждения выступает как негативный социально-психологический фактор, в известной мере снижающий эффективность воспитательного воздействия на осужденных.

Существенным элементом микросреды в воспитательной колонии является особая стратификация осужденных, суть которой заключается в жестком неофициальном делении на подгруппы. Её выражением, в частности, является стремление наиболее отрицательно настроенных правонарушителей выделиться в особую группу, обеспечить себе привилегии при отбывании наказания за счет ущемления интересов других.

Такая стратификация и искаженное понимание нравственной ответственности за свое поведение осужденными приводят их к культу физической силы и жестокости. Подобная трактовка нравственных качеств и низкий культурный уровень осужденных приводят к тому, что групповое поведение и взаимоотношения правонарушителей строятся на основе искаженных представлений о соотношении личного и общественного¹.

На этой основе можно выделить пять звеньев негативной нормативно-этической регуляции, деформация которых развивает криминальную запущенность осужденных, препятствует исправлению их личности. К ним относятся нормы:

- нарушающие основные принципы социальной нравственности (товарищества, уважения, чести и достоинства каждого человека);
- снижающие культуру межличностного общения и повышающие его конфликтность;

¹ Ефименко А.А., Сидакова М.А. Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях // VII педагогические чтения, посвященные памяти С.И. Злобина : сб. материалов : в 3 т. Пермь, 2021. С. 24–29.

- разрешающие в определенных случаях насильственные действия;
- повышающие риск тяжелых последствий насилия.

Не вызывает сомнения, что в местах лишения свободы несовершеннолетние правонарушители стремятся попасть в группу, в которой им легче адаптироваться. При слабо развитом коллективе можно выделить три позиции отрицательной адаптации вновь прибывших в колонию осужденных, влияющих на исправление их личности:

1) принятие роли нарушителя установленного в воспитательной колонии режима содержания со всей ее поведенческой атрибутикой: бравадой, хулиганскими выходками, дерзостью и т.д.;

2) принятие роли исполнителя. В этом случае поведение и деятельность осужденного зависят от желаний и указаний лидера отрицательной микрогруппы. Цель деятельности исполнителя находится в рамках ситуации, изменяется вместе с ней, но обязательным являются его поддержка нарушителей дисциплины и оказание им помощи;

3) принятие роли отвергнутого, что влечет за собой презрение со стороны окружающих, положение «униженного».

Подобный неформальный «моральный кодекс» стандартизирует поведение правонарушителей в группе, регламентирует его взаимоотношения и деятельность. Основой такой стандартизации для всех членов является значимость суждений группы, общения внутри ее, поскольку с группой связываются психологическая защищенность осужденного и его физическая безопасность.

А.Н. Иванова

ПРОБАЦИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ: LEGEM BREVEM ESSE OPORTET?

Особый правовой статус несовершеннолетнего известен еще со времен римского права. Он связан с осознанием и, в конечном итоге, с закреплением в правовых нормах того, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»¹.

¹ Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М. : Юридическая литература, 1990. С. 385–388.

В настоящее время в России действует Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О пробации в РФ»), регламентирующий реализацию совокупности мер в отношении лиц, к которым применяется исполнительная и пенитенциарная пробация, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, предполагающих в том числе их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту их прав и законных интересов.

Одним из принципов пробации является учет индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей. Представляется, что под содержанием данного принципа следует понимать принятие во внимание сочетания биологических и социальных качеств конкретного человека, а также определенных ситуаций, которые влияют или могут повлиять на его жизнь, а также его основных жизненных потребностей.

К несовершеннолетним, совершившим преступление, применяются как условное осуждение, так и уголовные наказания в виде лишения свободы и не связанные с изоляцией осужденного от общества. Учитывая, что в действующем законодательстве ребенок, находящийся в трудной жизненной ситуации, – это в том числе ребенок, отбывающий наказание в виде лишения свободы в воспитательной колонии, очевидно, что несовершеннолетний подпадает под категории лиц, в отношении которых может применяться тот или иной вид пробации.

Анализ ФЗ «О пробации в РФ» позволяет сделать вывод, что в настоящее время участие несовершеннолетнего в пробации урегулировано опосредованно согласно общим правилам, предусмотренным для взрослых лиц.

Такой подход не оправдан по следующим причинам.

Целями пробации являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лица, в отношении которого осуществляется пробация, предупреждение совершения этим лицом нового преступления (ст. 4 ФЗ «О пробации в РФ»). Данная цель должна быть достигнута посредством решения задач, среди которых обозначено, например, восстановление социальных связей. Представляется, что несовершеннолетний как лицо, в отношении которого может применяться пробация, среди других категорий имеет первостепенное значение. С учетом этого очевидно, что участие несовершеннолетнего в пробационных мероприятиях должно основываться

ваться на определенных особенностях, вытекающих из общего правового статуса ребенка, закрепленного в том числе в международных правовых актах.

В частности, необходимы законодательное закрепление обязательного участия законных представителей несовершеннолетнего (родителей или лиц, их замещающих) в целях защиты его прав и законных интересов, пределы этого участия, а также ответственность законных представителей за уклонение от участия в пробации.

Кроме того, учет особого правового статуса несовершеннолетнего должен иметь место и при осуществлении пробации, поскольку необходима специальная подготовка специалистов по работе именно с этой категорией граждан.

С точки зрения содержания мер приоритетными следует считать мероприятия психолого-педагогического характера, направленные на реинтеграцию ребенка в общество с целью профилактики совершения им новых преступлений. Специфика правового статуса несовершеннолетнего должна диктовать и соответствующие мероприятия социально-правового характера, которых нет и не может быть у взрослых лиц, в отношении которых применяется пробация (например, возможное устройство ребенка, оставшегося без попечения родителей, в семью, поиск иных форм создания и или (восстановления) социально полезных связей и т.д.).

Кроме того, проводимые в отношении несовершеннолетнего пробационные мероприятия должны носить гибкий характер, основываться на наблюдении соответствующих субъектов пробации за тем, как влияют проводимые мероприятия на достижение целей пробации. С этой точки зрения необходимо законодательно закрепить возможность вносить изменения в индивидуальную программу несовершеннолетнего.

Поводя итог вышесказанному, следует отметить, что защита детства является конституционной обязанностью государства. Ставя благие цели в ФЗ «О пробации в РФ», в настоящее время законодатель не дает правоприменителю достичь этих целей, поскольку применение закона по аналогии к несовершеннолетним в этом случае невозможно.

О СООТВЕТСТВИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНОЙ СТРУКТУРЫ УИС ЕЁ ЦЕЛЯМ И ЗАДАЧАМ

Одной из важнейших задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, является исправление осужденных, в том числе отбывающих наказания в исправительных учреждениях. Это достаточно трудоемкий процесс, требующий профессионализма сотрудников и, соответственно, организационного обеспечения.

Обычно «организационно-штатное обеспечение» связывается со штатным расписанием¹, т.е. с количеством должностей и их рангом. Но остается в тени сама организация.

Конечно, для реализации процесса исправления в исправительных учреждениях есть соответствующие должности, объекты и планы проведения соответствующих мероприятий, но это лишь стандартные регламенты. В дальнейшем они наполняются различными элементами воспитательного воздействия, в том числе трудовым воспитанием.

Изначально труд является ключевой составляющей в исправительно-воспитательном процессе². Об этом свидетельствуют и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, где на сон отведено 56 часов, т.е. 33% времени, на работу – 40 часов, почти 24%. Все остальные элементы распорядка занимают гораздо меньший объем. При данной трудоемкости осужденных на оплачиваемых работах их труд занимает с учетом отпусков примерно 20% времени. Но сегодня обеспечить трудовой занятостью на полную ставку всех осужденных уголовно-исполнительная система не в состоянии. Хотя здесь есть положительные результаты, темпы решения этого вопроса оставляют желать лучшего. Исходя из этого, следует обсудить возможность внесения изменений – ст. 73 УИК РФ в части отбывания наказания в исправительном учреждении при наличии в нем перспектив трудоустройства осужденного, конечно же, с его согласия или пожелания.

¹ См.: Румынина Л.А. Документационное обеспечение управления : учебник для студ. учреждений сред. проф. образования. 6-е изд., стер. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 224 с.

² См.: Зубков А.И. Трудовое воспитание заключенных в советских ИТУ и его правовое регулирование. Томск, 1970.

Это позволит сформировать определенное количество учреждений в местах с наиболее востребованной рабочей силой и, вероятнее всего, с достаточной производственной структурой. С учетом предусмотренной в Концепции развития УИС до 2030 г.¹ возможности создания гибридных (мультирежимных) учреждений вопрос трудоустройства осужденных в принципе можно решить. Кроме того, труд осужденных можно дополнительно стимулировать. Например, с учетом опыта, имевшегося в УИС в 1930-е гг.

Вышеизложенное позволит более качественно оказывать воспитательное воздействие на осужденных с целью их исправления, в определенной степени снизить дефицит рабочих профессий на рынке труда. Кроме того, обеспечивать материальное возмещение осужденными своих обязательств. При этом процессе необходимо обеспечивать соответствие заработной платы, сложившейся в регионе по экономике и отрасли.

А.М. Кишиев, А.Н. Ласточкин

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ПЕРСОНАЛА И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Насильственная преступность характерна для мест лишения свободы. Она обусловлена с концентрацией преступников на ограниченной территории, где сохраняются и соблюдаются каноны криминального мира. В этой связи особое значение имеет его профилактика, в том числе оперативно-розыскными средствами.

Согласно статистическим данным, в 2023 г. имело место снижение на 27% случаев применения насилия в отношении персонала учреждений в связи с осуществлением ими служебной деятельности (в

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

2023 г. зафиксировано 298 случаев, АППГ – 410), в том числе снижение на 30% случаев с причинением вреда здоровью (в 2023 г. 87 случаев, АППГ – 125¹).

Изучение фактов правонарушений осужденных в отношении персонала исправительных учреждений и следственных изоляторов, сопряженных с применением насилия либо угрозой его применения, показало, что в 2020 г. эти случаи зарегистрированы в 68 территориальных органах ФСИН России (84 %), наибольшее количество случаев допущено в ГУФСИН России по Новосибирской области – 18 (АППГ – 19)².

Из общего количества случаев насилия 75% зарегистрированы в исправительных колониях, лечебных исправительных и профилактических учреждениях, 23% – в следственных изоляторах.

За противоправные действия подозреваемые (обвиняемые) и осужденные были привлечены к дисциплинарной ответственности, возбуждено 405 уголовных дел.

Исследование обстоятельств противоправных действий спецконтингента показало недостаточность принимаемых мер по профилактике насилия в отношении персонала и формализм; не все нарушители направляются в запираемые помещения, а часть изолируемых содержится в них непродолжительное время³. Это сказывается на состоянии правопорядка в учреждениях и настроениях сотрудников и осужденных; в некоторых регионах осужденные по ст. 318, 319 и 321 УК РФ на профилактический учет не ставятся, соответствующая работа с ними не проводится⁴.

В учебной литературе среди детерминант противоправных действий осужденных в отношении персонала выделяют: профессиональ-

¹ См.: Основные показатели деятельности УИС ФСИН России за январь–декабрь 2023 г. // Информационно-аналитический сборник: ФКУ НИИИТ ФСИН России. Тверь, 2024. С. 42; Основные показатели деятельности УИС ФСИН России за январь–декабрь 2022 г. // Информационно-аналитический сборник: ФКУ НИИИТ ФСИН России. Тверь, 2023. С. 42.

² См.: Письмо ФСИН России от 17.03.2021 № исх.-03-17072. С. 1–2.

³ См.: Там же. С. 3.

⁴ См.: Письмо ФСИН России от 05.05.2014 № исх-07-19344 «О посягательстве на жизнь и здоровье сотрудников УИС».

ные (в силу выполнения служебных обязанностей); грубость персонала; необоснованное и неправомерное физическое воздействие; невыполнение обещаний и др.¹

Предупреждение насильственных действий осужденных требует не только проведения общесоциальной, но и специальной профилактики (через сотрудников оперативных подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы): выявление лиц, склонных к деструктивному поведению; предупреждение конфликтных ситуаций, групповых протестных акций и преступлений; изоляция лидеров отрицательной направленности и размещение спецконтингента в строгом соответствии с законом и др.² Также к мерам оперативно-розыскной профилактики можно отнести: предупреждение персонала о необходимости соблюдения мер личной безопасности при поступлении оперативной информации о противоправных намерениях осужденных; повышение уровня профессиональной подготовки персонала с целью своевременного реагирования; проведение разъяснительной работы с осужденными для их отказа от противоправных намерений, предупреждение их об ответственности.

П.Н. Красоткин, А.Н. Ласточкин

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ В ПРАКТИКЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью заключается в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью (ч. 1 ст. 47 УК РФ).

Исполнение этого наказания и осуществление контроля за осужденными возлагается на уголовно-исполнительные инспекции (ч. 2 ст. 16

¹ См.: Красоткин П.Н., Красильникова М.С. Пенитенциарная криминология : учеб. пособие. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2016. С. 73.

² См.: Письмо ФСИН России от 14.02.2023 № исх.-02-11666 «Обзор о состоянии преступности в учреждениях УИС РФ в 2022 году». С. 4.

УИК РФ). Но при этом возникает ряд трудностей. Во-первых, связанных с исчислением срока наказания. Согласно ч. 1 ст. 36 УИК РФ, срок указанного наказания исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу. В срок наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенную должность либо занимался запрещенной деятельностью. В случае установления факта нарушения осужденным требований приговора суда инспекция выносит постановление о незачете в срок наказания определенного периода времени (п. 39 приложения к приказу Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»¹ (далее – приложение к приказу Минюста России № 142-2009).

В практике имеются примеры, когда осужденные допускают нарушение запрета на управление транспортным средством от нескольких минут до нескольких месяцев, лет, в связи с чем возникает вопрос об установлении периода нарушения и учете отбытой части наказания.

Определить время, в течение которого осужденный нарушал запрет на управление транспортным средством, не представляется возможным. Поэтому при фиксации случая нарушения данного запрета в срок наказания не подлежит зачету один день, о чем свидетельствует практика деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Но на законодательном уровне подобное решение отсутствует, несмотря на его очевидную необходимость. Считаем, что незачету должен подлежать весь период с даты назначения запрета по дату выявления его нарушения включительно. Этот срок запрета должен пониматься как прерываемый, т.е. при его нарушении должен отсчитываться заново.

Порядок исполнения и отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью регламентируется гл. 6 (ст. 33–38) раздела II УИК РФ и разделом IV приложения к приказу Минюста России № 142-2009. Данный порядок рассчитан на исполнение наказания при официальном

¹ См.: Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) // Российская газета. 2009. 14 августа.

трудоустройстве осужденных, тогда как механизм осуществления контроля за осужденными, которые работают неофициально (нелегально), в уголовно-исполнительном законодательстве не предусмотрен.

В этой связи в случае получения информации о нелегальном трудоустройстве осужденных сотрудник инспекции не сможет отреагировать должным образом.

Таким образом, в случае неофициального трудоустройства осужденного по той должности, которую ему запрещено занимать, не могут быть достигнуты цели уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Имеют место и проблемы контроля за исполнением приговора суда.

В соответствии с п. 32 приложения к приказу Минюста России № 142-2009, в ходе исполнения наказания инспекция запрашивает в организации выписки приказов о назначении, переводе и увольнении осужденного. Также в ч. 1 ст. 34 УИК РФ указано, что требования приговора суда обязательны для администрации организации, в которой трудится осужденный.

В деятельности имеются случаи, когда администрация организации не желает увольнять, переводить осужденного на другую должность и умышленно вводит в заблуждение сотрудников инспекций, работников прокуратуры путем изменения должностной инструкции. В то же время в законе отсутствует механизм определения признаков, свидетельствующих о нарушении требований приговора суда. Этим пользуются недобросовестные работодатели и осужденные.

В одном из территориальных органов ФСИН России у сотрудников инспекций возникли подозрения в выполнении осужденным организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий по должности, при этом исследование должностной инструкции не позволило выявить нарушение требований приговора. Тогда наиболее опытные сотрудники предложили изучить учредительный документ (устав) организации, в котором определены должностные функции работников, и в результате были выявлены нарушения, повлекшие за собой незачет времени.

Н.Б. Лелик

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ
ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦ (СТАЦИОНАРОВ)
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТИПА
С ИНТЕНСИВНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ
И СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ
ЭКСПЕРТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

В настоящее время подразделениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации осуществлялась охрана восьми психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением (далее – ПБСТИН) и 22 судебно-психиатрических экспертных медицинских организаций (далее – СПЭМО). Они охранялись подразделениями охраны близлежащих учреждений УИС, подведомственных территориальным органам ФСИН России. Согласно сведениям статистической отчетности, в 2022 г. психиатрические стационары охранялись следующими способами: выставление часовых на наблюдательных вышках, оперативное дежурство, патрулирование. Служба караулов и дежурной смены по охране психиатрических стационаров организована по 12- и 24-часовому графику несения службы. Сохраняется тенденция увеличения численности лиц, находящихся в ПБСТИН на принудительном лечении. По России наибольшее число осужденных и лиц, содержащихся под стражей (далее – пациенты), в ФКУ «Казанская психиатрическая больница (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением» Министерства здравоохранения Российской Федерации осуществляющем принудительное лечение особо опасных психически больных лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Правила внутреннего распорядка для пациентов ПБСТИН разработаны на основе Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹, Закона Российской

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : Закон РФ от 2 июля 1992 года № 3185-1 (ред. от 30.12.2021).

Федерации «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»¹ (далее – Закон), статей УК и УПК Российской Федерации, регламентирующих проведение принудительного лечения, и конкретизируют их практическое исполнение в условиях больницы. Соответственно, каждый поступивший в больницу пациент, как только позволит состояние его здоровья, имеет право ознакомиться с указанными законодательными актами, данными правилами и получить от лечащего врача дополнительные разъяснения по его правам и законным интересам.

Служебными нарядами, назначенными от отделов охраны ПБСТИН, обеспечена безопасность медицинского персонала и гражданских лиц, в том числе при передаче за пределы Российской Федерации (приеме от компетентных органов иностранных государств) в рамках исполнения требований Федерального закона от 23.07.2013 № 191-ФЗ «О передаче и принятии Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера». Кроме этого, пациенты находятся под постоянным наблюдением со стороны медперсонала и сотрудников отделов охраны ПБСТИН и участвуют во всех мерах по обеспечению безопасности. В случаях, когда пациент представляет непосредственную угрозу для окружающих и для себя самого, склонен к разрушительным действиям или требует постоянного присмотра по физическому состоянию, он помещается в палату с ограничительным режимом.

К пациенту могут быть применены меры физического ограничения, где сотрудники отделов охраны в соответствии с Законом имеют право применить спецсредства (резиновые палки, щиты, наручники, слезоточивые газы) и огнестрельное оружие.

Досмотры пациентов, их вещей, палат, других помещений могут производиться медперсоналом, а также сотрудниками отделов охраны ПБСТИН во всякое время и в любом месте. В обязательном порядке – при каждом выводе из отделения и возвращении, при выводе на свидание и возвращении с него. На сегодняшний день все ПБСТИН оборудованы стационарными средствами видеонаблюдения, а личный состав караулов и дежурных смен обеспечен необходимым количеством переносных видеорегистраторов.

¹ Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»: Закон РФ от 21 июля 1993 № 5473-1 (ред. от 04.08.2023).

К числу обязанностей сотрудников отделов охраны ПБСТИН относят создание условий для обеспечения правопорядка и законности, безопасности как осужденных и заключенных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях, и обеспечение режима содержания пациентов, в отношении которых по решению суда применена данная принудительная мера медицинского характера.

С.Е. Леонтьев

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы трудно переоценить роль инженерно-технических средств охраны и надзора (далее – ИТСОН), которыми оборудуются учреждения уголовно-исполнительной системы.

С помощью ИТСОН в учреждениях обеспечивается предупреждение побегов из-под охраны, а также ограничение поступления запрещенных веществ и предметов на территорию учреждений, повышение эффективности надзора за осужденными и лицами, содержащимися под стражей, сбор и получение необходимой информации об их поведении в период отбывания наказания, обеспечение выполнения других служебных задач, возложенных на отделы и службы учреждений и органов УИС.

Однако в последние годы принимаемые меры ФСИН России, руководством территориальных органов, а также администрацией учреждений по оборудованию комплексами ИТСОН недостаточны.

Так, в 2019 г. допущено 3 побега из-под охраны, в 2020 г. – 4 побега, в том числе один групповой (9 осужденных и лиц, содержащихся под стражей), в 2021 г. – 4 побега, в 2022 г. побегов из-под охраны не допущено.

Совместными действиями караулов и дежурных смен пресечено в 2019 г. 6 покушений на побег из-под охраны, в 2020 г. пресечено 3 покушения, в 2021 г. – 4 покушения, в 2022 г. – 10 покушений на побег.

Анализ обстоятельств данных преступлений, а также проведение контрольных и целевых проверок в ходе инспектирования позволил

выявить в некоторых территориальных органах ФСИН России ряд существенных недостатков в состоянии ИТСОН на охраняемых объектах учреждений УИС. Среди них – нарушение целостности основных ограждений, ограждений внешней запретной зоны, противопобеговых заграждений, ограждений внутренней запретной зоны, предупредительных ограждений.

В ряде территориальных органов в запретных зонах учреждений, выявлены следующие факты:

- наличие неприкрытых ИТСО побегоопасных, подкопоопасных и тараноопасных направлений;
- прерывание рубежей обнаружения в запретных зонах;
- наличие «мертвых зон», а также неисправности охранных извещателей, образующих рубежи обнаружения в запретных зонах;
- отсутствие и неработоспособность блокировки при срабатывании технических средств охраны;
- нарушение пропускного режима на объектах охраны УИС в результате неисправностей в работе систем контроля и управления доступом и систем идентификации личности на КПП по пропуску людей¹;
- складирование вблизи ограждений запретных зон предметов, которые могут быть использованы в качестве подручных средств для совершения побегов из-под охраны;
- неработоспособность резервных источников энергоснабжения.

Многие учреждения и объекты УИС требуют дооборудования системами охранного телевидения с целью обеспечения дистанционного наблюдения за территорией объекта УИС, прилегающей к нему территорий, на которой устанавливаются режимные требования, а также за поведением осужденных и лиц, содержащихся под стражей².

В результате данных нарушений в некоторых учреждениях не были созданы необходимые условия, обеспечивающие эффективное несение службы подразделениями УИС.

¹ Ефименко А.А., Деньгин В.С. Использование на объектах УИС систем идентификации личности по биометрическим параметрам (из опыта региона) // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2021. С. 30–33.

² Ефименко А.А. Использование в пенитенциарных учреждениях системы контроля и управления доступом по биометрическим параметрам // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Томск, 2022. Ч. 92. С. 88–89.

Е.Г. Михеенков

СОЗДАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ КОЛОНИЙ В СИБИРИ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. среди видов исправительно-трудовых учреждений выделял такой вид ИТУ, как сельскохозяйственные трудовые колонии.

Интенсивное развитие сельскохозяйственных колоний в рассматриваемый период объяснимо рядом обстоятельств. Во-первых, большинство осужденных (до 70% в Сибири) являлись выходцами из крестьянской среды, а следовательно, снималась проблема с кадрами. Во-вторых, организация сельскохозяйственного производства требовала меньше затрат по сравнению с промышленным, особенно в контексте мер государственной поддержки. Это было объяснимо как меньшими затратами на организацию охраны ИТУ, например, на их охрану в связи с введением принципа самоохраны осужденных. Кроме того, сельскохозяйственные колонии находились на значительном отдалении от крупных губернских и уездных центров, что затрудняло совершение побегов. В-третьих, условия отбывания наказаний в данных учреждениях были более мягкими, чем в исправительно-трудовых домах: заключенные содержались в запираемых лишь на ночь помещениях; разрешалось свободное общение их между собой; на работы они выводились лишь надзорсоставом да и питание было лучше. Наконец, длительное существование Еловской и Заварзинской сельскохозяйственных ферм в досоветский период времени доказывала жизнеспособность данных видов ИТУ, которые могли не только разрешить вопрос с питанием осужденных, но и приносить ощутимую прибыль. Их доходность в рассматриваемый период времени составляла от 150% в 1925 г. до 220% в 1927 г. в связи с развитием производства мясомолочной продукции. В последующие годы уровень доходности варьировал от 150 до 175% в год.

Во второй половине 1920-х гг. в Сибири наметилась тенденция организации сельскохозяйственных колоний при губернских (уездных) местах заключения. По данным ГУМЗ, к концу 1924 г. на учете состояли 38 самостоятельных сельскохозяйственных колоний, 9 отделений

и 70 ферм. На территории Западной Сибири сельскохозяйственные колонии действовали в Омской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях¹.

Вполне естественно, что ГУМЗ НКВД РСФСР в условиях НЭПа предпринимал меры государственной поддержки предприятий пениitenciарной системы. Это затронуло и сельскохозяйственные колонии. Так, циркуляром от 28 ноября 1922 г. от местных налогов освобождались как сельскохозяйственные предприятия системы, так и предприятия, ориентированные на промышленно-производственные цели. С июня 1925 г. от арендной платы за землю были освобождены сельскохозяйственные производства, обсуживающиеся трудом заключенных². В дальнейшем ГУМЗ НКВД своим циркуляром разъяснял, что доход от сельскохозяйственных работ отныне в полном объеме направляется на развитие мест заключения, поддержку рабочих частей, тогда как содержание осужденных финансировалось за счет сметных ассигнований. Полученная прибыль освобождалась от любых налоговых отчислений. При этом колония признавалась самокупающей в том случае, если обладала необходимым инвентарем, а после сбора урожая располагала оборотным фондом, который давал ей возможность просуществовать следующий год до нового урожая, а также определенным количеством заключенных, в том числе общее и сезонное для выполняемых работ³.

Жизнеспособность сельскохозяйственных ИТУ была объяснима и тем, что руководство исправительно-трудовой системы стремилось максимально возместить затраты на содержание заключенных. В этом контексте создание собственной базы по производству продуктов питания могло лишь приветствоваться. Недаром в дальнейшем ИТК 1933 г. сохранял сельскохозяйственные колонии как вид ИТУ (ст. 33), а сами колонии просуществовали как вид ИТУ вплоть до 1960-х гг.

¹ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. С. 90.

² Постановление СНК РСФСР от 2 июня 1925 г. «О предоставлении льгот по аренде земельных участков для сельскохозяйственных предприятий, организуемых местами заключения» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р. 4042. Оп. 1. Д. 21. Л. 72.

³ Циркуляр ГУМЗ от 29 июня 1929 г. № 360 «О хозрасчете в сельскохозяйственных местах заключения и о самокупаемости сельскохозяйственных колоний» // ГАРФ. Ф. Р. 4042. Оп. 1. Д. 26. Л. 133.

В целом по РСФСР к концу 1934 г. успешно функционировали 81 сельскохозяйственная колония и 282 местных огорода и ферм при ИТУ. Общее количество земель, обрабатываемых трудом заключенных, составляло 271 179 га, из них пашни – 16 048 га, что позволяло не только обеспечить питание осужденных, но и организовать товарное производство продуктов питания.

Таким образом, в тот период создание сельскохозяйственных ИТУ внесло значительный вклад в развитие трудового сектора УИС использования осужденных, обеспечивая осужденных необходимыми продуктами питания, реализуя принцип частичной самокупаемости содержания заключенных за счет реализации выращенной продукции.

А.С. Мякишев

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НАДЗОРА И КОНТРОЛЯ

Информационная безопасность Российской Федерации – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз¹.

К внутренним угрозам относится деятельность системных администраторов, технических специалистов, а также пользователей. Внешней угрозой является деятельность посторонних лиц и подрядных организаций. Практика показывает, что на долю внутренних нарушителей приходится более 2/3 от общего числа нарушений информационной безопасности².

Одним из основных законов, регулирующих деятельность субъектов в области обеспечения защиты информации, является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2023).

² Вострецова Е.В. Основы информационной безопасности : учеб. пособие для студентов вузов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 75.

Ответственность за обеспечение информационной безопасности возложена на руководителей организаций, являющихся субъектами критической информационной инфраструктуры¹.

В ст. 60, 60.19 и 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, ст. 34 Федерального закона от 21.06.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ст. 105.1 и 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации законодатель закрепил право администрации учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) применять в отношении осужденных, подозреваемых (обвиняемых) аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля.

Технические средства надзора и контроля можно разделить на ведомственные информационные системы (интегрированные системы безопасности, системы видеонаблюдения и т.д.) и государственные информационные системы (система электронного мониторинга подконтрольных лиц, система контроля транспортных средств).

В 2022 г. зафиксировано 165 хакерских атак на информационную инфраструктуру, 187 попыток внедрения вредоносного программного обеспечения и 20 компрометаций учетных записей².

Наряду с этим в сети Интернет встречается информация, содержащая фото- и видеоматериалы с камер видеонаблюдения, установленных в учреждениях УИС, а также с персональных видеорегистраторов сотрудников ФСИН России³. Данная информация, содержащаяся в информационных системах технических средств надзора и контроля, носит конфиденциальный характер, а доступ к ней должен быть ограничен федеральным законом и иными нормативно-правовыми актами.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2023).

² Обзор ФСИН России от 24.03.2023 № исх-08-23293 «О результатах деятельности подразделений по информационной безопасности в 2022 году и задачах на 2023 год» (Документ не опубликован).

³ Гулагу – нет. URL: <https://www.youtube.com/@MrGulagunet/videos> (дата обращения: 01.12.2023).

Н.В. Ольховик

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА ОСУЖДЕННЫХ НА СОДЕЙСТВИЕ В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ, СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В РАМКАХ ПРОБАЦИИ¹

Анализ ст. 18 и 29 Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»² позволяет утверждать об отсутствии у соответствующих категорий осужденных и освобожденных из исправительных центров и учреждений, исполняющих лишение свободы, права на содействие в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в рамках исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. Буквальное толкование положений указанных норм свидетельствует о том, что соответствующие категории осужденных имеют только право обращаться в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; запрашивать и получать информацию о порядке и об основаниях осуществления мероприятий по социальной адаптации и социальной реабилитации. Этому праву осужденных корреспондирует обязанность соответствующих должностных лиц исправительных центров, учреждений, исполняющих лишение свободы, или уголовно-исполнительных инспекций принять и рассмотреть заявление осужденного, провести оценку индивидуальной нуждаемости осужденного на основании критериев и методики оценки индивидуальной нуждаемости лиц, в отношении которых применяется пробация, а также принять решение о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации либо об отказе в оказании такого содействия. В случае отказа в оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

² См.: О пробации в Российской Федерации. Федеральный закон от 06.02.2023 года № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия проф., сетевая (дата обращения: 10.01.2024).

осужденные имеют право обжаловать действия или бездействие должностных лиц субъектов пробации, в том числе в суд в порядке административного судопроизводства.

Однако даже в случае принятия соответствующими должностными лицами исправительных центров, учреждений, исполняющих лишение свободы, или уголовно-исполнительных инспекций решения о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации получение такой помощи и содействия не гарантировано. Должностные лица исправительных учреждений, исправительных центров, уголовно-исполнительных инспекций, проводя такую оценку, руководствуются приказом Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹ и признают лиц нуждающимися на основании критериев и методики оценки индивидуальной нуждаемости, которые закреплены в приложении № 4 к этому приказу. Органы службы занятости населения и организации социального обслуживания граждан соответствующие критерии трудной жизненной ситуации определяют на основании законодательства о занятости населения и/или социального обслуживания граждан в Российской Федерации. В ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 442-ФЗ от 28.12.2012 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определены критерии признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании². В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» определены критерии порядка и условий признания граждан безработными³.

¹ См.: О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», приказом Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 // СПС «КонсультантПлюс». Версия проф., сетевая (дата обращения: 10.01.2024).

² См.: Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон № 442-ФЗ от 28.12.2012 г. // СПС «КонсультантПлюс». Версия проф., сетевая (дата обращения: 10.01.2024).

³ См.: О занятости населения в Российской Федерации : Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия проф., сетевая (дата обращения: 10.01.2024).

В результате могут возникать ситуации, когда лицо, в отношении которого применяется пробация, признано учреждениями уголовно-исполнительной системы нуждающимся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, но не получит соответствующей помощи, поскольку законодательство о занятости населения и/или о социальном обслуживании граждан в Российской Федерации не позволяет его признать находящимся в трудной жизненной ситуации. Решить возникшую ситуацию возможно только посредством унификации критериев оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации с критериями для признания лица находящимся в трудной жизненной ситуации.

О.М. Писарев

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРОХОЖДЕНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА ДЕЙСТВУЮЩИХ СОТРУДНИКОВ УИС РФ

В настоящее время руководством Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) особое внимание уделяется не только качественному подбору персонала в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации (далее – УИС РФ), но и необходимому сопровождению уже действующих сотрудников, которые на протяжении определенного времени (порой достаточно долгого времени) выполняют функциональные обязанности по всем направлениям пенитенциарной деятельности (оперативно-режимному, воспитательному, социальному, психологическому и др.).

Практически ко всем категориям сотрудников предъявляется целый ряд особых требований, таких как наличие соответствующего уровня образования, коммуникативная компетентность, устойчивость к различным стресс-факторам, объективно существующим в пенитенциарной сфере, высокий уровень сформированности морально-нравственных и деловых качеств, четкий ориентационно-правовой вектор. Вместе с тем руководством ФСИН России отмечаются негативные тенденции, связанные с нарушениями уставных и служебных требований

(конфликты, грубость по отношению к осужденным, незаконное применение физической силы и специальных средств, рукоприкладство), чрезвычайными происшествиями (суициды, алкоголизм, травматизм, в том числе с использованием автотранспортных средств), а также уголовно наказуемыми деяниями отдельных сотрудников УИС РФ¹.

В этой связи возрастает практическая значимость своевременного выявления возможных факторов риска в поведении и действиях сотрудников, которая заключается в том числе с использованием методов инструментальной детекции лжи, поскольку классические методы психодиагностики позволяют оценить индивидуально-психологические особенности личности, однако не в полной мере дают оценку состоянию его ценностно-потребностным ориентациям, морально-нравственной сферы, наличию дефектов мировоззрения, что в итоге может способствовать совершению действий, порочащих честь и достоинство других сотрудников, негативно сказываться на имидже отечественной пенитенциарной системы в глазах общественности. Все это указывает на востребованность проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа (далее – СПФИ) при кадровой ротации персонала уголовно-исполнительной системы².

С учетом сказанного актуален вопрос о правовых основаниях прохождения СПФИ действующих сотрудников УИС РФ. На сегодняшний день основным правовым документом в профессиональной деятельности специалистов по опросам с использованием полиграфа является приказ Минюста России от 24 июня 2021 г. № 102, который определяет порядок прохождения гражданином, поступающим на службу в УИС РФ, психофизиологического исследования. Что же касается проведения СПФИ в отношении действующих сотрудников, то в данном случае эта работа осуществляется в соответствии с методическими рекомендациями о порядке проведения СПФИ в уголовно-исполнительной системе (письмо ФСИН России от 30 сентября 2016 года № исх-01-57515). В данных рекомендациях определены факторы риска для тех обследуемых, кто

¹ Ежова О.Н., Ушков Ф.И., Тарасова С.А., Пиюкова С.С., Вдовина Е.В. Психологическая работа с сотрудниками, состоящими в группе повышенного внимания : учеб. пособие. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. 97 с.

² Писарев О.М. Учет гендерных различий обследуемых при проведении специальных психофизиологических исследований в отношении сотрудников УИС, перемещаемых по службе // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 5 (41). С. 111–118.

перемещается на вышестоящие должности и проходит тестирование с применением полиграфа впервые, а также указано, что для сотрудников УИС РФ, в отношении которых СПФИ ранее проводилось, повторное исследование осуществляется в случаях наличия у руководителей учреждений и органов УИС РФ негативной информации по факторам риска, связанным со спецификой прохождения службы. При этом проверке подлежит информация за период, прошедший с момента проведения последнего СПФИ. Отчасти это находит свое подтверждение в письме ФСИН России от 30 июля 2021 г. (исх-03-51442), где указывается, что уполномоченный руководитель наделен правом самостоятельно определять должности, по которым будет осуществляться СПФИ.

Таким образом, можно констатировать, что правовая сторона прохождения действующими сотрудниками СПФИ требует дальнейшей проработки. Необходим отдельный правовой акт, в котором бы определялся четкий порядок прохождения СПФИ действующими сотрудниками, как в рамках кадровых перемещений, так и при проведении (в случае необходимости) служебных проверок, связанных с возможным совершением персоналом УИС РФ каких-либо противоправных действий.

А.А. Пропостин

СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ ст. 238 УК РФ

На протяжении длительного периода существования уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ст. 238 УК РФ, сложилась весьма обширная следственная и судебная практика, свидетельствующая о крайне разнообразных сферах ее возможного применения: деятельность торгово-развлекательных комплексов, жилищно-коммунального хозяйства, перевозки пассажиров различными видами транспорта, оказание медицинских услуг и многие другие.

Согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹, общее количество лиц, осужденных по ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), до 2020 г. является относительно стабильным. Так, в

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/>

2015 г. по ст. 238 УК РФ осужден 3 991 человек, в 2016 г. – 4 374 человека, в 2017 г. – 4 516 человек, в 2018 г. – 3 773 человека, в 2019 г. – 2 168 человек. Начиная с 2020 г. наблюдается резкое снижение числа (почти в пять раз) осужденных за совершение рассматриваемого состава преступления – до 780 человек, в 2021 г. – 810 человек, в 2022 г. – 769 человек. Причиной этому послужило изменение подхода к квалификации таких деяний в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18)¹. Принятие этого постановления и как следствие существенное сокращение случаев осуждения за совершение преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, показало, насколько необоснованно широким было толкование правоприменителем данного состава преступления и применение его к любым сферам общественных отношений, связанных с реализацией товаров, оказанием услуг, выполнением работ. Содержащиеся в постановлении Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18 разъяснения, с одной стороны, существенным образом сократили сферу применения ст. 237 УК РФ, в частности, за счет исключения из нее ответственности за нарушения правил дорожного движения при оказании услуг потребителям, с другой – дали расширительное толкование отдельным категориям и оставили неразрешенными другие важные вопросы, которые и по сей день позволяют правоприменителю (прежде всего органам следствия) использовать этот состав преступления в качестве «резиновой» нормы.

Представляется, что максимально широкому применению ст. 238 УК РФ способствует прежде всего широкое понимание объекта этого преступления. Поскольку ст. 238 УК РФ находится в гл. 25 УК РФ, это позволяет прийти к выводу, что основным непосредственным объектом этого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья населения, а дополнительным – жизнь и здоровье человека.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.12.2023).

Однако следует обратить внимание, что, согласно диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ, уголовно-наказуемыми являются сбыт товаров и продукции, оказание услуг или выполнение работ, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (а не населения в целом). В этой связи для уяснения смысла данного состава преступления следует обратиться к нормам Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», согласно которому под потребителем понимается гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товар (работы, услуги) исключительно для личных (бытовых) нужд, не связанных с извлечением прибыли.

Однако в п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18 дается широкое толкование объекта данного состава преступления как совершенного против здоровья населения. Такой подход к определению объекта ст. 238 УК РФ отражается и на широком подходе к определению субъекта преступления и потерпевшего. Как следует из п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18, потерпевшим по уголовному делу о таком преступлении может быть признано физическое лицо независимо от того, состояло ли оно в договорных отношениях с лицом (организацией), осуществлявшим производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья человека, неправомерные выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Исходя из такого понимания, квалифицировать как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, можно несвоевременную очистку кровли от снега и льда управляющей компанией, когда вред в результате схода снега причиняется прохожим, не состоящим с обслуживающей организацией в договорных отношениях.

Несмотря на то, что в соответствии с Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» продавцом или изготовителем является организация или индивидуальный предприниматель, Пленум Верховного Суда РФ дает расширительное толкование, указывая, что субъектом данного преступления может являться как руководитель организации, осуществляющей такую деятельность независимо от ее организационно-правовой формы, или индивидуальный предприни-

матель, или их работник, так и лицо, фактически осуществляющее производство и оборот продукции и товаров, выполнение работ, оказание услуг без соответствующей государственной регистрации.

Указанный выше подход свидетельствует о применении ст. 238 УК РФ к сфере, на которую нормы Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» не распространяются, что нельзя признать обоснованным.

М.В. Прохорова

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ПРИМЕНЯЕМОГО В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Реализация Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г., изменение общих направлений политики России и современная обстановка в стране требуют решения актуальных вопросов как теоретического, так и правоприменительного характера, особенно в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы.

Рассуждая о целях наказания в виде лишения свободы, следует сказать о том, что последнее является одним из наиболее «критикуемых» видов наказания, поскольку «разрывает» социально полезные связи осужденных, лишает их возможности постоянного общения с близкими и предусматривает наиболее существенные ограничения правового статуса осужденных. Кроме того, одной из особенностей несовершеннолетних является отсутствие у них сформированных нравственных и социальных установок, низкий уровень правосознания и нередко специфичное восприятие наказания как такового.

При исполнении наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях процесс легальной дифференциации осужденных отсутствует. Это связано прежде всего со спецификой законодательного регулирования деятельности воспитательных колоний, в которых предусматривается совместное содержание осужденных, различных по своим уголовно-правовым и уголовно-исполнительным признакам.

В содержании многочисленных международных стандартов обращения с заключенными применительно к несовершеннолетним предусматривается так называемый «особый подход», учитывающий их социально-психологические и иные особенности. Соответственно практически все международные документы в качестве основной цели наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних в первую очередь называют их ресоциализацию и требуют особенной организации процесса исполнения наказания, которая должна быть направлена на восстановление социально полезных связей, получение образования и профессии.

В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России цели наказания применительно к несовершеннолетним не имеют отличий от других возрастных категорий осужденных. Однако порядок назначения и исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних имеет особенности.

Принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», а также ряда ведомственных нормативных правовых актов не разрешает сложившуюся ситуацию, а лишь вносит дополнительную «сумятицу». Ведь если в УИК РФ целью уголовно-исполнительного законодательства по-прежнему называется исправление осужденных, то не так давно сформированная нормативно-правовая база пробации определяет несколько иные направления деятельности исправительных учреждений (и воспитательных колоний в том числе): ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных¹. При этом среди средств упомянутых ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации называются одноименные средства исправления осужденных, указанные в ст. 9 УИК РФ.

Таким образом, вопрос об установлении целей наказания в виде лишения свободы применительно к несовершеннолетним до настоящего времени остается открытым. Разумеется, законодательно определять иные цели наказания в отношении несовершеннолетних в отличие

¹ См.: Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”».

от взрослых осужденных в некоторой степени является нецелесообразным, однако, на наш взгляд, данный вопрос нуждается в дальнейшей разработке и исследовании.

З.Р. Рахматулин

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ТАКТИКА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В общей теории права, а также отраслевых юридических дисциплинах достаточно глубоко изучаются правоприменительное и судебное усмотрение¹, вопросы, связанные с правоприменительной тактикой в правовой науке². Обоснованно отмечается и то, что изменения в уголовно-исполнительное законодательство должны вноситься в том числе с учетом складывающейся правоприменительной деятельности³. Однако до настоящего времени в уголовно-исполнительном праве данный вопрос во всей его полноте не исследовался, анализируются только отдельные его аспекты. Изучение правоприменительной тактики позволит выработать ориентиры оптимального поведения должностных лиц при исполнении наказаний, а также будет способствовать снижению уровня злоупотреблений с их стороны.

¹ Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60; Парог А.И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2003. Вып. 2 (7). С. 376–381; Бойко Д.В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 18.

² Мещеряков Д.Д. Правоприменительная тактика (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук Ярославль, 2005. 192 с.; Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники : сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. 254 с.

³ Уткин В.А. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. В.А. Уткина. Томск, 2018. С. 20.

Согласно толковому словарю, тактика – это линия поведения, а также совокупность средств и приемов достижения намеченной цели¹.

Д.Д. Мещеряков считает, что тактика – «это умение управлять субъектами и участниками правоприменительной практики, оптимально организовывать юридические действия и операции, использовать научно обоснованные и подкрепленные практическим опытом не противоречащие действующим нормативно-правовым предписаниям и правовым принципам общесоциальные, технические и специально-юридические средства для эффективного осуществления юридической деятельности и достижения поставленных целей и задач»².

Данные дефиниции могут служить опорой для разработки вопросов уголовно-исполнительной тактики. Позволят с учетом имеющихся мнений выделить сущностные характеристики и особенности этого понятия для пенитенциарной науки.

С учетом вышеизложенного, а также специфики реализации наказаний можно выделить следующие характерные черты уголовно-исполнительной тактики:

1) она осуществляется по вопросам корректировки режимных требований, применения дисциплинарных взысканий, замены наказания, условно-досрочного освобождения и иных вопросов;

2) основывается на данных, выработанных наукой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии (криминопенологии), социологии и иных наук;

3) ограничивается принципами уголовно-исполнительного законодательства, а также нормами УК РФ и УИК РФ, ведомственными нормативными актами, положениями судебной практики;

4) в её основе лежит рациональное управление субъектами, исполняющими приговор и осужденными (их представителями);

5) применение норм права реализуется по усмотрению должностных лиц, которое основывается на опыте, знаниях нормативной базы и судебной практики, а также криминологической картине о рецидивной преступности отдельных категорий осужденных;

6) позволяет снизить уровень различных видов рецидива, повышая эффективность реализации конкретной меры;

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 18-е изд. М., 2017. 328 с.

² Мещеряков Д.Д. Правоприменительная тактика (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. С. 87.

7) содержание уголовно-исполнительной тактики составляет система методов, приемов и способов применения различных средств, которые являются научно обоснованными и проверенными на практике;

8) опирается на научный анализ правоприменительной практики.

Следовательно, уголовно-исполнительная тактика – это система рационального и практически обоснованного процесса применения судьями и сотрудниками, исполняющими приговор, различных мер, закрепленных в УК РФ, УИК РФ, федеральных законах и иных нормативно-правовых актах, реализуемых в ходе исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, с целью повышения их результативности.

М.А. Сержкина

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРОБАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Согласно положениям ФЗ «О пробации в РФ» от 06.02.2023 № 10-ФЗ, каждый осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, вправе подать заявление об оказании ему содействия по избранному месту жительства (месту пребывания) в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. После подачи заявления администрацией исправительного учреждения проводится оценка его индивидуальной нуждаемости, по итогам которой принимается решение об удовлетворении или отказе в удовлетворении заявления.

Согласно методике проведения оценки индивидуальной нуждаемости, закрепленной в Приказе МЮ РФ №350 от 29.11.2023 г., предполагается, что таковая ограничивается проведением опроса осужденного, обратившегося с заявлением об оказании ему содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Такой способ проведения исследования предполагает, что осужденный в состоянии оценить уровень своей нуждаемости в вышеуказанной помощи, т.е. обладает достаточным уровнем рефлексии.

Рефлексия рассматривается психологами как акт осознания чего-либо, процесс репрезентации психикой собственного содержания. Введение рефлексивных функций в деятельность ставит индивида в пози-

цию исследователя по отношению к своим действиям, не сводя ее к какой-либо отдельной активности. Исследователями в области психологии по временному признаку выделяется три вида рефлексии: ситуативная, ретроспективная и перспективная. Методика определения индивидуальной нуждаемости на основе опроса осужденного предполагает, что опрошиваемый обладает достаточно высоким уровнем перспективной рефлексии¹. Такой вид рефлексии тесно связан со способностью человека выстроить свою жизненную перспективу. Исследованиями установлено, что подросток с преступным поведением не в состоянии успешно провести перспективную рефлексии. Следовательно, оценивать степень нуждаемости в оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации только лишь на основании ответов несовершеннолетних осужденных сложно назвать правильным. Это предположение подтверждается и результатами анкетирования, проведенного автором в 2023 г. Анкетирование прошли 116 сотрудников 9 воспитательных колоний России. Оно привело к следующим результатам:

52% опрошенных ответили, что несовершеннолетние осужденные не в состоянии самостоятельно определить уровень собственной нуждаемости в социальной, воспитательной и психологической помощи.

26% ответили, что эта категория осужденных в состоянии оценить только уровень нуждаемости в денежных средствах и месте жительства после освобождения, но никак не в необходимости трудоустройства и получения образования.

75% считают, что к отбывающим наказание в ВК меры пенитенциарной пробации должны применяться без каких-либо заявлений, так как они (осужденные) в силу специфики своего психологического развития (несовершеннолетний возраст и год после исполнения 18 лет), отсутствия жизненного опыта могут неправильно оценить важность помощи, оказываемой им государством в рамках пенитенциарной пробации.

Изложенное позволяет сделать вывод, что проведение оценки индивидуальной нуждаемости должно проводиться в рамках пенитенциарной пробации в отношении всех несовершеннолетних осужденных как обязательное мероприятие без получения от них соответствующего заявления.

¹ Рассудова Л.А. Уровень развития рефлексивности у девиантных подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 3 (50). С. 37.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ВИДЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Отечественное уголовное законодательство включает уникальный по своей природе правовой институт принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ), существование которого подтверждает особое отношение законодателя к несовершеннолетним, совершившим противоправные деяния.

Перечень ПМВВ, которые могут быть назначены несовершеннолетнему, определен ч. 2 ст. 90 УК РФ. К ним относятся предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Предупреждение в соответствии с ч. 1 ст. 91 УК РФ состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений.

Многие исследователи оценивают данную меру как не обладающую элементами государственного принуждения, вследствие чего как малоэффективную. С.Ю. Оловенцова предлагает исключить предупреждение из числа ПМВВ, мотивируя это тем, что для исправления, которое является одной из основных целей ПМВВ, требуется определенное время, в течение которого будет осуществляться воздействие на несовершеннолетнего¹. Е.В. Поводова также предлагает исключить предупреждение из числа ПМВВ как меру, не обладающую признаками принуждения, сохранив его тем не менее как меру индивидуально-профилактического воздействия или меру дисциплинарного принуждения при решении вопросов об отмене ПМВВ в случае уклонения несовершеннолетнего от исполнения возложенных судом обязанностей².

¹ Оловенцова С.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 24 с.

² Поводова Е.В. Принудительные меры воспитательного воздействия (Проблемы теории и правового регулирования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 31 с.

Е.А. Антонян полагает целесообразным предусмотреть применение данной меры в качестве самостоятельной только за впервые совершенное преступление¹. Говоря о впервые совершенном преступлении, однако, необходимо помнить о том, что впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести считается лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении него не вступил в законную силу или судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке². Таким образом, если к несовершеннолетнему ранее уже применялись ПМБВ, предупреждение может быть вынесено в отношении него повторно, поскольку он не осуждался, а был освобожден от уголовной ответственности. Кроме того, оно может быть вынесено повторно и в случае, если подросток ранее осуждался к наказаниям или иным мерам уголовно-правового характера и судимость уже погашена: например, судимость после условного осуждения погашается непосредственно по окончании испытательного срока, а судимость после отбытия наказаний, не связанных с изоляцией от общества, погашается в отношении несовершеннолетних по истечении 6 месяцев. Поэтому определение преступления как «впервые совершенного» с фактической и с уголовно-правовой точки зрения значительно разнится.

В целом, соглашаясь с тем, что превентивный потенциал предупреждения достаточно низок, мы тем не менее признаем его право на существование в системе ПМБВ и разделяем точку зрения Е.Н. Федотовой, которая считает, что предупреждение необходимо использовать только как дополнительную меру в совокупности с другими мерами воспитательного воздействия³.

¹ Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // *Lex Russica* (Русский закон). 2018. № 9(142). С. 112–118.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // *Российская газета*. 2011. № 29.

³ Федотова Е.Н. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы эффективности // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 78–83.

Общим недостатком правового регулирования всех ПМБВ является отсутствие в законе указания на государственные органы, в полномочия которых входит исполнение данных мер и, соответственно, отсылка к подзаконному регулированию порядка их исполнения. Очевидно, что обязанность разъяснения несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений возлагается на суд, принимающий решение о применении ПМБВ в виде предупреждения. Эти разъяснения должны быть даны подростку в судебном заседании после провозглашения приговора либо постановления, что должно быть отражено в протоколе судебного заседания, либо с несовершеннолетнего лица должна быть взята расписка, содержащая указание о том, что суть предупреждения ему понятна. Представляется, что порядок применения предупреждения в качестве ПМБВ требует законодательного и подзаконного закрепления.

Таким образом, в целях повышения эффективности применения предупреждения в качестве ПМБВ предлагается внести следующие изменения в Уголовный кодекс РФ:

– дополнить ч. 3 ст. 90 УК РФ положением следующего содержания: *Предупреждение может применяться только как дополнительная принудительная мера воспитательного воздействия к мерам, предусмотренным пунктами «б», «в» и «г» части второй настоящей статьи;*

– изложить ч. 1 ст. 91 УК РФ в следующей редакции: *Предупреждение состоит в разъяснении судом в установленном порядке несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных настоящим Кодексом.*

Д.С. Стрековцов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ СОТРУДНИКОВ УИС

Сотрудники уголовно-исполнительной системы с учетом их широкого круга властных полномочий, а также специфики осуществляемой деятельности сталкиваются с постоянным противодействием со сто-

роны подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Такие противодействия заключаются в том числе в посягательствах на их честь и достоинство, выраженные в публичном оскорблении.

Оскорбления сотрудников в силу различных ситуаций, а также в зависимости от преследуемых целей носят как публичный характер (демонстративный), так и приватный. В первом случае оскорбление происходит, как правило, в целях повышения авторитета осужденного, а во втором – как выражение недовольства подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными.

Публичным оскорблением не только посягают на честь и достоинство указанных лиц, но и создают препятствия в осуществлении сотрудниками ФСИН возложенных на них функций и полномочий, в связи с чем посягают на «нормальную деятельность органов власти» и авторитет соответствующего государственного органа. Поэтому составы указанных преступлений находятся в главах УК РФ о преступлениях против правосудия и порядка управления. Законодатель четко выделяет в качестве одного из приоритетных направлений уголовно-правовой политики защиту представителя власти от посягательства с помощью оскорбления при выполнении им должностных обязанностей, предусмотрев в ст. 319 Уголовного кодекса ответственность за таковые. Однако на практике сотрудники ФСИН не в полной мере защищены от указанных выше посягательств. В частности, проблемой выступает отказ в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия признака публичности. Так, на практике нередки случаи, когда подозреваемые, обвиняемые и осужденные оскорбляют сотрудника учреждения в присутствии других сотрудников, что фиксируется на переносной видеорегистратор, но в возбуждении уголовного дела отказывается ввиду отсутствия принципа публичности. В результате у сотрудников, подвергшихся посягательству в виде оскорбления, страдают не только деловая репутация, моральные и деловые качества, но и возникает чувство незащищенности, складывается негативное впечатление о правоохранительной системе в целом. Подозреваемые, обвиняемые и осужденные же начинают чувствовать безнаказанность, что провоцирует их на новые преступления.

Еще одной проблемой выступает латентность данной категории преступлений. «Высокий уровень латентности оскорбления сотрудников уголовно-исполнительной системы объясняется нежеланием руководства учреждения предавать данные факты огласке по вполне понят-

ным причинам, а также с целью сокрытия негативных процессов, происходящих в учреждении. В результате принятия таких решений происходят все ранее указанные негативные процессы»¹.

Учитывая вышеизложенное, по нашему мнению, следует более четко определить содержание «публичности» в ст. 319 УК РФ.

П.В. Тепляшин

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОДЕКС РСФСР 1924 г.: ПРОЛОГ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЭПИЛОГ ТЮРЕМНОГО ПРАВА

2024 год ознаменовался 100-летием принятия Исправительно-трудо­вого кодекса РСФСР (далее – Кодекс; ИТК РСФСР)², который во многом предопределил общую архитектуру основного нормативного источника в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний.

Кодекс закрепил идею структуризации подобного нормативного источника, общую логику изложения юридических установлений и основы юридической техники. ИТК РСФСР, как и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) синхронно отражают весьма кардинальные изменения в карательной политике молодого советского государства и уголовно-исполнительной политике современной России соответственно. На основании данных особенностей Кодекс ознаменовал пролог уголовно-исполнительного законодательства, поскольку именно в нем была заложена идеология формирования единого правового акта, регулирующего исполнение и отбывание осужденными уголовных наказаний. При этом приемлемым является использование именно оборота «заложена идеология», поскольку ИТК РСФСР регулировал организацию исполнения только двух уголовных наказаний – лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей.

¹ Шилов К.А. К вопросу об уголовной ответственности за оскорбление сотрудника ФСИН России как представителя власти // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 268–272. doi: 10.23672/SAE.2019.11.41518. EDN KCDILW.

² См.: Исправительно-трудо­вой кодекс РСФСР 1924 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102016769&backlink=1&&nd=102010123>.

ИТК РСФСР 1924 г. и УИК РФ 1996 г. охватывают значительный период времени становления, развития и трансформации отечественной уголовно-исполнительной (исправительно-трудовой) системы, их объединяет схожая картина предшествующих сильнейших социально-экономических и культурно-идеологических потрясений, связывает общая нормативно-правовая идеология.

Обращаясь к конкретным концептуальным положениям Кодекса, следует остановиться на том, что в ст. 4 Кодекса закрепляется установление, согласно которому «исправительно-трудовое воздействие на заключенных в целях полного и действительного его осуществления должно проводиться путем дальнейшего усовершенствования и максимального развития вместо оставшихся от прежнего времени тюрем»¹. Остальные положения Кодекса планомерно развивают указанный нормативный постулат. В частности, в Кодексе была заложена нормативная основа развития самостоятельных организаций осужденных, что является приемлемым условием только для коллективной формы организации отбывания осужденными лишения свободы, т.е. при колонийско-отрядной модели их размещения.

Принятие ИТК РСФСР привело к эпилогу тюремного права. Ведь положения рассматриваемого правового акта были ориентированы на колонийско-отрядную модель размещения осужденных, причем не только в сети трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний, но и даже в переходных исправительно-трудовых домах.

Таким образом, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г., с одной стороны, заложил фактические основы дальнейшего поступательного развития исправительно-трудового и затем уголовно-исполнительного законодательства, предопределил вектор всей архитектуры изложения юридических установлений по исправительному воздействию; с другой стороны, «поставил точку» на покамерно-тюремной модели размещения осужденных со всеми вытекающими из этого организационно-правовыми последствиями и концептуальными установками нового законодательства в области обращения с осужденными.

¹ См.: Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102016769&backlink=1&&nd=102010123>.

ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКОВ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Согласно ст. 36 УИК РФ, срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначенного в качестве как основного, так и дополнительного видов наказаний к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу. На практике его исчисление осуществляется с момента, когда лицо фактически было освобождено от должности, которую он лишен права занимать, или с момента аннулирования разрешения либо запрета на занятие деятельностью, которой суд запретил заниматься.

Если же основное наказание связано с изоляцией от общества, срок исчисляется со дня освобождения осужденного из исправительного центра, дисциплинарной воинской части или исправительного учреждения. Это объясняется тем, что во время отбывания наказаний, связанных с изоляцией от общества, осужденный фактически лишен возможности занимать такие должности или заниматься определенной деятельностью. В то же время по факту это существенно удлиняет срок указанного наказания.

Вопросы о начале исчисления срока лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью также возникают при наличии уже действующего запрета, возложенного на лицо в качестве административного наказания¹. В такой ситуации наблюдается недостаточная системность норм УК РФ, с одной стороны, и норм КоАП РФ – с другой. Один срок в таком случае поглощает другой, или мы можем говорить о параллельном течении сроков, что с точки зрения правопоражения не имеет практического смысла.

¹ Агильдин В.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по УК РФ // Юридический мир. 2011. № 2.

Следующий вопрос – это возможность зачета срока мер пресечения, применяемых к лицу в ходе уголовного судопроизводства, в срок рассматриваемого вида наказания. Исходя из буквального толкования ч. 5 ст. 72 УК РФ, такая возможность предусмотрена только при применении к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу и назначения впоследствии лишения права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного наказания. При этом судебная практика идет иным путем: во-первых, распространяя данную норму и на иные меры пресечения, в частности, домашний арест, во-вторых, смягчая наказание, и в случаях назначения его как дополнительного.

Ключевой проблемой для исчисления рассматриваемого вида наказания являются последствия уклонения от его отбывания. На данный момент в законодательстве предусмотрено три варианта развития событий при уклонении от отбывания наказания: 1) замена на более строгое наказание; 2) криминализация такого деяния – закрепление уклонения от отбывания наказания в качестве самостоятельного состава преступления; 3) незачет срока наказания. В отношении лишения права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрен только последний вариант. При этом контроль соблюдения запретов со стороны уголовно-исполнительной инспекции затруднен. К примеру, инспекция не может контролировать соблюдение запрета на управление транспортным средством, в связи с чем такой вид реагирования на неисполнение приговора, как незачет срока, является неэффективным¹.

Полагаем, что помимо указанных способов решения данной проблемы возможен и иной вариант – закрепление нормы о прерывании течения срока наказания. Тогда в случае, если лицо нарушит установленный запрет и это будет установлено со стороны органа, исполняющего наказание, срок наказания начнет течь сначала.

Помимо сказанного, считаем необходимым предусмотреть в законодательстве механизмы контроля за исполнением наказания за счет электронного взаимодействия (доступа к базе данных) уголовно-ис-

¹ Уткин В.А. Лишение права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 58–61.

полнительных инспекций ФСИН России с Социальным фондом России (отображение НДФЛ и страховых взносов по трудовой деятельности и работы по договорам гражданско-правового характера) и Министерством обороны РФ (реестр военнообязанных, аккумулирующий большое количество информации, включая место работы).

Д.О. Трофимов

«ВОЕННОЕ ВРЕМЯ» КАК ОДНО ИЗ ОСОБЫХ ВОЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Федеральным законом от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ в Уголовный кодекс РФ внесено такое особое военное обстоятельство, как «военное время». До принятия Федерального закона от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ в Уголовном кодексе Российской Федерации правовая категория «военное время» отсутствовала.

В действующем законодательстве Российской Федерации правовая категория «военное время» закреплена в ст. 18 Федерального закона от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»¹, согласно которой начало военного времени определяется моментом объявления состояния войны или фактического начала военных действий, а окончание – моментом объявления о прекращении военных действий и их фактическим прекращением.

Вместе с тем, как показывает практика, военное время может обуславливать необходимость проведения общей либо частичной мобилизации в стране, но может фактически иметь место и без таковой. Военное время может предполагать проведение военных операций, боевых действий с использованием Вооруженных сил РФ как в пределах нашей страны, так и за ее границей, с введением на определенных территориях военного положения и без такового.

Именно такое абстрактное понимание содержания категории «военное время» закреплено сегодня в действующем военном законодатель-

¹ Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

стве, и из него следует исходить при изучении содержания соответствующего ОВО, а также его значения и целесообразности закрепления в тексте УК РФ, поскольку закрепление в тексте уголовного закона правовых категорий, закладываемых в восприятии их содержания правоприменителем максимальный уровень дискретности, является нецелесообразным при наличии в тексте закона иных категорий, характеризующихся большей степенью конкретизированности.

В этой связи представляется неверным рассматривать «военное время», как особое военное обстоятельство.

Анализируя такие обстоятельства, как «военное положение», «мобилизация», «вооруженный конфликт», в сравнении с «периодом военного времени», отмечаем их сущностное отличие: «военное время» имеет объективную сущность в то время как «период военного положения» и иные ОВО носят субъективный характер, являются правовыми режимами, начало и окончание которых зависит от решений органов государственной власти, что позволяет рассматривать их как средства управления государством. Этого нельзя сказать о «периоде военного времени», который также характеризуется временным критерием, но может начинаться и заканчиваться как фактическое обстоятельство вне зависимости от решений органов государственной власти РФ.

Полагаем, что отличаются они не только содержательно, но и имеют разную сущность: «военное время» имеет социальную сущность, «период военного положения» – правовую.

В отличие от особых военных обстоятельств, «военное время» не повышает общественную опасность преступлений, совершаемых в этот период, само по себе. Общественная опасность преступлений повышается за счет возникновения общественных отношений, возникающих в период и в рамках проведения мобилизации, вооруженного конфликта и т.д.

О.Н. Уваров

К ВОПРОСУ О ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

В рассматриваемом аспекте наиболее интересна пенитенциарная пробация в отношении осужденных к лишению свободы как отбывающих самый строгий вид наказания из числа лиц, участвующих в пробации. Пенитенциарная пробация, являясь одним из трех направлений

пробации в России, рассматривается как целенаправленная деятельность по подготовке осужденных к освобождению. Закон прямо определяет пенитенциарную пробацию как вид пробации, представляющий собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных и подготовку их к освобождению¹. Следующий этап пробации – постепенная пробация, т.е. вид пробации, применяемый в отношении лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Этапы, безусловно, обладают преемственностью и увязаны единой целью. В этом смысле вполне определенно можно говорить о расширении предмета уголовно-исполнительного законодательства. Ведь на самом деле имеется в виду постепенная стадия воздействия на освободившихся осужденных, предполагающая использование мер принудительного профилактического контроля².

Целями пробации установлены коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, и предупреждение совершения ими новых преступлений³. При этом пенитенциарная пробация включает в себя проведение социальной и воспитательной работы с осужденными, оказание им психологической помощи в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством; социальную реабилитацию осужденных, отбывающих наказания; подготовку осужденных к освобождению из учреждений, исполняющих наказания, и оказание им содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве⁴.

Закон о пробации предусматривает довольно разнообразный набор мер ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, попадающих под пробацию. В своем большинстве они охватываются основными средствами исправления осужденных – воспита-

¹ Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Версия проф., сетевая. М., 2024. Доступ свободный.

² Уткин В.А. Пределы уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Кузбасского института 2020. № 4 (45). С. 97–100.

³ Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Версия проф., сетевая. М., 2024. Доступ свободный.

⁴ Там же.

тельной работой, получением ими общего и профессионального образования, общественным воздействием¹. Как можно предположить, Закон о пробации предполагает одновременно с расширением предмета уголовно-исполнительного права за счет постпенитенциарной пробации вполне обоснованное расширение области применения средств исправления, кроме того, не исключает и расширение перечня таких средств. Однако это суждение оказывается ошибочным.

Ведь теперь приказ Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 259 «Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний», который предусматривал организацию воспитательной работы в отряде в качестве средства исправления осужденных, утратил силу², а действует приказ Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»», где воспитательной работе отведена совершенно иная цель.

Общеизвестно, что если целью наказания является исправление осужденных, то одним из основных средств исправления осужденных в УИК РФ названа воспитательная работа. Однако ныне теперь такое средство исправления, как воспитательная работа с осужденными к лишению свободы, вполне определенно проводится в целях ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации после освобождения и коррекции поведения осужденных.

Таким образом, организация воспитательной работы с целью исправления осужденных задекларирована лишь положениями УИК РФ, а порядок проведения, ее содержание и ведомственное обеспечение де-юре отсутствуют.

¹ Селиверстов В.И. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 19–30.

² Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Версия проф., сетевая. М., 2024. Доступ свободный.

Можно ли назвать такую ситуацию совершенствованием уголовно-исполнительного законодательства и расширением предмета уголовно-исполнительного права? В связи с очевидной подменой цели воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, нет ли здесь предпосылок регресса в уголовно-исполнительном праве, софизма на почве игр с целями наказания и средствами исправления?

А.А. Уткин

О НЕОПЛАЧИВАЕМОМ ТРУДЕ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ И ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Порядок отбывания принудительных работ и лишения свободы предусматривает возможность привлечения осужденных не только к оплачиваемому труду, но и к безвозмездному труду, связанному с осуществлением благоустройства.

По существу, выполнение безвозмездных работ уголовно-исполнительное законодательство рассматривает как одно из основных средств исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) и не связывает с извлечением прибыли, хотя выполнение таких работ может снижать государственные затраты на содержание исправительных учреждений и исправительных центров.

Конституционный Суд РФ в своих актах¹ неоднократно признавал положение ст. 106 УИК РФ по вопросу привлечения осужденных без оплаты труда к выполнению работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий соответствующим Конституции РФ. Изложенная Конституционным Судом РФ правовая позиция вполне применима и для принудительных работ.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 296-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Осолкова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 29 и частью второй статьи 30 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также статьями 77.1, 77.2 и 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2005 № 152-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демко Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

Со своей стороны, можем заметить, что содержание неоплачиваемого труда для осужденных к принудительным работам и осужденных к лишению свободы не вполне совпадает. Проявляющийся правовой дисбаланс отнюдь не в пользу принудительных работ, который по отношению к лишению свободы является альтернативной, т.е. более мягким видом наказания.

Во-первых, налицо разная по объёму правовая регламентация неоплачиваемого труда.

Согласно п. «г» ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ, осужденные к принудительным работам обязаны участвовать без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территории исправительного центра в порядке очередности в нерабочее время продолжительностью не более двух часов в неделю. Иные правовые нормы отсутствуют.

В отношении же неоплачиваемого труда осужденных к лишению свободы предусмотрена целая статья (ст. 106 УИК РФ).

Осужденные к лишению свободы могут привлекаться без оплаты труда только к выполнению работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий (ч. 1).

Осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации, осужденные беременные женщины привлекаются к работе без оплаты труда по их желанию (ч. 2).

К указанным работам осужденные привлекаются в порядке очередности в свободное от работы время, их продолжительность не должна превышать двух часов в неделю. Продолжительность работ может быть увеличена по письменному заявлению осужденного либо при необходимости проведения срочных работ постановлением начальника исправительного учреждения (ч. 3).

Во-вторых, порядок отбывания принудительных работ, предусмотренный п. «г» ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ, именно обязывает осужденных к принудительным работам участвовать без оплаты труда в работах по благоустройству. В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 106 УИК РФ, осужденные к лишению свободы могут привлекаться к таким работам, т.е. вероятность непривлечения к этим работам в местах лишения свободы выше.

В-третьих, в исправительных учреждениях предусмотрена возможность увеличения продолжительности работ без оплаты труда свыше предусмотренных двух часов в неделю, что допустимо по письменному

заявлению самого осужденного либо при необходимости проведения срочных работ постановлением начальника исправительного учреждения. При этом каких-либо предельных временных границ не установлено.

Для принудительных работ подобных исключений не предусмотрено.

В-четвертых, осужденные к лишению свободы, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством РФ, привлекаются к работе без оплаты труда только по их желанию, в свою очередь, для таких же осужденных к принудительным работам это не право, а обязанность. По отношению к более мягкому виду наказания такое соотношение представляется неприемлемым.

Вызывает определенное несогласие практика очередности и времени выполнения работ без оплаты труда. По умолчанию в отсутствие правовой регламентации очередь формируется из всех осужденных, находящихся в исправительном учреждении или исправительном центре, и не важно, есть ли у них оплачиваемая работа. Возможно, кто-то из осужденных трудится на тяжелых работах или работах с вредными условиями труда, но осужденного ставят в график на общих основаниях. В.А. Уткин справедливо отмечал, что «следует по-разному подходить к осужденным, работающим на производстве и не обеспеченным работой. У последних – масса свободного времени. Для них целесообразно увеличить продолжительность такой работы, как минимум, до двенадцати часов в неделю»¹.

Таким образом, описанный выше дисбаланс требует устранения.

А.А. Храмов

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА «ИНТЕГРАТИВНОЕ» УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Несмотря на то, что впервые термин «интегративный» в контексте правопонимания был использован еще в конце первой половины XX в.,

¹ Уткин В.А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2. С. 81–88.

чтобы подчеркнуть принципиальную новизну исследования, в настоящее время оно имеет многогранное значение. Как правило, оно рассматривается в трех аспектах – с позиции решения проблемы определения форм и источников права, как признака системы той или иной отрасли права, ее подотраслей, институтов, а также с позиции расширения предмета регулирования правовой отрасли. Первый и второй, за некоторым исключением, являются в основном предметом изучения общей теории права, последний – отраслевых наук, в том числе и уголовно-исполнительной (ранее – исправительно-трудовой).

Разумеется, сами по себе идеи о расширении предмета уголовно-исполнительной законодательной (правовой) отрасли не являются новыми. Еще в 1957 г. была высказана идея, что нормами исследуемой отрасли регулируется порядок исполнения не только наказаний, связанных с исправительно-трудовым воздействием, но и иных мер (административно-правовых, уголовно-процессуальных)¹. Спустя несколько десятилетий некоторые ученые высказались о необходимости дальнейшего расширения сферы правового регулирования системы исполнения наказаний и создания новой отрасли советского права – уголовно-исполнительного. Оно должно было непосредственно регулировать не только связанных с исправительно-трудовым воздействием, но и иных видов уголовных наказаний².

С развитием в советский период науки уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права количество предложений по расширению сферы правового регулирования последнего в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стало увеличиваться. В итоге, помимо активного обсуждения предложений о разработке общесоюзного нормативного акта, который урегулировал бы вопросы исполнения не только всех наказаний, но и иных форм ответственности, предлагалось включить в данный документ и иные меры (не уголовно-правовые),

¹ Стручков Н.А. Содержание советского исправительно-трудового законодательства и значение для его разработки кодификации уголовного законодательства // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957). М., 1957. С. 47.

² Козаченко И.Я. Советское исправительно-трудовое право. М.: Юридическая литература, 1977. 351 с. / Рецензия И.Я. Козаченко, Ю.И. Шутов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1979. № 4. С. 75.

направленные на предупреждение преступности. Как известно, отчасти данные предложения были восприняты впоследствии и законодателем при принятии в конце 1990-х гг. нового отраслевого Кодекса.

Вместе с тем до сих пор остаются нерешенными до конца вопросы об отнесении общественных отношений, возникающих в сфере административного надзора, условно-досрочного освобождения, оказания социальной помощи освобожденным (не освобождаемым!) осужденным, принудительных мер воспитательного воздействия, принудительных мер медицинского характера, реализации отдельных мер уголовно-процессуального принуждения к уголовно-исполнительным. Их исследование (и решение), а также оптимальное законодательное закрепление, очевидно, имеют важное значение для реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства.

С.В. Чубраков

ПРИНЦИП УЧЕТА (СОБЛЮДЕНИЯ) БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ОСУЖДЕННЫХ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Баланс интересов – категория весьма популярная во многих сферах, в том числе давно и часто используемая в праве. Актуальна она и для уголовно-исполнительного права.

Необходимость соблюдения баланса интересов осужденного и государства при правовом регулировании их поведения в процессе исполнения мер уголовной ответственности следует во многом из существующих между ними отношений противоречия их интересов. Суть их в том, что осужденные желают избежать реализации уголовной ответственности либо минимизировать ее воздействие, а государство должно навязать ее применение¹. В целом противоречие интересов сто-

¹ На эти отношения, причем в различных вариантах их интерпретации (в том числе в части отражения и противоречия интересов самого государства, решающего превентивные задачи за счет лишения осужденных тех прав, благ, которые

рон в общественных отношениях выступает естественной предпосылкой для вмешательства права, если иными регуляторами эти противоречия устранить не удастся, причем право вмешивается в эти отношения, устанавливая определенную модель поведения, которая закрепляет некий правильный, по мнению государства, баланс интересов сторон правоотношения, и тем самым разрешая это противоречие. Данные отношения предопределяют в значительной степени не только системообразующие для правового регулирования в области исполнения мер уголовной ответственности отношения учета (соблюдения) баланса интересов государства и осужденных при реализации всех средств воздействия, но и многие иные отношения, устанавливаемые между элементами данной системы. Их влияние можно обнаружить и за пределами системы уголовно-исполнительного правового регулирования, в том числе в одновременной постановке перед наказанием таких во многом «противоречивых» целей, как исправление и превенция.

Так, государство, закрепляя отмеченные цели и подбирая под них соответствующие средства, пытается одновременно, с одной стороны, либо лишить, ограничить осужденного в возможности совершения преступлений, либо утратить его и иных, склонных к совершению преступлений лиц, а с другой стороны, исправить осужденного (чтобы он осознанно и добровольно в силу изменившейся психической деятельности не нарушал элементарных правил человеческого общежития и не совершал преступлений)¹. Задача умелого сочетания данных целей, как показывает современная российская практика создания и применения мер уголовной ответственности, – сложная.

ценны и ему) в уголовно-исполнительной литературе обращалось внимание неоднократно. См., например: Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965.

¹ Подобные противоречия в самой природе наказаний на примере отдельных видов наказаний отмечались в литературе неоднократно. Например, С.П. Середа, анализируя проблемы мест отбывания лишения свободы, указывает на то, что наказание в виде лишения свободы, с одной стороны, направлено на изоляцию осужденного от общества, а с другой – на формирование у него навыков законопослушного поведения в обществе. См.: Середа С.П. Роль места отбывания наказания в виде лишения свободы в реализации принципов гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4.

Первичные интересы государства (и представляемого им общества) – это превенция и возмездие. Основные интересы осужденных, а равно дополнительный интерес государства (и представляемого им общества), – это оставление осужденных нормальными членами общества путем сохранения определенных их благ, социальных связей и т.п. Соответственно, баланс интересов должен быть не только между осужденными и государством, но и между различными (и во многом противоречивыми) интересами государства. Отношения соблюдения баланса интересов должны выражаться применительно к интересам государства, как минимум, в неизбежности реализации предписанной меры ответственности, а применительно к осужденным, как минимум, в гуманном (человечном) отношении к ним при реализации этой ответственности.

Баланс интересов как на этапе принятия соответствующих предписаний, так и на этапе их реализации должен соблюдаться в связи с противоречивой природой самого уголовного наказания и реализуемой в процессе его применения карательной деятельности.

Так, А.Л. Ременсон внутреннее противоречие наказания усматривал в том, что оно, будучи по своему содержанию всегда лишением благ, правовым ограничением неких социальных возможностей, лишает и ограничивает не только то, что ценно самому осужденному, но одновременно значимо и для карающего его общества. И именно поэтому наказание, с одной стороны, «выступает как добро, поскольку ликвидирует противоречие между преступником и обществом, обеспечивает безопасность общества. С другой стороны, оно выступает как вынужденное зло, так как представляет собой ограничение определенных общественных и соответствующих общественным интересам личных объективных ценностей»¹. В.Д. Филимонов и О.В. Филимонов отмечали, что внутреннее противоречие карательного воздействия проявляется также в том, что, реализуя свою направленность на подавление и разрушение через вызываемые наказанием страдания тех антиобщественных свойств личности, которые стали непосредственной причиной совершения преступления (и вынуждая отказаться в дальнейшей

¹ Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 9, 10; Ременсон А.Л. К вопросу об этической характеристике исполнения уголовного наказания при лишении свободы // Труды Томского университета. 1970. Т. 208: Сборник работ юридических факультетов. С. 120.

жизни от преступного способа удовлетворения своих потребностей), оно нередко разрушает и подавляет также некоторые социально полезные свойства личности, например, решительность, настойчивость в достижении поставленных целей. Противоречия содержит и воспитательное воздействие, оказываемое карательной деятельностью¹.

Учет баланса интересов, по сути, должен сводиться к некому компромиссу между желанием покарать осужденного, реализовав репрессивные притязания общества, и с гуманным к нему отношением, с желанием сделать его осознанно законопослушным с уголовно-правовой точки зрения человеком.

Именно поэтому государство, подбирая и в дальнейшем реализуя определенное карательное содержание уголовных наказаний (т.е. конкретные лишения и правоограничения), как первоначально назначаемых, так и призванных заменять первые, а также закрепляя соответствующие специально-предупредительные меры и исправительные меры, нацеленные на усиление частнопревентивного и исправительного воздействия (если оно ставит перед уголовной ответственностью подобные цели), должно сопоставлять необходимость соответствующей реакции на преступное поведение виновного с необходимостью сохранения и созидания позитивных качеств его личности.

Это достаточно сложный процесс, выходящий за рамки уголовно-исполнительного регулирования и обусловленный огромным количеством детерминант различного уровня и качества, ведь государству нужно установить соответствующий перечень видов наказаний, наполнить их определенным содержанием, задать основные правила их замены, прописать базовые модели их исполнения и т.д. Однако в итоге такого сопоставления на конкретном этапе исторического развития (с учетом религиозных, экономических, национальных, социальных и т.п. условий, особенностей и традиций) должна родиться некая концепция карательно-воспитательного воздействия (например, устрашения, безопасности, исправления и т.п.) с конкретными отправными точками и однозначно понимаемым содержанием (например, отрицание телесных наказаний; отказ от «функционального» подхода к осужденному;

¹ См. подробнее: Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М., 2007. С. 248–249.

сокращение мер, связанных с изоляцией от общества за счет расширения альтернативных наказаний и увеличения применения диверсификационных санкций; отказ от кратких сроков лишения свободы и т.п.).

Именно необходимость учета баланса интересов на стадии исполнения мер уголовной ответственности влияет на наличие мер взыскания и мер поощрения, на наличие прогрессивной системы отбывания наказания, на возможность изменения вида исправительного учреждения, на возможность замены одного наказания другим, более строгим, и на многое другое.

Принципиально важно, что выработанная позиция по учету баланса данных интересов должна последовательно влиять на сочетание средств в виде кары, исправительных мер и специально-предупредительных мер в течение всего процесса реализации мер уголовной ответственности, в том числе и на их изменение в зависимости от положительного или отрицательного поведения осужденного.

Э.В. Чумаков, А.А. Ефименко

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В настоящее время физическое воспитание осужденных в местах лишения свободы направлено на совершенствование и развитие физических способностей, укрепление здоровья и формирование морально-волевых качеств. Физическое воспитание помогает правонарушителям преодолеть чувства физической и психической усталости, напряженности, страха, неуверенности и подавленности.

Специфика исправительных учреждений обуславливает особенности организации форм физкультурно-спортивной работы, так как не все виды спорта могут культивироваться. Как правило, исключаются все виды единоборств: борьба, бокс, фехтование, а также военно-прикладные виды спорта.

Особое место занимает утренняя физическая зарядка, имеющая гигиеническое и оздоровительное значение, содействуя переходу орга-

низма к бодрствованию и рабочему состоянию. Отмечается, что систематические занятия зарядкой способствуют воспитанию организованности, собранности и дисциплинированности¹.

Важным аспектом воспитательной работы для осужденных является участие в спортивных соревнованиях. Ценность их заключается в наличии правил соревнований, обязательных для всех участников, стремлении к победе и достижения высоких спортивных результатов. В Положении о соревнованиях обязательно указываются цель и задачи соревнований, время и срок их проведения, состав участников, порядок определения победителей и другие организационные вопросы.

По нашему мнению, неотъемлемой частью воспитательных мероприятий с осужденными в местах лишения свободы являются спартакиады, подводящие итог всей спортивно-массовой работы². Организуется спартакиада в два этапа: первый проводится в отряде, второй – среди отрядов исправительного учреждения. По ее результатам комплектуется сборная команда учреждения. В программу спартакиады включаются соревнования по комплексу физической зарядки (на лучшее выполнение), по волейболу, легкой атлетике, настольному теннису, шашкам, шахматам, а также сдача норм «Готов к труду и обороне».

В рамках организации спортивно-массовой работы с осужденными в местах лишения свободы выделяются задачи сохранения и укрепления здоровья, формирование и развитие нравственных качеств, полезной инициативы, навыков коллективной деятельности, чувства товарищества и ответственности правонарушителей. Вместе с тем изучение вопроса организации физического воспитания осужденных свидетельствует о некоторых трудностях. Во-первых, слабая материальная база для занятия спортом, отсутствие игровых площадок, беговых дорожек, спортгородков, спортивного инвентаря и спортивной формы; во-вторых, возникают трудности при строительстве спортивных сооружений,

¹ Ефименко А.А., Чумаков Э.В. История и современность ВФСО «Динамо» // Актуальные вопросы физической культуры и спорта : материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ю.Т. Ревякина. Томск, 2022. С. 47–51.

² Ефименко А.А. Особенности организации досуга, рациональной занятости и свободного времени осужденных женщин // Межрегиональная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы». Томск, 2017. С. 164–167.

так как исправительные учреждения разделены на локальные участки, в которых отсутствуют места для спортивных площадок.

Вместе с тем эффективность физического воспитания осужденных в местах лишения свободы достигается посредством продуктивной деятельности сотрудников отделов по воспитательной работе.

К.В. Шевченко

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКАМИ УИС

Сотрудникам Федеральной службы исполнения наказаний предоставляется право на ношение и использование служебного оружия, закрепленное в Федеральном законе «Об оружии»¹.

Законодатель в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации закрепил перечень обстоятельств, при которых сотрудник УИС имеет право на применение служебного оружия².

В специальном нормативном акте, регулирующем порядок деятельности исправительных учреждений, закреплен перечень других оснований для применения служебного оружия³. Законодатель обращает особое внимание на то, что оружие применяется только тогда, когда другие меры не принесли желаемого результата.

В Законе об уголовно-исполнительной системе устанавливаются процессуальные нормы, регулирующие применение оружия. Сотрудник пенитенциарной системы должен предупредить о своем намерении применить оружие. Если же предупреждение может привести к тому, что нападающий успеет применить противоправные действия к сотруднику или к другому лицу, то оружие можно применять незамедлительно.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. 16.12.1996. № 51. Ст. 5681.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 года № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.

³ Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 19.08.1993. № 33. Ст. 1316.

Сотрудник не должен стремиться к тому, чтобы оружие было применено с летальным исходом для нарушителя, потому что основная цель сотрудника учреждения исправительной системы заключается в подавлении сопротивления или нападения и в восстановлении порядка. Следовательно, выстрел должен производиться с намерением причинить наименьший вред. После того, как цель применения оружия достигнута и нарушитель не представляет угрозы, сотрудник УИС должен организовать оказание медицинской помощи.

После применения оружия об этом должен быть уведомлен непосредственный начальник сотрудника в устной и письменной форме в течение суток. В рапорте сотрудник подробно описывает ситуацию, в которой он принял решение на применение оружия.

Проблема заключается в том, что сотрудники уголовно-исполнительной системы могут применять оружие только в процессе исполнения своих служебных обязанностей, т.е. только на определенных территориях. Это территории: учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторов, находящиеся под охраной сотрудников уголовно-исправительной системы, прилегающие к режимным объектам уголовно-исполнительной системы и в процессе конвоирования.

В большинстве случаев применение огнестрельного оружия ограничено территориальным признаком, но в ч. 2 ст. 28 Закона № 5473-1 законодатель допускает, что сотрудники уголовно-исполнительной системы могут применять огнестрельное оружие и «в иных случаях», предусмотренных Законом. Применение огнестрельного оружия при задержании сбежавших сотрудников, при предотвращении совершения преступления и при неповиновении сотрудникам уголовно-исполнительной системы может быть осуществлено за пределами названных территорий.

На практике возникает проблема, связанная с соразмерностью применения огнестрельного оружия незаконным действиям осужденных или лиц, заключенных под стражу. Рассчитать соразмерность применения огнестрельного оружия обязан сам сотрудник, опираясь на сложившиеся обстоятельства. Ситуация субъективно оценивается сотрудником уголовно-исполнительной системы, применяющим огнестрельное оружие, а впоследствии он должен доказать, что оценил ситуацию объективно.

Для сотрудника смягчающим обстоятельством является выявленный факт того, что он был спровоцирован каким-либо образом осуж-

денным лицом на применение оружия. При определении соразмерности учитываются конкретные обстоятельства, но специалисты в области уголовно-исполнительного права считают, что должны быть установлены правовые критерии, по которым будут определяться законность, обоснованность и соразмерность применения оружия. Это позволит обеспечить единообразное понимание норм о применении огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы, единообразную оценку ситуации, в которой применялось огнестрельное оружие, а также предоставить более твердые гарантии защиты прав сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В качестве еще одной важной проблемы можно назвать невозможность применения оружия даже когда на это имеются все основания. Сотрудник УИС применяет оружие на ограниченной территории, где находятся посторонние лица, в непосредственной близости от территории исправительного учреждения находятся жилые дома. При применении огнестрельного оружия на ограниченной территории пуля может срикошеть, и вред будет причинен здоровью или жизни третьих лиц. Именно из-за ограниченности территории сотрудники охраны стараются предотвратить преступление иными способами, предупреждениями, применением физической силы, что нередко приводит к тому, что осужденные доводят свой преступный замысел до конца, например совершают побег.

Чтобы нивелировать проблемы, возникающие на практике, необходимо проводить учения с сотрудниками ФСИН в неформальных ситуациях, а не в обычных условиях тира. Нужно прорабатывать ситуации, которые уже возникали в практике учреждений ФСИН, инструкторы должны для учений придумывать ситуации, в которых сотрудник покажет умение ориентироваться в сложившихся обстоятельствах и докажет, что он чувствует риски и ответственность в каждой ситуации. Сложность вызвана также текучестью кадров, из-за чего в подразделениях ФСИН службу проходят в большинстве своем неопытные сотрудники, которые не только не могут применить оружие в отношении человека, но и вообще применить оружие¹.

¹ Степанова Т.В. Актуальные проблемы правового регулирования применения оружия сотрудниками ФСИН России во время несения службы // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 10 (112), ч. 2. С. 186.

КРИМИНОЛОГИЯ

Е.А. Акунченко

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Свободные выборы являются одной из основ любого демократического государства. В свою очередь, процесс их организации и проведения представляет собой сложный механизм, обеспечивающий легитимную передачу властных полномочий от населения к выборным должностным лицам. В силу своей высокой значимости для стабильного развития общества и государства избирательный процесс должен рассматриваться как объект усиленной правовой охраны, поскольку электоральные процедуры зачастую подвержены различного рода угрозам вмешательства с целью оказания незаконного влияния на результаты волеизъявления граждан в личных или групповых политических интересах. В связи с этим формирование и совершенствование системы противодействия преступным посягательствам в избирательном процессе является объективно необходимым условием обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Коррупция в избирательном процессе небезосновательно относится к числу негативных социальных явлений, которые причиняют невосполнимый вред верховенству закона и правам человека, подрывают доверие населения к формируемой в ходе выборов власти, а также посягают на принципы публичного управления, равенства и социальной справедливости¹. При этом коррупция, как и другие формы противоправного поведения, находится в непрерывном развитии и тем самым обуславливает

¹ См.: Дамм И.А. Коррупция и ее формы в избирательном процессе // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. Владивосток : ДВГУ, 2005. С. 95–108.

постоянное совершенствование способов и средств антикоррупционной деятельности. Однако на сегодняшний день в специальной литературе подчеркивается, что сложившаяся система противодействия коррупции практически достигла пределов своего расширения и для выхода на качественно иной уровень предупредительной работы требуется поиск новых фундаментальных подходов¹. Представляется, что таковым может выступить антикоррупционная криминологическая безопасность избирательного процесса.

Процесс формирования теории криминологической безопасности нельзя признать завершенным. Однако к изучению антикоррупционной криминологической безопасности исследователи приступили сравнительно недавно. Некоторые проблемы криминологической и антикоррупционной безопасности избирательного процесса и ранее находили свое отражение в трудах отечественных специалистов², но подобные работы скорее имеют эпизодический характер и в настоящий момент не позволяют определить целостную структуру данного научного направления. Вместе с тем накопленный теоретический материал позволяет наметить перспективные направления развития научного знания об антикоррупционной криминологической безопасности избирательного процесса.

Антикоррупционная криминологическая безопасность понимается как «состояние защищенности объектов уголовно-правовой охраны (объекты охраны) от коррупционных преступных посягательств (коррупционные угрозы) и коррупционной преступности в целом (источник опасности)»³. Важное значение имеет исследование взаимосвязей анти-

¹ См.: Дамм И.А. Предпосылки формирования теории антикоррупционной безопасности Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 11. С. 1698.

² См.: Акунченко Е.А., Дамм И.А., Щедрин Н.В. Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы // Национальная безопасность // *Nota Bene*. 2018. № 1. С. 49–71; Клейменов М.П. Два аспекта обеспечения антикоррупционной безопасности избирательного процесса // Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы. Красноярск : СФУ, 2018. С. 33–38; Климова Ю.Н. Криминологическая безопасность избирателей и кандидатов в период избирательной кампании // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4. С. 79–84 и др.

³ Дамм И.А. Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 6. С. 739.

коррупционной криминологической безопасности с такими категориями, как «объект антикоррупционной криминологической охраны; угроза антикоррупционной криминологической безопасности; источник коррупционной опасности, а также система обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности»¹. Указанные теоретические положения могут быть использованы в качестве основы для изучения особенностей антикоррупционной криминологической безопасности избирательного процесса.

В частности, первоочередному осмыслению должны быть подвергнуты:

- понятие, типы и виды антикоррупционной криминологической безопасности избирательного процесса в различных аспектах ее понимания;
- объекты антикоррупционной криминологической охраны в избирательном процессе;
- угрозы антикоррупционной криминологической безопасности избирательного процесса;
- источники коррупционной опасности в избирательном процессе;
- система обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности избирательного процесса.

Кроме того, в рамках указанной проблематики заслуживает отдельного внимания изучение криминальной виктимизации участников избирательного процесса в результате совершения коррупционных деяний, а также разработка системы мер антикоррупционной криминологической профилактики в избирательном процессе.

Использование описанного выше подхода позволит по-новому взглянуть на проблемы противодействия коррупции в избирательном процессе, а также мобилизовать ресурсы антикоррупционной деятельности на единой методологической основе.

¹ Дамм И.А. Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 6. С. 740.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ «ЦЕНЫ» ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Наркомания и преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ относятся к числу трудноразрешимых проблем для общества и государства. Первым шагом на пути изучения этого негативного социально-правового явления является анализ «цены» преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

«Цена» преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ определена различными факторами, среди которых затраты государства на противодействие наркообороту и судопроизводство по уголовным делам, потери, связанные с компенсацией страданий и ущерба потерпевшим, стоимость лечения от наркомании и реабилитации наркозависимых, содержание силовых ведомств и т.п.

Итоговую стоимость подчитать невозможно, поскольку сложно представить фактические масштабы наркомании. Комплексные методики таких расчетов отсутствуют. Характеристики вреда, причиняемого наркоманией и преступностью в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, определены тем, что наркозависимые не способны решать общественно значимые задачи, они склонны к девиантному поведению; наркокланы обращают капитал, приобретенный в результате незаконной деятельности, в легальные и нелегальные сферы общественной жизни; государство тратит свои ресурсы на лечение наркомании и других заболеваний, тесно связанных с ней, разработку дорогостоящих медицинских препаратов и проведение исследований; гражданское общество восстанавливает деформированную психологическую атмосферу; уголовно-исполнительная система содержит и исправляет осужденных и др.¹

¹ См.: Прокументов Л.М. Криминологическая характеристика и предупреждение наркопреступности. Томск, 2009. С. 157.

Среди негативных последствий наркотизма особая важность отводится жизни и здоровью людей. Наркомания наносит необратимый вред генофонду, обрекая на гибель нацию, порождает проблему диспропорции полов, поскольку высока преждевременная смертность в молодом возрасте. Кроме того, государство вынуждено расходовать огромные средства на лечение рожденных от наркозависимых физически и психически больных детей. Отсюда вытекают и другие проблемы, среди которых необходимость строительства специализированных медицинских учреждений и школ, детских домов для брошенных детей. Можно отметить связь с такими «фоновыми явлениями», как алкоголизм, проституция, беспризорность несовершеннолетних.

Другой не менее важной проблемой видится трансформация преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в наиболее опасные формы, а также корреляция с такими явлениями, как экстремизм, терроризм, национализм. Стремление представителей наркобизнеса подкупить правоохранителей и судей вполне понятно, полномочия последних позволяют осуществлять прикрытие деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и влиять на принятие выгодных решений в интересах наркобизнеса.

Ущерб от преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ складывается из потерь однократного или долгосрочного характера. На наш взгляд, назрела настоятельная необходимость в выработке единого подхода по методике расчета «цены» преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

И.И. Корнаков

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В зарубежных трудах по криминологии истории нередко уделяется крайне мало внимания, фактически отсутствуют сведения о философских предпосылках возникновения криминологии¹, в некоторых изданиях даётся явная негативная коннотация указанного исторического

¹ Maguire M., Morgan R., Reiner R. The oxford handbook of criminology. Oxford, 2012. P. 305.

периода (господство жестоких наказаний, инквизиции, идеи об одержимости демонами людей с девиантным поведением)¹.

В отечественной криминологии есть работы, в которых не отражены идеи средневековых теологов, в некоторых упоминается господство в Средние века идеи о свободе воли², также можно выделить примеры детального анализа средневековых идей³.

Анализ средневековых работ позволяет назвать две последние позиции наиболее объективными. Религиозная основа философии того времени требовала обоснования концепции божественного воздания за грехи (данная категория охватывала и преступления), потому господствующей была позиция о свободной воле человека, из-за которой он несёт наказания за свои деяния, за свой собственный выбор, что, например, обосновал Августин Аврелий (354–430), утверждавший, что человек грешит по своей воле, свобода которой дана ему Богом, демоны лишь воздействуют на человека, не управляя им⁴. Иное толкование делало бы божественное наказание несправедливым⁵. Августин описывал и социально-психологические детерминанты грехов (преступлений), такие как эффект подражания и негативное влияние нецензурируемой культуры, приводя в пример преступников древности, которые оправдывали свои преступления подражанием языческим богам из мифов и театральных представлений, не подвергаемых каре за свои злодеяния⁶. Кроме того, он указывал, что именно среда делает близнецов равными в нравах, отвергая идею, что положение звёзд при рождении делает людей убийцами⁷.

Сходных взглядов о воле лица как детерминанте, характерных для «классической» школы криминологии, придерживались и другие теологи (Ансельм Кентерберийский (1033–1109), Абеляр (1079–1142),

¹ Siegel L.J. Criminology: The Core. Belmont, 2010. P. 9.

² Клеймёнов М.П. Криминология : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 22–24.

³ Иншаков С.М. Зарубежная криминология : учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 16–19.

⁴ Августин Аврелий. Избранные сочинения Блаженного Августина. М., 1786. С. 457.

⁵ Аврелий Августин. О свободе воли // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. [Б. м.], 2024. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/AWRELIJ/swoboda.txt> (дата обращения: 08.01.2024).

⁶ Августин Аврелий. Избранные сочинения... С. 122–123.

⁷ Там же. С. 430–431.

Бернард Клервоский (1091–1153), Роджер Бэкон (1214–1292), Фома Аквинский (1225–1274), Марсилиус Падуанский (1275–1342), Франческо Петрарка (1304–1374) и т.д., а также инквизиторы Генрих Крамер (1430–1505) и Якоб Шпренгер (1435–1495), согласно позиции которых грех человека зависит от его воли¹).

Непопулярной в Средние века была позиция о биологических детерминантах греховного (преступного) поведения, имевшая корни в античных трудах и противоречащая религиозным канонам. Можно отметить лишь работу по френологии Альберта Великого (1205–1285) «Наука распознавать людей», в которой отмечалось, что если глаза у человека вдавлены глубоко внутрь, то это человек злонамеренный, гневный, преступного, дурного нрава и т.д.²

Стоит также упомянуть значительное число произведений юристов, которые не получили должной оценки ни в зарубежных, ни в отечественных работах, например, труды Альберто Гандино (1250–1310), в которых он указывал, что основная задача суда не наказание, а пресечение преступлений, что термины «грех», «правонарушение» и «преступление» отличны друг от друга, что некоторые правонарушения совершаются из-за незнания позитивистских законов, а также что грабежи могут совершаться из бедности и т.д.³ Юрист Бонифацио Виталини (1320–1388) отмечал, что преступный сговор с судом может возникнуть по трём причинам (преступным, гражданским и духовным)⁴.

Работы вышеприведенных авторов по большей части посвящены уголовному праву и уголовному процессу, свободная воля как основа концепции вины в них практически не раскрывается и выявляется лишь по общему нарративу. Влияние религии в них практически не прослеживается, в большей степени это профессиональная, специализированная юридическая литература.

Иной характер работ у Альбертана из Брешии (1195–1251), судьи и публициста, отмечавшего опасность дружбы со злыми, преступными,

¹ Крамер Г., Шпренгер Я. Молот ведьм. М., 1932. С. 117.

² Альберт Великий. Наука распознавать людей. Избранная из древних рукописей. М., 1811. С. 8.

³ Angeli Aretini. De maleficiis tractatus. Venetiis, 1598. P. 4, 5, 107.

⁴ Op. cit. P. 463.

дурными людьми, потому что есть риск самому стать вором, грешником и т.д.¹ Его трактаты носят ярко выраженный религиозный и социальный характер.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о значительной ответственности в рамках «классической» школы криминологии идей о волевом элементе как изначально присущих уголовно-правовой науке, сформировавшейся в Средние века. Аналогичные воззрения были характерны и для религиозных трактатов, в которых воздействие потусторонних сил признавалось косвенным, первичной же признавалась воля, на которую воздействует социальная среда. Идеи биологического толка в Средние века фактически не получали своего развития на фоне неразвитости медицинских наук и господствующих религиозных представлениях того времени.

Ф.А. Мосс

УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА ПРИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ИХ ОТ ВОВЛЕЧЕНИЯ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Особенностью состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, является потерпевший от преступления – в законе он именуется несовершеннолетним. Вместе с тем возрастные границы несовершеннолетнего, потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, и несовершеннолетнего, которые приняты в уголовном законе, разные. В целях уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от преступных посягательств используется понятие «ребенок», принятое в ФЗ от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ»², как лицо, не достигшее возраста 18 лет.

¹ Albertano of Brescia. De amore et dilectione dei et proximi et aliarum rerum et de forma vitae. Liber II // Ad Fontes Academy. [Б. м.], 2024. URL: <https://ancienttexts.org/library/latinlibrary/albertanus2.html> (дата обращения: 11.01.2024).

² См.: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» // СПС «Консультант Плюс».

Поскольку личность несовершеннолетнего не является предметом изучения криминологической или уголовно-правовой наук, а интересуется ее в связи с противоправным поведением и такой крайней, наиболее общественной опасной формой такого поведения, как совершение преступления в отношении него, возникает необходимость рассмотрения особенностей развития несовершеннолетнего, выработанные возрастной психологией, социологией и педагогикой. Такое изучение позволяет использовать отдельные закономерности взаимодействия, выявленные представителями других наук в процессе изучения взаимодействия несовершеннолетних между собой и со взрослыми в науке уголовного права и в криминологии.

Необходимо отметить, что возрастные особенности несовершеннолетних лиц рассматриваются не как отдельно взятые, а в совокупности. К примеру, потребность в самоутверждении, конформность несовершеннолетних, большая по сравнению со взрослыми лицами внушаемость, отсутствие социального опыта и др., способствующие совершению преступления в отношении них. Такое изучение позволяет понять, почему несовершеннолетние лица становятся объектами преступных посягательств и как следствие нуждаются в особой государственно-правовой охране. Несовершеннолетний возраст – важный отрезок в жизни человека, система, внутри которой связь между элементами системы и противоправным поведением в отношении них может носить в том числе опосредованный характер. Знание особенностей формирования личности в несовершеннолетнем возрасте позволяет привести нормы, направленные на охрану прав несовершеннолетних, в том числе норму о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления, в соответствие с целями уголовного закона. Позволяет определить, какие особенности несовершеннолетнего возраста проявляются в этом виде противоправной деятельности и каким образом их необходимо охранять. Выявленные особенности должны учитываться при конструировании обязательных признаков состава преступления, а также квалифицированных признаков.

Наиболее противоречивым периодом онтогенеза психического развития является подростковый возраст. Ведущей деятельностью подросткового возраста является установление интимно-личного общения со сверстниками, т.е. лицами одного возраста и старшими или младшими на 1–2 года. В силу действия этой возрастной особенности, во-

первых, устанавливается ненаказуемость вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений другими несовершеннолетними лицами, во-вторых, объясняется криминологическая картина преступности данного вида. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления взрослыми лицами представляет собой единичные случаи, демонстрируемые нам результатами правоприменительной практики. Этот же вывод подтверждается практическими исследованиями преступности несовершеннолетних, где 2/3 несовершеннолетних были вовлечены в преступную деятельность другими несовершеннолетними лицами.

Такие особенности течения подросткового возраста, как наличие ведущей деятельности, ориентир на ближние последствия, появление чувства «взрослости», критичность становления процесса идентичности (Л.М. Прокументов) и др., обуславливают специфику асоциального поведения и препятствуют успешной социализации подростков¹. Недостаточность и/или нарушение процесса социализации в подростковом возрасте является, по мнению ряда психологов и социологов, причиной отклоняющегося поведения подростков. В целях охраны процесса социализации несовершеннолетних законодатель установил уголовную ответственность за негативное влияние взрослых лиц, направленное на приобщение несовершеннолетнего к совершению преступления. Исходя из того, что успешность социализации в подростковом возрасте является определяющей в процессе развития личности в качестве члена общества, нарушение процесса социализации рассматривается нами в качестве объекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

¹ См.: Прокументов Л.М. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. 175 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000523643>.

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В настоящее время деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП, комиссии) строится на основе Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120 и Постановления Правительства от 6 ноября 2013 г. № 995 г. Отсутствие специального унифицированного законодательного акта является ощутимым пробелом в законодательстве. Многие авторы указывают на необходимость его принятия, предпринимаются попытки по внесению на рассмотрение в законодательные органы проектов федерального закона.

Исходя из того, что Конституцией РФ (ст. 72) защита детства отнесена к совместному ведению Федерации и субъектов, законодательством субъектов может быть расширен круг полномочий комиссий. В связи с этим, помимо федерального законодательства, деятельность комиссий регулируется региональными нормативно-правовыми актами: уставами субъектов РФ, законами субъектов, иными нормативно-правовыми актами, а также ведомственными актами.

От того, насколько качественно и достаточно будут определены деятельность и правовой статус комиссий, настолько слаженно будет осуществляться механизм профилактической деятельности преступности несовершеннолетних, защита прав и свобод несовершеннолетних. Поэтому актуальным становится вопрос критериев эффективности их участия в профилактике преступности.

В некоторых регионах России предприняты попытки оптимизации деятельности комиссий путем принятия нормативно-правовых актов об определении критериев эффективности деятельности комиссии. К ним относятся г. Санкт-Петербург, Красноярский край, Ярославская область, Республика Тыва, Ростовская область, Саратовская область. В Томской области, в Кемеровской области, а также в Новосибирской области нет нормативно-правового акта, позволяющего оценить эффективность работы КДНиЗП, проводится лишь субъективная оценка проделанной работы исходя из опубликованных отчетов.

В Ярославской области и в Республике Тыва эффективность оценивается через выделение основных направлений деятельности КДНиЗП. Так, например, каждому направлению соответствуют данные результатов мониторинга состояния отклоняющегося поведения несовершеннолетних на определенной территории, данные о количестве деятельности комиссий по взаимодействию с субъектами профилактики преступности несовершеннолетних и с образовательными учреждениями, данные о количестве направленных предложений и представлений в органы и организации, в том числе переданной информации в специализированные органы, о количестве оказанной помощи несовершеннолетним, отбывшим наказание и вернувшимся из исправительных учреждений, специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа и др.¹ В отчете каждому количественному показателю эффективности соответствуют баллы в процентах, и в зависимости от диапазона устанавливается три уровня эффективности: высокий уровень эффективности, средний и низкий.

В Ростовской области в качестве показателей эффективности используется соотношение исполненных постановлений от всех принятых комиссией за отчетный период, а также соотношение отмененных в судебном порядке от общего количества всех принятых комиссией, соотношение исков возвращенных на исправление ошибок от исков, поданных для защиты и восстановления прав несовершеннолетних, и др.² Эффективность деятельности комиссий считается достигнутой при процентном соотношении более 75.

В г. Санкт-Петербурге приводятся не только перечень критериев эффективности деятельности, но и методика расчета показателей, а также глоссарий используемых понятий.

Для объективной оценки эффективности деятельности комиссий необходимо принятие на федеральном уровне универсальных критериев, используя опыт субъектов, внедривших в свою систему законодательства методы и методики подсчета эффективности деятельности комиссий. Указанные критерии должны не просто отображать пере-

¹ Ярославский муниципальный район : сайт. URL: https://yamo.adm.yar.ru/doc/2021/02/отчет_К_2020.doc (дата обращения: 01.03.2024).

² Официальный портал Правительства Ростовской области : сайт. URL: <https://www.donland.ru/documents/15763/> (дата обращения: 01.03.2024).

чень мероприятий, проведенных комиссиями на определенной территории, но и их результативность по основным направлениям деятельности, понятийный аппарат, методы и методику подсчета результатов.

А.Ф. Федоров

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОФИЛАКТИКА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Состояние правопорядка в сфере безопасности дорожного движения продолжает оставаться одной из злободневных проблем на протяжении весьма длительного периода последних лет.

Серьезными нарушениями закона являются факты употребления алкогольных напитков лицами, управляющими транспортными средствами.

По данным ГИБДД, по вине водителей в состоянии либо с признаками опьянения совершается около одной десятой части всех ДТП, влекущих гибель одной пятой части от числа всех погибших в результате дорожных аварий¹. Нетрудно заметить, что такое соотношение убедительно свидетельствует о явной степени повышенной опасности управления транспортными средствами лицами в состоянии опьянения в силу тяжести последствий ДТП с их участием.

Еще более сложной продолжает оставаться обстановка на дорогах Алтайского края. Несмотря на некоторое общее снижение количества ДТП (около 2%) по итогам 2023 г., количество погибших в них граждан продолжает оставаться значительным (219 человек).

По вине водителей в состоянии опьянения было совершено 222 ДТП, в которых погибло 54 человека, что составляет около одной четверти от всех погибших.

Если дополнительно учитывать факты, когда водители отказываются от прохождения медицинского освидетельствования, и вести речь

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2023 года. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. С. 19.

о ДТП с участием водителей транспортных средств в состоянии либо с признаками опьянения, то показатели в крае еще хуже, так как в таких ДТП погибло 62 человека, что составило 28,3% от всех случаев гибели граждан в результате ДТП. Это гораздо выше аналогичного показателя по стране.

В качестве мер, направленных на снижение подобных случаев, органами власти всех уровней и сотрудниками подразделений ГИБДД должен проводиться обширный комплекс действий, включающий в себя, в качестве приоритетных для реализации меры по корректировке законодательства в сторону усиления ответственности за управление транспортными средствами в состоянии опьянения и по неукоснительному исполнению правовых предписаний.

Соответственно, на региональном уровне необходимо проводить постоянную целенаправленную работу по выявлению водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения, которые, соответственно, могут быть потенциальными субъектами ДТП с самыми опасными последствиями для граждан и других участников дорожного движения. Продолжением этого должны быть меры по устранению фактов неправомерного возбуждения сотрудниками ГИБДД дел об административных правонарушениях в отношении лиц, повторно задержанных за управление транспортными средствами в состоянии опьянения, в действиях которых усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

О.В. Филиппова

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПНОГО РЕЦИДИВА

В криминологии в качестве причины конкретного преступления рассматривается *криминогенная мотивация; под условием, способствующим совершению преступления, понимается криминогенная ситуация*¹. *Криминологический рецидив представляет собой совершение*

¹ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 182.

преступления лицом, которое ранее совершало преступление и привлекалось к уголовной ответственности¹.

В целях выявления индивидуальных причин и условий преступного рецидива была изучена криминогенная мотивация и ситуация наиболее распространенных рецидивных преступлений – краж (ст. 158 УК РФ), незаконных приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК), а также управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК).

Совершение рецидивистами краж обусловлено корыстной мотивацией, в основе которой лежат материальные потребности. Рецидивисты, не имея постоянного источника доходов и тяги к труду, стремятся получить материальные блага путем совершения краж. В 38,5% изученных краж имела место объективно способствующая ситуация, при которой рецидивисты совершали преступление в естественно сложившейся обстановке. Криминально подготовленные ситуации самим рецидивистом сопровождали 23,1% краж. В значительном числе случаев (35,9%) корыстному преступному поведению рецидивистов способствовало виктимное поведение самих потерпевших – их алкогольное опьянение, беспечное отношение к хранению своего имущества, которые облегчили совершение краж.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков совершаются в основном потребителями наркотических средств, которые, в частности, собирают дикорастущую коноплю для личного потребления. В механизме таких преступлений ведущую роль играет порочная потребность – немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, реже – наркотическая зависимость. Вместе с тем органы предварительного расследования, как и суды, не уделяют должного внимания выявлению у лица наркотической зависимости, не назначают с этой целью экспертиз, поэтому лечение таких лиц от наркомании, их реабилитация и другие мероприятия не проводятся. Однако такая возможность имеется – согласно

¹ Филиппова О.В. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом понятии рецидива преступлений // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1. С. 63–67.

постановлению Пленума Верховного Суда от 15 июня 2006 г. № 14¹ заболевание наркоманией может быть установлено на основании заключения эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы.

Условиями, способствующими совершению незаконных действий с наркотиками, выступают доступность приобретения наркотических средств, обусловленная наличием сырьевой базы – произрастанием на территории регионов Дальнего Востока дикорастущей конопли (Амурская область, Приморский край, Еврейская автономная область, Республика Бурятия и др.). Незаконному обороту наркотиков способствуют также современные возможности информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающие бесконтактное приобретение наркотиков, а также свободная продажа кодеинсодержащих препаратов.

Для детерминации повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения характерны особенные установки личности, проявляющиеся в наличии таких криминогенных черт, как безответственное отношение к правилам безопасности, лихачество, бравада, бесшабашность, стремление к подражанию, личная недисциплинированность². Человек, находясь в состоянии алкогольного опьянения, не замечает опасности, склонен завышать свои способности к управлению транспортным средством, чувствовать себя умнее, рискованнее, удачливее.

В механизме совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК, решающую роль играет конкретная жизненная ситуация, под воздействием которой водитель, лишенный права управления транспортным средством, нарушает запрет. Она характеризуется обстоятельствами наличия транспортного средства и отсутствия препятствий к его управлению (постоянного контроля со стороны контролирующих органов, обеспечить который объективно невозможно).

Как известно, Федеральным законом от 07.07.2022 г. ст. 104.1 УК была дополнена пунктом «д» – конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

² Жмуров Д.В. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ // Baikal Research Journal. 2017. № 3.

преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ. Теперь суд может назначить конфискацию транспортного средства по уголовным делам о повторном управлении транспортным средством в состоянии опьянения. Такие изменения представляются закономерными и обоснованными, поскольку предотвращают нарушения запрета суда управлять транспортным средством.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.А. Азанова

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЦО, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Изучение обстоятельств, характеризующих лицо, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство (далее – субъект), в процессе расследования уголовных дел органами предварительного расследования, а также судом на стадиях судебного производства занимает особое место. На практике нередко возникают случаи, когда субъект отказывается назвать свои данные либо предоставляет ложную информацию о себе, тем самым вводит компетентные органы в заблуждение и затрудняет производство по делу.

Определенный подход к тому, что необходимо установить и исследовать в личности субъекта по каждому конкретному уголовному делу, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) отсутствует. Зачастую органы предварительного расследования устанавливают только типичные обстоятельства, характеризующие личность, к которым относят: установление персональных данных обвиняемого (фамилия, имя, отчество, пол, возраст, его семейное положение, род деятельности, место проживания и иная информация, прямо или косвенно относящаяся к определенному или определяемому физическому лицу), состояние на учете у врача-нарколога, врача-психиатра, наличие либо отсутствие у лица судимостей, отношение к воинской обязанности и другие обстоятельства общей направленности.

Вместе с тем в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» указано, что во вводной части приговора необходимо отражать не только сведения, указанные в п. 4 ст. 304 УПК РФ, но и сведения, которые наряду с другими данными могут быть учтены судом при назначении подсудимому вида и размера наказания, вида исправительного учреждения, признании рецидива преступлений, других вопросов, связанных с исполнением приговора (об имеющейся у подсудимого инвалидности, о наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий)¹. Исходя из этого, необходимо скорректировать уголовно-процессуальное законодательство и указать наиболее полный перечень обстоятельств, характеризующих субъекта.

В п. 1 ч. 1 ст. 308 УПК РФ законодатель обозначил, что в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны фамилия, имя, отчество подсудимого. Вместе с тем в рамках подлежащих доказыванию обстоятельств, изложенных в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы) и п. 3 (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого), такой субъект не указан.

Разработке проблем, связанных с исследованием обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, в зависимости от порядка судебного производства (общий порядок, особый порядок при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением или при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, производство с участием присяжных заседателей), в юридической литературе, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания². Вместе с тем неполное установление соответствующих обстоятельств может повлечь существенное нарушение прав и законных интересов участников судопроизводства.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве существует ряд проблем, связанных с доказыванием обстоятельств, ха-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

² Гавриленко А.А. Проблемы изучения личности подсудимого в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 104–107; Кисленко С.Л. Исследование данных, характеризующих личность подсудимого: проблемные аспекты теории и правоприменительной практики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 77–93.

рактизирующих субъекта, на различных стадиях досудебного и судебного производства; имеются недостатки в методике изучения личности субъекта, их получении и фиксации. От полноты и качества изучения компетентным органом данных обстоятельств во многом зависит успешное выполнение поставленных перед уголовным судопроизводством задач.

Е.В. Володина

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОБЪЕКТИВНУЮ СТОРОНУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На протяжении всего уголовного судопроизводства важное место отводится объективной стороне преступления – элементу, включающему в себя признаки, характеризующие внешнее проявление преступления в реальной действительности, доступное для изучения. В уголовно-правовой доктрине общепризнанным является отнесение к признакам этого элемента состава преступления: деяния (действия или бездействия); общественно опасных последствий; причинной связи между ними; способа, места, времени, обстановки, средств и орудий совершения преступления¹.

Объективная сторона – это важнейшая законодательная характеристика преступления, и в отличие от иных элементов состава преступления наиболее полно представлена в диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. В основном все решения уголовно-правового характера основаны на установлении объективной стороны и ее признаков в рамках того или иного состава преступления. Признаки объективной стороны лежат в основе установле-

¹ См., например: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 2016. 245 с.; Гонтарь С.В. Проблемы квалификации преступлений по признакам объективной стороны // *Novum.ru*. 2018. № 15. С. 280–283; Попов А.Н., Зимирева Л.А., Федышина П.В. Объективная сторона состава преступления : учеб. пособие / под общ. ред. А.Н. Попова. СПб., 2015. 64 с.

ния уголовной ответственности. Отсутствие в конкретном случае обязательных её признаков означает отсутствие состава преступления в целом, а их установление выступает начальным этапом квалификации преступления и требует учета при отграничении смежных составов преступлений. Так, способ хищения чужого имущества (тайно, открыто, с применением насилия, опасного или не опасного для жизни или здоровья, или без применения насилия) влияет на юридическую оценку содеянного как кражи, грабежа или разбоя, поскольку данные преступления отличаются законодательно определенным способом совершения преступления. По признакам объективной стороны определяется момент окончания преступления, что имеет важнейшее уголовно-правовое значение. Например, кража признается оконченной, когда похищенным имуществом виновный может распорядиться по своему усмотрению, а разбой – в силу законодательной – признается оконченным уже в момент покушения на хищение.

При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию, в частности, событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения) и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Любое преступление всегда совершается в определенное время, в конкретном месте, каким-либо способом, а зачастую в определенной обстановке, с использованием орудий или средств. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации требует также установить «другие обстоятельства» совершения преступления, не называя их, подразумевая, что они имеют значение, т.е. способствуют полному и всестороннему установлению фактических обстоятельств дела. Например, от правильного установления места совершения преступления зависит определение компетентного органа, ведущего производство (подследственность, подсудность), а от правильной фиксации времени – возможность применения административной преюдиции, необходимость принятия решения о прекращении уголовного преследования в связи с истечением сроков давности и т.п.

Большое значение в уголовном судопроизводстве имеет проверка алиби (от латинского «*alibi*» – «где-нибудь в другом месте»). Работа следователя по его проверке как некая тактическая операция должна быть оправданной, целесообразной, подчиненной общим задачам расследования преступления¹. Её особенности состоят в неотложности

¹ Криминалистика XXI века : стратегия и тактика развития: коллективная монография / отв. ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2016. 208 с.

планирования и проведения следственных действий, доказывающих или опровергающих наличие алиби.

Таким образом, доказывание обстоятельств, характеризующих объективную сторону преступления, имеет не только большое значение для принятия итоговых процессуальных решений, но и для реализации различных уголовно-процессуальных институтов на протяжении всего производства по уголовному делу.

О.В. Воронин

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ, В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Решение этого вопроса во многом зависит от возможности реализации государственного контроля за исполнением и соблюдением федерального отраслевого законодательства и возможности административной практики в рассматриваемых условиях. На первый взгляд, такая возможность с точки зрения действующего законодательства не исключается: законы, регулирующие деятельность пенитенциарных учреждений и органов, предусматривают осуществление государственного контроля в местах лишения свободы (например, гл. VII Закона РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ» (далее – Закон об УИС), ст. 19–24 УИК РФ и др.). Однако при более детальном анализе возникают некоторые вопросы.

Статья 19 УИК РФ, возлагая обязанность контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, на федеральные органы государственной власти, устанавливает, что порядок его осуществления регулируется законодательством Российской Федерации. Помимо УИК РФ, основными законами в этой сфере служат ФЗ РФ № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Закон о содержании под стражей) и Закон об УИС. Таким образом, общие положения реализации государственного отраслевого контроля в местах лишения свободы

должны устанавливаться этими актами. Однако ни один из этих законов не упоминает о возможности контроля деятельности пенитенциарных органов и учреждений со стороны федеральных отраслевых контрольно-надзорных органов и должностных лиц. В этой связи вопрос об административной практике с их стороны также остается открытым. Вместе с тем в реальной жизни встречаются случаи привлечения пенитенциарных учреждений и органов к административной ответственности (к примеру, по инициативе и решению налоговых инспекций за несоблюдение финансового законодательства). Таким образом, места пенитенциарной изоляции в плане реализации контроля и надзора за соблюдением федерального отраслевого законодательства, а также административной практики в случае его нарушения не являются исключением.

Современное развитие экономики приводит к увеличению количества правоотношений, участниками которых выступают пенитенциарные органы и учреждения. При таких обстоятельствах актуальность государственного контроля и административной практики со стороны федеральных отраслевых органов контроля и надзора обостряется. Вместе с тем изоляционный характер УИС создает препятствия для осуществления данной функции со стороны компетентных органов и должностных лиц. В таких условиях не исключается отсутствие адекватного правового реагирования на нарушения законодательства. Вместе с тем «открыть» УИС для органов федерального отраслевого контроля и надзора не всегда представляется возможным как минимум в силу их значительного количества, а в отдельных случаях, с учетом специфики их деятельности, и не имеет смысла вовсе¹.

В таких условиях решение проблемы видится в повышении эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в деятельности УИС и расширении практики административного прокурорского преследования учреждений и органов УИС в случае нарушения им административного законодательства и совершения административных правонарушений в соответствующих сферах. Такое решение проблемы представляется оптимальным исходя из следующих соображений.

¹ К примеру, деятельность изоляторов временного содержания по своему содержанию не такая комплексная, по сравнению, например, с исправительными колониями, и в этой связи едва ли нуждается в повышенном внимании со стороны органов федерального отраслевого контроля.

Согласно действующему законодательству, на прокурора, с одной стороны, возложена обязанность осуществления надзора за исполнением законов федеральными и территориальными учреждениями и органами УИС, с другой – прокурор также вправе осуществлять административное преследование любых лиц, чья деятельность входит в предмет его надзора (в том числе учреждений и органов УИС). Таким образом, в рамках реализации возложенных на прокуратуру обязанностей по текущему надзору за законностью деятельности УИС, прокурор при наличии на то оснований вправе отреагировать на выявленное в ходе его осуществления нарушение федерального отраслевого закона, в том числе путем возбуждения административного производства. Однако это значит, что осуществление отраслевого государственного контроля фактически поглощается реализацией прокурорского надзора. Другими словами, прокурор в ходе своей деятельности будет подменять иные государственные органы, что формально не соответствует требованиям ч. 2 ст. 21 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закона о прокуратуре).

Вместе с тем такая модель прокурорской деятельности не противоречит Закону о прокуратуре. Прежде всего, при осуществлении надзора за исполнением законов в местах лишения свободы прокурор традиционно надзирал не только за законностью исполнения наказания, но также за соблюдением трудового и прочего законодательства со стороны администраций соответствующих органов и учреждений без участия профильных органов государственного контроля и надзора. И в этой связи он, во-первых, в достаточной степени обладал и обладает соответствующим необходимым опытом (иначе говоря, практика «подмены» государственных органов в подобных условиях известна прокурорскому надзору¹); а во-вторых, она вполне оправдана, поскольку свободный доступ иных органов контроля и надзора в места принудительной изоляции существенно затруднен или вовсе невозможен. В таких условиях прокурорский надзор фактически становится

¹ Кроме того, положения ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре в большей степени относятся к реализации прокурорских полномочий в сфере общего надзора, применяемых к рассматриваемой сфере лишь в части их соответствия специфике этого надзора. Напомним, что отраслевое деление прокурорского надзора – это не норма, а лишь метод повышения его эффективности. И в этой связи отступление от отдельных общих положений вполне допустимо в таких специальных отраслях, как прокурорский надзор за законностью принудительной изоляции.

единственным средством обеспечения законности при осуществлении государственного контроля, в том числе при реагировании на нарушения соответствующего федерального законодательства посредством возбуждения административных производств.

Далее, большее включение пенитенциарных учреждений и органов в рыночные отношения хоть и влечет за собой расширение круга видов поднадзорной деятельности указанных субъектов, вместе с тем не приводит к чрезмерной «перегрузке» предмета прокурорского надзора. Поэтому прокурору вполне «под силу» оценить исполнение и соблюдение законов, регулирующих соответствующие виды деятельности этих органов и учреждений, напрямую не связанных с принудительной изоляцией¹. При этом с подобными «дополнительными» обязанностями могут справиться как специализированные (военные и «пенитенциарные»), так и территориальные прокуроры, осуществляющие надзор за законностью в местах лишения свободы.

Несмотря на то, что примеров привлечения пенитенциарных органов и учреждений как юридических лиц со стороны федеральных контрольно-надзорных органов не так много, проблема осуществления государственного контроля и реализации административной практики по его результатам не теряет своей актуальности. В этой связи в целях повышения их эффективности оптимальным представляется следующий подход: в случае, когда административный орган в состоянии самостоятельно осуществить контрольно-проверочные мероприятия деятельности пенитенциарного учреждения или органа и принять соответствующие решения по результатам таких проверок, они должны действовать самостоятельно без привлечения прокуратуры, но с обязательным её уведомлением. При невозможности – информировать прокуратуру с целью вовлечения её в проверочную деятельность. В последнем случае прокурор должен самостоятельно или совместно с компетентным органом осуществить проверочные мероприятия и принять необходимые решения, в том числе о возбуждении административного производства.

¹ Предметом надзора в этом случае становятся: внебюджетная коммерческая деятельность; организация производства и охрана труда; оказание образовательных услуг; медицинская деятельность; соблюдение условий, ограничений и запретов, связанных с перечисленными видами деятельности, и пр.

Предлагаемый подход, с одной стороны, повысит эффективность прокурорского надзора за исполнением (соблюдением) законов пенитенциарными учреждениями и органами, с другой – не приведет к существенному изменению правового регулирования государственного контроля в сфере лишения свободы¹. В этой связи для повышения роли прокурорского надзора необходимо уточнить редакцию ч. 6 ст. 38 Закона об УИС и привести ее в соответствие с положениями ст. 32 Закона о прокуратуре, ст. 51 Закона о содержании под стражей и ст. 22 УИК РФ, а именно – включить в неё положения о том, что Генеральный прокурор РФ, а также уполномоченные им прокуроры осуществляют надзор за исполнением не только наказания, но и *исполнением законов учреждениями и органами, исполняющими наказания*, на соответствующей территории.

Г.Г. Гаврилин

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НИВЕЛИРОВАНИЕ ИЛИ ЛИКВИДАЦИЯ?

С момента принятия в 2001 г. УПК РФ и по настоящее время учеными-процессуалистами неоднократно поднимались вопросы, связанные с необходимостью разработки норм обеспечения реальной, а не декларативной состязательности сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. В период подготовки новой редакции УПК РФ и позднее в юридическом сообществе шли серьезные дискуссии. Так, высказывались предложения по внесению соответствующих поправок в уголовно-процессуальное законодательство по реальному закреплению прав и возможностей защитника по сбору и легализации доказательств в защиту лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства; некоторые правоведы предлагали ввести институт судебного контроля соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых в период расследования уголовного дела. Такие поправки могли бы привести к увеличению материалов уголовных дел за счет доказательств за-

¹ Воронин О.В. Пенитенциарный надзор. М. : Юрлитинформ, 2022. 200 с.

щиты, но они не были приняты. Законодатель ограничился лишь установлением судебного контроля в объеме, изложенном в ст. 125 и позднее в ст. 125.1 УПК РФ.

Сегодня в пору говорить если не о ликвидации принципа состязательности, то о его нивелировании как на этапе досудебного производства уголовного дела, так и в ходе судебного следствия. Но еще в 1994 г. И.Л. Петрухин отмечал «...не будет подлинно состязательного судебного процесса, если не предоставить адвокату права самостоятельно собирать и представлять суду доказательства»¹.

С распадом СССР вектор устремлений ответственных юристов был направлен на унификацию процессуального законодательства, а разрабатываемые нормы – на повышение прав защитника в уголовном процессе. В частности, это привело к принятию в Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ, который носил рекомендательный характер.

Внедрены ли рекомендации этого кодекса в российский УПК? Если сопоставить положения ст. 15, 16, 86 УПК РФ, оказывается, что российский законодатель, который принял за период с 2001 г. около трехсот поправок в УПК РФ, принципиально ситуацию не изменил и предпочел по-прежнему нивелировать статус защитника и оставить фактически его прежнее процессуальное положение как стороны уголовного процесса. Защитник по-прежнему не наделен надлежащими полномочиями в уголовном процессе, например, ст. 28 Модельного уголовно-процессуального Кодекса (состязательность уголовного судопроизводства) насчитывает 8 положений, в числе которых названа обязанность суда, предусмотренная п. 6: «Суд по ходатайству стороны оказывает ей содействие в получении необходимых материалов в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом». В российском же УПК вместо прямого указания на обязанность суда оказывать содействие законодатель предпочел оставить в п. 3 ст. 15 размытую формулировку о создании условий для исполнения процессуальных обязанностей и осуществления прав, предоставленных защитникам. На деле это означает, что при практическом отсутствии необходимой процессуальной регламентации прав защитника создать ему необходимые условия для реальной

¹ Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие // К 100-летию М.С. Строговича. М. : Наука, 1994. С. 128–137.

состязательности в процессе невозможно: понятия прямой обязанности суда оказать содействие и рекомендации создать условия не тождественны.

Лингвистическая формулировка российского законодателя создала юридически противоречивую ситуацию: с одной стороны, в ст. 15 и 16 УПК РФ декларируется состязательность сторон с обеспечением возможности защищаться всеми способами, не запрещенными УПК РФ. Закрепляя в ст. 86 УПК РФ недостаточные права защитника по собиранию доказательств, законодатель формулирует норму права без какой-либо ее регламентации, что на практике исключает возможность осуществления прав защитника. С другой стороны, законодатель ввел положения подп. 3 п. 2 ст. 38 УПК РФ, согласно которым следователю предоставляется право самостоятельно определять ход следствия. На практике это приводит к повсеместным отказам следствия в удовлетворении ходатайств по сбору защитой тех или иных документов ввиду их «нецелесообразности». Возникают вопросы: какие реальные права гарантируются положением ст. 15 в условиях действия положения ст. 38 УПК РФ? В чем выражается состязательность сторон и как на практике реализовывать на стадии досудебного производства право защитника и обвиняемого на сбор доказательств по уголовному делу?

С сожалением констатируем, что такие права защитника не регламентированы; кроме того, как пишет В.В. Ясельская, «представляется нелогичным, когда ходатайства, направленные на получение оправдательных доказательств, защитник адресует процессуальному противнику»¹. По сути законодатель закрепил в действующем УПК РФ абсолютное право следователя принимать решение о необходимости сбора доказательств, о появлении которых аргументированно ходатайствует защита. Таким образом, судьба человека, привлекаемого к уголовной ответственности, практически всецело зависит от следователя, обладающего законодательной монополией на формирование объема и перечня доказательств по расследуемому уголовному делу.

Противоречие в законе вкупе с известной «тайной следствия» делает работу защитника в период расследования уголовного дела весьма

¹ Ясельская В.В. Проблема реализации принципа состязательности на стадии предварительного расследования // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2016. Ч. 70. С. 122–124.

затруднительной, практически исключая обнаружение, сбор и закрепление доказательств в защиту прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Очевидно, что необеспеченность равного права следствия и защиты на сбор дополнительных доказательств приведет если не к ликвидации, то по меньшей мере к нивелированию института защиты в уголовном процессе. Поэтому положение п. 4 ст. 15 УПК РФ представляется нам не более как декларативной юридической дефиницией и подтверждает общеизвестное мнение о том, что в рамках юриспруденции в точности терминологии и формулировок закона выражаются воля законодателя и эффективность их применения.

В условиях законодательной самостоятельности следствия формальное обращение с жалобой в порядке ст. 123 УПК РФ к прокурору проблемы также не решает, так как необходимость в дополнительном сборе документов для обвиняемого и его защитника обычно возникает после ознакомления со всеми материалами уголовного дела. Но в силу положений ст. 217 УПК РФ процессуальные сроки расследования уголовного дела не позволяют этого сделать, чем, как правило, объясняется отказ в рассмотрении жалобы прокурором: дело уже направлено в суд. Круг замыкается.

Полагаем, что отчасти названная проблема может быть решена в случае законодательного установления судебного контроля на этапе расследования уголовного дела. Следственный судья при этом не должен подменять функции судьи по уголовному делу, а может выносить решение, насколько заявленные в жалобе защиты обстоятельства имеют значение для рассматриваемого уголовного дела, и это решение он должен выносить до окончания расследования уголовного дела, сохраняя тайну следствия, и др. В то же время необходимо закрепить право следственного судьи отсрочить вынесение решения по жалобе до окончания расследования уголовного дела. Отсрочка принятия решения по жалобе не нарушит прав заявителей, так как её удовлетворение следственным судьей автоматически повлечет продление следствия для осуществления дополнительных следственных действий.

В этом случае норма ч. 21 ст. 159 УПК РФ становится реально действующей.

Пока же содержание ст. 15 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ не обеспечивают реальных прав защитника по сбору доказательств и включению их в материалы уголовного дела на стадии досудебного производства. Существующая досудебная система расследования уголовного дела не

содержит условий для полного процессуального контроля следствия, и на этапе судебного судопроизводства гособвинитель становится заинтересованным лицом в поддержании обвинения, предъявленного подсудимому, и в отклонении ходатайств защиты: гособвинитель является работником прокуратуры, утвердившей обвинительное заключение.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы. Очевидно несовершенство действующего УПК, допускающего

1) противоречие между отдельными процессуальными нормами закона;

2) недостаточно регламентирующего отдельные права защиты, направленные на поиск, сбор и процессуальное закрепление доказательств.

Поэтому необходимо вернуться к идее введения и регламентации судебного контроля расследования уголовных дел, в противном случае возможна ликвидация понятия состязательности как таковой.

Д.И. Гаверилов

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ПОД СТРАЖУ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В 2023 г. институт мер пресечения подвергся значительным дополнениям и изменениям в части оснований, обстоятельств учитываемых при избрании мер пресечения¹, оснований продления сроков содержания под стражей и особенностей проведения предварительного расследования. Индивидуальные предприниматели, осуществляющие предпринимательскую деятельность или управление принадлежащим им имуществом, члены органа управления коммерческой организацией, осуществляющие полномочия по управлению организацией или в

¹ Федеральный закон от 13.06.2023 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>; Федеральный закон от 13.06.2023 № 220-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) занимают особое положение в части процедур избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Примечательно, что для реализации данных положений (применения такой меры, которая позволит продолжить вести бизнес и управлять компанией), в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ законодателем предусмотрены «индивидуальные» обстоятельства, при наступлении которых мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана (!). Предположим, что следователь при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения ссылается на п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ и ходатайствует об избрании заключения под стражу обвиняемому, то суд имеет законное основание отказать, ссылаясь на ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Вносимые изменения загромождают уголовно-процессуальный закон нормами, влекущими противоречия в устоявшихся моделях применения и избрания мер пресечения. Следуя логике законодателя, гл. 7 необходимо дополнять новым участником уголовного судопроизводства – индивидуальный предприниматель. Прослеживается тенденция индивидуализации мер пресечения и заметная трансформация их в средства обеспечения правосудия.

В настоящее время на рассмотрении в Государственной думе Российской Федерации находится проект Федерального закона № 381316-8, содержащий ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями. Проектом предлагается допустить избрание этой меры пресечения по общему правилу, по уголовным делам о преступлениях средней тяжести насильственного характера, тяжким и особо тяжким преступлениям. В настоящее время лишь в исключительных случаях заключение под стражу избирается по уголовным делам о преступлениях средней и небольшой тяжести. Однако статистика выглядит неоднозначно, так, по данным ведомственной статистики, в следственных изоляторах ФСИН России (далее – СИЗО) по состоянию на 1 сентября 2023 г. содержалось 105 408 подозреваемых, обвиняемых, из них привлекаемых к уголовной ответственности к наказаниям небольшой тяжести насчитывается

б 938, средней тяжести – 11 566¹, не учитывая насильственный характер преступлений.

В настоящее время рассмотренные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства некоторыми учеными рассматриваются как «почти отчаянные» попытки сократить избрание и применение меры пресечения в виде заключения под стражу². На наш взгляд, подход законодателя, так сказать, не с той стороны, принимая ограниченные нормы, ставящими под сомнение сущность мер государственного принуждения в общем и мер пресечения в частности. На наш взгляд, необходимо продолжить совершенствование домашнего ареста, запрета определенных действий и залога в части их эффективности, что позволит в нужном «количестве» обеспечить применение мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества.

О.Х. Галимов

ОСНОВНЫЕ ЛИ ПОНЯТИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ЗАКОНЕ, ПРИВЕДЕНЫ В ст. 5 УПК РФ?

Правильное понимание тех или иных процессуальных терминов в целях преодоления их неоднозначного толкования является важной гарантией успешного с точки зрения достижения задач уголовного судопроизводства обеспечения прав и законных интересов его участников.

В ст. 5 УПК РФ приведены дефиниции основных понятий, используемых в данном законе, для их единообразного восприятия при применении правовых норм. При этом в отличие от УПК РСФСР, где разъяснялось 19 наименований, содержащихся в законе (ст. 34), в УПК РФ основные понятия включают 74 их определения.

¹ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь – сентябрь 2023 г. // Информационно-аналитический сборник. Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России.

² Стаценко П. Нам не нужна реформа закона – нам нужен новый суд / К вопросу о заключении предпринимателей под стражу и их уголовном преследовании. URL: https://zakon.ru/blog/2022/6/30/nam_ne_nuzhna_reforma_zakona-_nam_nuzhen_novuy_sud_k_voprosu_o_zaklyuchenii_predprinimatelej_pod_str

В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько это оправдано и практически обосновано? Не случайно, что конструкция ст. 5 УПК РФ и содержание ее отдельных положений являются объектом справедливой критики среди специалистов в области уголовного процесса¹.

В качестве недостатков ст. 5 УПК РФ можно выделить следующие: 1) определение понятий, которые либо вообще не используются по тексту закона либо употребляются 1–2 раза (например, алиби (п. 1), непричастность (п. 20), свидетельский иммунитет (п. 40), следователь-криминалист (п. 40-1) и др.); 2) использование общеупотребительных терминов, которые в специальном пояснении не нуждаются (дознание (п. 8), досудебное производство (п. 9), суд (п. 48), судебное заседание (п. 50), судебное разбирательство (п. 51), судья (п. 54) и др.); 3) соотношение (повторение) либо противоречивое значение приведенных норм с теми положениями, которые закреплены в специальных нормах (прокурор (п. 31), следователь (п. 41) и др.); 4) необъяснимый избирательный выбор понятий из группы однородных (например, из мер принуждения выбрано только задержание (п. 11), из перечня следственных действий в п. 14-1 и п. 24-1 даны определения только двум из них).

Таким образом, складывается впечатление, что законодатель не имеет четкого представления как о системе основных понятий, употребляемых в основном источнике уголовно-процессуального права, так и о действительном содержании ключевых уголовно-процессуальных терминов.

Представляется, что нормы-дефиниции, используемые для разъяснения основных понятий УПК, должны содержать специальные (оригинальные, ключевые) определения, подчеркивающие специфику уголовно-процессуальной деятельности и присущие им особенности для данного производства. Так, в качестве примера можно привести определения таких понятий, как «близкие родственники» (п. 4 УПК РФ), где в отличие от СК РФ (ст. 14) содержится указание на супругов, а также «законные представители» (п. 12 УПК РФ), включающее в их

¹ См., например: Николок В.В. О совершенствовании статьи 5 УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов XIX Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 февраля 2009 г.) : в 3 ч. / Сибирский юридический институт МВД России, 2009. Ч. 2. С. 151–157; Бахта А.С. Нормы-дефиниции в уголовно-процессуальном праве // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 56–59.

число учреждения и организации, на попечении которых находится несовершеннолетний, органы опеки и попечительства (в отличие от ст. 25.3 КоАП РФ и ст. 20 и 26 ГК РФ).

Наряду с этим хотелось бы высказать отдельные предложения, реализация которых могла бы способствовать правильному пониманию и использованию некоторых основных понятий уголовно-процессуального закона.

Изложенное в п. 12 ст. 5 УПК РФ определение законного представителя является неточным и неполным. Здесь отсутствует указание на законного представителя несовершеннолетнего свидетеля, несмотря на то, что данный субъект упоминается в ст. 191 и 280 УПК РФ. Кроме того, к участию в уголовном судопроизводстве законный представитель привлекается для защиты прав и законных интересов не только несовершеннолетних, но и лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера (ч. 1 ст. 437 УПК РФ).

Поэтому указанный пункт закона необходимо изложить в следующей редакции: «...законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего либо свидетеля, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, потерпевший либо свидетель, органы опеки и попечительства, а также близкие родственники лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, а при их отсутствии – органы опеки и попечительства».

Положительно следует оценить попытку законодателя в 2013 г. разрешить одну из проблем, связанную с процессуальным статусом педагога, путем указания на лицо, правомочное выполнять функции данного специалиста (п. 62 ст. 5 УПК РФ). Однако более 20 лет с момента принятия УПК РФ аналогичная проблема относительно психолога, участие которого в следственных действиях, как и педагога, предусмотрено в ст. 191, 280 и 425 УПК РФ, остается неразрешенной.

В связи с этим полагаем, что обсуждаемый специалист мог бы получить в ст. 5 УПК РФ следующее определение: «психолог – специалист в области возрастной (детской) психологии, имеющий образование и опыт работы, соответствующие данному профилю деятельности».

В.Н. Григорьев

**К ИЗДАНИЮ УКАЗАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТ 17.10.2023 № 707/49 «ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ,
СВЯЗАННОЙ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПОЛНОМОЧИЙ,
ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ПУНКТОМ 2 ЧАСТИ 2
СТАТЬИ 37 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Исследование современного состояния уголовного судопроизводства Российской Федерации дает основания выделить ряд новых противоречий в его развитии, которые касаются, в частности, постановления прокурора об уголовном преследовании. Это легитимная форма прокурорского полномочия, которая, достаточно активно используя в прокурорско-надзорной практике¹, сохраняет ряд нерешенных вопросов². Многие из них до сих пор остаются актуальными: является ли требование прокурора подвергнуть лицо уголовному преследованию прокурорско-надзорным или уголовно-процессуальным полномочием; какова отраслевая принадлежность данного требования, а также некоторые конкретные характеристики требования прокурора подвергнуть лицо уголовному преследованию, среди которых предмет требования, его форма, нормативно-правовые основания и содержание. Адекватным ответам на многие подобные вопросы способствует недавно изданное Указание Генерального прокурора Российской Федерации от

¹ Нагорный В.А. Постановление прокурора об уголовном преследовании как форма прокурорского реагирования в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 122–129.

² См.: Григорьев В.Н. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. 2011. № 8. С. 45–47; Гриненко А.В. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. № 11. С. 22–24; Химичева О.В., Шаров Д.В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 144–147.

17.10.2023, специально посвященное вопросам реализации полномочий, предоставленных пунктом 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ¹. Это относится, например, к определению отраслевой принадлежности требования прокурора подвергнуть лицо уголовному преследованию.

Нетрудно заметить, что нормы в законе, определяющем полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации², об уголовном преследовании находятся в разных его главах, определяющих полномочия в отдельных отраслях прокурорского надзора: ст. 22 в гл. 1 разд. III «Надзор за исполнением законов», ст. 27 в гл. 2 разд. III «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Означает ли данный факт, что прокурор при осуществлении надзорных полномочий связан отраслевой направленностью своей деятельности? Формальных препятствий для этого нет, в пользу чего говорит тот факт, что в абз. 4 ч. 1 ст. 27 Федерального закона о прокуратуре указано, что при осуществлении возложенных на него функций (по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина) прокурор использует полномочия, установленные для надзора за исполнением законов.

Сказанное приводит к выводу, что в соответствии с Федеральным законом о прокуратуре прокурор обладает полномочием по инициированию уголовного преследования как по результатам надзора за исполнением законов (гл. 1 разд. III), так и по результатам надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (гл. 2 разд. III).

Данный вывод подтверждается и при анализе организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации³. Более того, анализируемое полномочие прокурора распространено и на иные отрасли прокурорского надзора, в частности, на

¹ Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 17.10.2023 № 707/49 «Об организации работы, связанной с реализацией полномочий, предоставленных пунктом 2 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).

² Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 24.07.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

³ См.: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» (п. 3.18) // Законность. 2019. № 5.

надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие (гл. 3 разд. III). Так, в упомянутом выше Указании Генерального прокурора Российской Федерации от 17.10.2023 № 707/49 предписано, что, выявляя в деятельности должностных лиц органов дознания и предварительного следствия нарушения порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, добиваться их устранения и при обнаружении признаков должностного преступления принимать меры к привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. По фактам укрытия преступлений от учета при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, выносить согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ мотивированные постановления о направлении в органы предварительного расследования соответствующих материалов (п. 1.7).

В этой связи было бы необоснованным утверждать, что гл. 1 разд. III Федерального закона о прокуратуре, посвященная надзору за исполнением законов, не содержит соответствующих полномочий прокурора по инициированию преследования нарушителей уголовного закона, а положения ч. 2 ст. 22 этого же законодательного акта исключают возможность прокурора требовать привлечения лиц, нарушивших закон, к уголовной ответственности¹.

Вместе с тем с учетом организации прокурорского надзора в соответствии с Федеральным законом о прокуратуре по отраслям в повседневной деятельности важно различать, в какой сфере надзора выявлены данные, послужившие основанием для направления в органы предварительного расследования постановления об уголовном преследовании. Данное обстоятельство акцентируется в Указании Генерального прокурора Российской Федерации от 17.10.2023 № 707/49 (п. 2.2).

¹ Нагорный В.А. Постановление прокурора об уголовном преследовании как форма прокурорского реагирования в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 123–124.

ФУНКЦИИ УЧАСТНИКОВ СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Стадия подготовки дела к судебному заседанию в уголовном процессе представляет собой сложный и многосторонний процесс. Важно рассмотреть в ней роль каждого участника с точки зрения его вклада в обеспечение справедливого и эффективного рассмотрения уголовного дела в дальнейшем.

Основная часть процессуальных действий после направления дела в суд осуществляется судьей, которому данное дело было распределено. Им принимаются организационно-распорядительные решения, предназначенные для обеспечения наиболее эффективного разбирательства в дальнейшем. Также выясняются данные, которые дают представления о личности подсудимого¹, отмечает А.Р. Зайнуллина. При обнаружении ошибок и недочетов (например, неправильном определении подсудности, невручении копии обвинительного заключения подсудимому) судья осуществляет процессуальные действия по направлению дела или назначению предварительного слушания.

Роль прокурора на данной стадии урезана в силу окончания стадии проверки им материалов уголовного дела перед направлением в суд. Более того, на конкретном уголовном деле государственный обвинитель со стороны прокуратуры назначается только после объявления о начале непосредственного судебного разбирательства. Однако в некоторых ситуациях прокурор может принять активное участие в процессе – например, при назначении предварительного слушания сторона обвинения может отстаивать позицию по сохранению доказательств, если сторона защиты подала ходатайство об их исключении.

Однако, по мнению И.В. Овсянникова, государственный обвинитель появляется лишь после начала судебного разбирательства, что

¹ Зайнуллина А.Р. Подготовка дела к судебному заседанию в уголовном производстве и существующие проблемы // Вестник магистратуры. 2022. № 8 (131). С. 25–26.

«начальным моментом реализации функции государственного обвинения следует считать начало судебного разбирательства»¹.

Иные участники уголовного процесса формально не ограничены в тех правах, которые предоставлены без конкретизации наделенного лица в порядке гл. 33 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Например, все участвующие могут заявлять ходатайства и подавать жалобы с учетом норм Общей части УПК РФ, где указаны их права и обязанности.

Таким образом, участие каждого из перечисленных участников стадии подготовки дела к судебному заседанию в уголовном процессе необходимо для обеспечения соблюдения процессуальных прав и законных интересов всех сторон, а также для достижения справедливого и законного решения уголовного дела. Взаимодействие между участниками этой стадии играет ключевую роль в формировании правильного представления о фактических обстоятельствах дела и правильном применении норм уголовного права.

Н.А. Дудко

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ

Сравнительно-правовые исследования уголовного судопроизводства государств-участников СНГ способствуют совершенствованию национального законодательства и судебной практики этих государств. Из девяти действующих государств-участников СНГ суд с участием присяжных заседателей законодательно закреплен в УПК Российской Федерации, УПК Республики Казахстан² и УПК Кыргызской

¹ Овсянников И.В. О деятельности и процессуальном статусе прокурора на стадии подготовки к судебному заседанию // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 246–253.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. (по состоянию на 01.01.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36026421.

Республики¹. УПК Азербайджанской Республики с 2000 г. также содержал соответствующие нормы, но они были исключены Законом от 13 февраля 2015 г.²

Суд присяжных введен и успешно функционирует в Российской Федерации с 1 ноября 1993 г.³, в Республике Казахстан – с 1 января 2007 г.⁴, а в Кыргызской Республике – с 1 января 2025 г.⁵

Важное значение для применения института суда присяжных имеет вопрос о подсудности.

Перечень составов преступлений, уголовные дела о которых могут быть рассмотрены с участием присяжных заседателей, определяет возможность реализации конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Анализ УПК РФ, УПК РК и УПК КР позволяет сделать вывод, что в соответствующие нормы о подсудности неоднократно вносились изменения, в том числе ограничивающие применение института суда присяжных. Так, в 2012–2013 гг. подсудность уголовных дел суду присяжных в РФ и РК была существенно сокращена. Эта проблема вызвала общественный резонанс и была разрешена на уровне Президента РФ и Президента РК. В Поручениях Президента РФ от 08.12.2015 г.⁶ и от

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. (по состоянию на 02.08.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

² Закон Азербайджанской Республики «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 13 февраля 2015 г. № 1194-IVQD». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37873398.

³ Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

⁴ Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам введения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей» от 16 января 2006 г. № 122-III ЗПК. URL: <http://online.zakon.kz>

⁵ Закон Кыргызской Республики «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики» от 15 июля 2009 года № 215 (в ред. от 26 декабря 2019 года). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202673/10?cl=ru-ru>

⁶ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 года, подписанный Президентом РФ 8 декабря 2015 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>

29.01.2020 г.¹ последовательно закреплены положения о необходимости увеличения количества составов преступлений, подсудных суду с участием присяжных заседателей. Аналогичные положения закреплены в Послании Президента РК от 16.03.2023 г.: расширить категории дел, подлежащих рассмотрению судами присяжных².

Таким образом, общая тенденция совершенствования суда с участием присяжных заседателей в государствах-участниках СНГ – увеличение количества составов преступлений, дела о которых подсудны суду присяжных, и, соответственно, увеличение количества дел, рассмотренных судами с участием присяжных заседателей.

В.А. Ерофеева, С.М. Якубова

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Декларирование в ст. 2 Конституции Российской Федерации человека, его прав и свобод высшей ценностью, признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства призвано способствовать обеспечению прозрачности уголовного процесса для всех его участников, в том числе для лиц с ограниченными возможностями.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, уровень «инвалидизации» на 1 000 человек населения в Российской Федерации в 2023 г. составил 74,6 человека (всего 10 933 000)³,

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека, утвержденный Президентом РФ 29 января 2020 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>

² Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 16 марта 2022 года «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36550997&pos=5;-108#pos=5;-108.

³ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>.

что свидетельствует об их существенном количестве. Нередки и случаи вовлечения таких лиц в уголовный процесс в разных статусах.

В Конвенции о правах инвалидов к таким относятся «лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут препятствовать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими»¹. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» формулирует понятие: «инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты»². Исследователи обоснованно полагают подлежащим дополнению определение, данное в Федеральном законе, как отражающее только физическое состояние. По мнению Л.В. Бертовского, требуется еще большее расширение, отнеся к этой категории «детей, престарелых, лиц, страдающих психическими расстройствами и физическими заболеваниями, лиц, находящихся в состоянии стресса» и др.

Между тем в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации³ отсутствуют нормы, специально регулирующие механизмы реализации прав по доступу к правосудию для лиц с ограниченными возможностями.

Для участников, возведенных в статус подозреваемого, обвиняемого, предусмотрено обязательное участие защитника, «если в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту» (п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), и право защищаться «лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя» «всеми не запрещенными законом способами и средствами» (ч. 1 ст. 16 УПК РФ). На отсутствие специальных норм в уголовно-процессуальном законодательстве для лица с ограниченными

¹ Статья 1 Конвенции о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

² О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

³ Далее – УПК РФ.

возможностями указывают многие исследователи¹. Поскольку данная категория лиц действительно ограничена в своих возможностях, полагаем необходимым предложить предусмотреть в УПК РФ особые нормы, обеспечивающие реализацию их прав на доступ к правосудию. Отметим, что инновационные технологии, интегрируемые в отечественный уголовный процесс с учетом его стадийного устройства, по нашему мнению, является благостью, в том числе для указанной категории участников. Учитывая потенциал цифровизации уголовного судопроизводства, для лиц с ограниченными возможностями формируемая цифровая среда бесспорно благоприятно скажется как на ускорении судопроизводства, так и на обеспечении реализации ими права на доступ к правосудию. Позитивно влияние и результатов инкорпорирования норм, позволяющих использование в досудебных стадиях систем видеоконференц-связи при производстве следственных действий, – допроса, очной ставки, опознания «путем использования систем видеоконференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование» (ст. 189.1 УПК РФ)². По нашему мнению, следует предусмотреть в уголовно-процессуальном законе специальные нормы для обеспечения надлежащего участия лиц с ограниченными возможностями в уголовном процессе, допускающие использование достижений науки и техники при производстве не только следственных действий, но и иных процессуальных действий как в стадии предварительного расследования, так и возбуждения уголовного дела (например, получение объяснения путем использования систем видеоконференц-связи), а также предусмотреть особенности механизма их реализации для формирования доказательств по делу. Кроме того, ст. 5 УПК РФ предлагаем дополнить понятием «лица с ограниченными возможностями», предусмотрев соответствующее определение. Такой подход исключит необоснованное затягивание сроков досудебного производства, компенсирует реализацию такими лицами своих прав и обязанностей в уголовном процессе, обеспечит право на

¹ См.: Курбатова С.М. О проблемах участия слепых и слабовидящих лиц в производстве по уголовному делу // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2 (51). С. 236–241.

² Якубова С.М. Уголовный процесс в эпоху цифровизации // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. науч. ст. Могилев, 2021. С. 149–153.

доступ к правосудию в разумный срок, защиту прав и законных интересов лиц с ограниченными возможностями, позволит преодолеть барьеры, препятствующие их участию в процессе наравне с другими, а следовательно, обеспечит транспарентность уголовного судопроизводства.

А.Г. Истомина

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПРОКУРОРОМ НА ЭТАПЕ УТВЕРЖДЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Как показывает практика, в России в судах в 2020–2022 гг. было прекращено примерно 20–25% уголовных дел от числа рассмотренных по существу¹. В Томской области этот показатель чуть ниже общероссийского и составляет в среднем около 15%². При этом, как показывает общероссийская статистика органов внутренних дел³, следователями МВД России в 2021–2022 гг. прекращено около 5% от общего числа оконченных уголовных дел, в то время как органами дознания МВД России около 11,3%⁴. Таким образом, судами прекращается примерно в два раза больше уголовных дел, чем органами предварительного расследования. В этой связи актуальность приобретает вопрос о возмож-

¹ Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. прекращено 175 535 уголовных дел, что составило 24,6% от числа всех рассмотренных судами по существу; в 2021 г. – 159 211 уголовных дел – 21,7%; в 2022 г. – 146 890 дел – 20%.

² Согласно данным прокуратуры Томской области, в 2021 г. было прекращено 1 075 уголовных дел, что составило 14,3% от общего числа уголовных дел, направленных в суды; в 2022 г. – 1 131 дело, что составило 15,3% соответственно.

³ Приведены данные по статистике органов внутренних дел, поскольку подавляющая часть уголовных дел расследуется именно ими.

⁴ Следователями органов внутренних дел в 2021 г. прекращено 13 933 уголовных дела; в 2022 г. – 14 793 уголовных дела. В то время как органами дознания МВД России в 2021 г. прекращено 54 566 уголовных дел; в 2022 г. – 40 335 уголовных дел, что составило 14,5 и 11,3% соответственно.

ности прекращения уголовных дел (уголовного преследования) прокурором на этапе утверждения результатов предварительного расследования.

Очевидно, что главная причина сложившейся практики заключается в отсутствии у прокурора права прекращать уголовное дело (уголовное преследование) по результатам предварительного следствия. Другая – кроется в расплывчатой формулировке, содержащейся в п. 40 Приказа Генерального прокурора России от 19.01.2022 № 11¹, согласно которой «в случае, если усматриваются очевидные основания для прекращения уголовного дела по правилам, предусмотренным ст. 24–28 УПК РФ, то прокурорам необходимо рассматривать вопрос о применении полномочий, предусмотренных пунктом 3 части 1 статьи 226 УПК РФ».

В результате отсутствие четких указаний на конкретные основания приводит к нежеланию прокуроров брать ответственность за принятие решения о необходимости прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования и способствует перекладыванию бремени принятия такого решения на суд. Кроме того, не следует исключать и возможное превалирование ведомственных интересов органов предварительного расследования, заинтересованных в направлении уголовных дел в суд, а не в прекращении их на стадии предварительного расследования, поскольку основным показателем их работы до сих пор служит количество направленных в суд уголовных дел. При этом, обладая в соответствии со ст. 226 УПК РФ полномочиями по прекращению уголовных дел, оконченных органами дознания и направленных для утверждения обвинительного акта (постановления), прокуроры не стремятся ими пользоваться²: им гораздо проще дать указания прекратить уголовное дело (уголовное преследование) самому органу дознания.

Таким образом, вместо прекращения на стадии предварительного расследования уголовные дела направляется в суды, где зачастую их прекращают на предварительном слушании. Изучение практики рас-

¹ Приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 [5] (в ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 29.02.2024).

² Так, в 2022 г. прокурорами прекращено всего 0,06% (в 2021 г. – 0,1%) уголовных дел, поступивших с обвинительными актами (постановлениями) от органов дознания МВД.

смотрения и разрешения уголовных дел в судах Томской области показывает, что до 30% направленных уголовных дел прекращаются таким образом. В результате существенно нарушаются конституционные права обвиняемых: эти лица могли бы быть освобождены от уголовного преследования на более ранних этапах производства, а теперь вынуждены претерпевать незаконные и необоснованные ограничения. Кроме того, судебная система испытывает излишнюю нагрузку, что, помимо прочего, ведет к существенному удорожанию правосудия.

«Освобождение от уголовной ответственности является наиболее привлекательным для участников уголовного судопроизводства и наименее затратным для государства способом разрешения социального конфликта, возникшего в связи с совершением преступления»¹. И чем раньше такое решение будет принято, тем более эффективной должна признаваться работа органов предварительного расследования и прокуратуры.

В этой связи оптимальное решение затронутой проблемы видится:

1) в наделении прокуроров дополнительными полномочиями на этапе досудебного производства, в частности, предоставлении им права прекращения уголовного дела (уголовного преследования) после получения уголовного дела, направленного для утверждения обвинительного заключения;

2) в изменении критериев оценки эффективности работы органов предварительного расследования; отхода от такого традиционного показателя, как количество направленных уголовных дел в суд (его вполне можно заменить количеством направленных прокурору уголовных дел для утверждения результатов предварительного расследования);

3) в конкретизации директив Генпрокуратуры России относительно «очевидных оснований для прекращения уголовного дела».

¹ Бирюков Н.И., Ведерникова О.Н., Ворожцов С.А. и др. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2014. 816 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НУЖДАЮТСЯ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Изменения, внесённые за последние несколько лет в гл. 11 УК РФ и гл. 4 УПК РФ, привели к возникновению ряда проблем как содержательного, так и технико-юридического характера.

1. Возникла конкуренция между нормами, регламентирующими процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности.

Так, основания прекращения уголовного преследования, предусмотренные ст. 25, 25.1, ч. 1 ст. 28 УПК РФ, распространяются на одну и ту же категорию преступлений – небольшой и средней тяжести, применяются в отношении лица, совершившего преступление впервые, причем при наличии его согласия на применение соответствующего основания освобождения от уголовной ответственности; обязательным процедурным условием является также согласие прокурора либо руководителя следственного органа. Кроме того, все вышеуказанные основания предполагают в качестве обязательного условия возмещение (заглаживание) причиненного преступлением вреда.

При этом процессуальный порядок прекращения уголовного преследования, предусмотренный ст. 25.1 УПК РФ, является, во-первых, усложненным (окончательное решение принимается судом), во-вторых, условным (при невыполнении обязанности по уплате штрафа решение о прекращении уголовного преследования отменяется), в-третьих, влекущим неблагоприятные уголовно-правовые последствия (назначение штрафа).

Очевидно и неоднократно отмечено в работах ученых-процессуалистов¹, что лишённые аналогичных положений нормы ст. 25 и 28 УПК РФ для стороны защиты всегда будут более предпочтительными, и эта

¹ Калиновский К.Б. Конкуренция оснований освобождения от уголовной ответственности: новая позиция Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2017. № 1 (145). С. 9–12; Корнеев С.А., Шуранова О.А. Конкуренция норм при освобождении от уголовной ответственности // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 22, № 2. С. 133–139.

ситуация создает почву для выстраивания коррупционных схем и злоупотребления правом для тех или иных участников уголовного судопроизводства.

2. Возникла дисгармония в процессуальном порядке реализации специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, которая выражается в том, что по своей правовой природе нормы, содержащиеся в ч. 1 и 2 ст. 76.1 УК РФ, представляют собой типичные специальные основания, только выведенные из Особенной части УК РФ в Общую часть и в отличие от примечаний к статьям Особенной части, ст. 76.1 УК РФ содержащие дополнительное условие – освобождение от уголовной ответственности возможно, если преступление совершено впервые.

Кроме того, несмотря на то, что все специальные основания освобождения от уголовной ответственности и процессуальный порядок их применения сформулированы как императивные нормы (в УК РФ – «лицо освобождается...», в ч. 2 ст. 28 и ч. 1 и 3 ст. 28.1 УПК РФ – «...прекращает уголовное преследование», «прекращение... осуществляется»), не предполагающие никакого усмотрения правоприменителя, указанные выше нормы ст. 28 и 28.1 УПК РФ предусматривают получение согласия прокурора либо руководителя следственного органа на прекращение уголовного преследования. Смысл такого согласования неясен.

Возможные пути решения описанных проблем:

1) для всех оснований освобождения от уголовной ответственности, носящих дискреционный характер (предполагающих определенную свободу усмотрения правоприменителя), ввести судебный порядок окончательного принятия решения (по аналогии со ст. 28.1 или 427 УПК РФ);

2) Ограничить сферу применения ст. 76 УК РФ и 25 УПК РФ уголовными делами частно-публичного обвинения, где основной объект преступления охватывает посягательство на права и законные интересы прежде всего физических лиц и не связан с государственной и муниципальной собственностью.

3) Исключить из процессуального порядка реализации специальных оснований освобождения от уголовной ответственности требование о получении согласия прокурора либо руководителя следственного органа на прекращение уголовного преследования.

СООТНОШЕНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН КАК ПРИНЦИПА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И РАВЕНСТВА ПРАВ СТОРОН КАК ПРИНЦИПА СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Закрепление в УПК РФ равенства прав сторон перед судом с указанием того, что оно является составной частью состязательности (ч. 4 ст. 15), не только не коррелируется с некоторыми положениями Конституции РФ (ч. 3 ст. 123), но и не позволяет стороне защиты в полной мере «противостоять» стороне обвинения.

Часть 3 ст. 123 Конституции РФ устанавливает, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а в п. 56 ст. 5 УПК РФ указано, что уголовное судопроизводство состоит из досудебного и судебного производства по уголовному делу. При использовании указанных выше положений ч. 1 ст. 15 УПК РФ должна звучать так: «Досудебное и судебное производство по уголовному делу осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон».

Логика законодателя в отнесении равенства прав сторон в суде к принципам уголовного судопроизводства, хоть и в составе состязательности, вполне понятна, так как на этапе досудебного производства также требуется разрешение вопросов, которые относятся к исключительной компетенции суда.

Использование оговорки «перед судом» позволяет говорить о том, что равенство прав является не принципом уголовного судопроизводства, а основополагающим началом его отдельной части – судебного производства¹.

Согласно УПК РФ, права стороны защиты и права стороны обвинения равны/одинаковы только при разрешении вопросов по уголовному делу в суде², как на досудебном производстве (обжалование по ст. 125

¹ Головки Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 272.

² Средства доказывания в российском уголовном судопроизводстве: судебные стадии : учеб.-практ. пособие / А.М. Лютынский, А.Т. Валева. Вологда, 2020. С. 13.

УПК РФ, избрание меры пресечения судом и т.д.), так и в судебном производстве (рассмотрение уголовного дела по существу и т.д.).

Равенства прав сторон при производстве предварительного расследования УПК РФ не предусматривает, что объясняется публичным характером уголовного судопроизводства¹.

О неравенстве прав сторон на этапе предварительного расследования свидетельствуют как минимум возможности адвоката и обвиняемого по сбору доказательств (ст. 86 и 159 УПК РФ), которые ничтожно малы по сравнению с правами лица, осуществляющего уголовное преследование (разд. 8 УПК РФ).

Между тем публичный характер уголовного судопроизводства не может служить отговоркой или оправданием тому обстоятельству, что адвокат и обвиняемый лишены реальных прав на этапе предварительного расследования заложить в материалы уголовного дела доказательства, которые могут использоваться ими в свою пользу.

Как минимум, опрос лиц с их согласия не равноценен допросу свидетеля хотя бы потому, что защитник при получении объяснений не имеет права брать подписку об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, что в последующем может стать причиной критического отношения суда к такому письменному объяснению при неявке свидетеля в судебное заседание.

Равенство прав в суде теряет свою значимость, если к моменту рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу свидетель со стороны защиты умер, а следователь не произвел допрос такого свидетеля, несмотря на ходатайство защитника.

Очевидно, что ни адвокат, ни обвиняемый не могут вмешиваться в деятельность лица, осуществляющего предварительное расследование, но при этом сторона защиты должна иметь свой параллельный механизм, с помощью которого еще на этапе предварительного расследования сможет собрать доказательственную базу, на основе которой сможет защищать свои интересы.

Одной из составляющих такого механизма видится безусловная обязанность лица, осуществляющего предварительное расследование, приобщить к материалам уголовного дела те документы, которые пред-

¹ Ткачева Н.В. Состязательность и равноправие сторон в производстве суда первой инстанции // Журнал юридических исследований. 2022. № 3. С. 76.

ставлены адвокатом или обвиняемым, так как только суд вправе решать, имеют такие документы значение для уголовного дела или нет. Существующая формулировка в ст. 159 УПК РФ позволяет следователю определить значимость документа для уголовного дела и породить череду обжалований отказа следователя в таком приобщении, что очевидно затрачивает временные ресурсы защитника или обвиняемого, которые могли быть ими потрачены на сбор иных доказательств.

Равенство прав сторон в суде имеет смысл только при наличии рабочего механизма, позволяющего стороне защиты еще на этапе предварительного расследования заложить в материалы уголовного дела доказательства в свою пользу, в противном случае защитник в уголовном деле будет являться формальным атрибутом.

Содержание состязательности сторон в УПК РФ сведено к отделению сторон и их функций друг от друга, в таком понимании состязательность присутствует на каждом этапе уголовного судопроизводства, что позволяет отнести состязательность к принципам уголовного судопроизводства.

Равенство прав сторон в том содержании, которое имеется в действующем УПК РФ, является принципом судебного производства и будет таковым до того момента, пока защитник и обвиняемый не будут наделены равными по значению правами со следователем на этапе предварительного расследования.

М.Е. Кубрикова

О НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Одной из главных задач судебной системы России в последние годы стала гуманизация, в основе которой лежит принцип экономии мер уголовной репрессии с целью повышения эффективности института освобождения от уголовной ответственности, а также достижения разумного баланса публичности и диспозитивности.

В этой связи в науке уголовного процесса высказывается точка зрения о новой идеологии уголовной политики российского государства,

а именно: «обращение государства к договорным, альтернативным формам разрешения уголовно-правовых споров»¹.

Однако анализ статистики МВД РФ и Судебного департамента Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что за период с 2009 по 2022 г., несмотря на рост количества лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены судом, количество осужденных за преступления небольшой и средней тяжести составляет около 70% от общего числа осужденных в РФ.

Очевидно, если бы не проводимая политика гуманизации в уголовно-правовой сфере, то мы получили бы значительно худшие показатели.

Вместе с тем обращает на себя внимание неэффективность института прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, связанным с освобождением лица от уголовной ответственности, а также нарушение разумного баланса публичных и частных интересов, поскольку, с одной стороны, государство активно проявляет гуманное отношение к преступникам, декриминализуя отдельные деяния, вводя составы преступлений с административной преюдицией, расширяя основания применения института освобождения от уголовной ответственности, а с другой стороны, высок процент нераскрытых уголовных дел, прекращаемых впоследствии за истечением сроков давности уголовного преследования, ущерб потерпевшим в большинстве случаев не возмещается.

Проводимая уголовно-правовая и уголовно-процессуальная политика в России как составная часть государственной политики уже не отвечает реалиям сегодняшнего дня и требует системной корректировки.

Можно констатировать отсутствие в настоящее время правовой определенности в эффективной уголовно-процессуальной организации возмещения причиненного преступлением вреда в полном объеме. Также вопрос признания подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) банкротом до сих пор не нашел своего разрешения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, хотя ежегодно отмечается значительный рост банкротств физических лиц.

¹ Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров. М. : Юрлитинформ, 2023. С. 33.

01.07.2020 г. в ходе общероссийского голосования были одобрены изменения в Конституцию РФ, закрепившие новые принципы государственной политики, такие как справедливость, гуманизм, общественная солидарность, сбалансированность частных и публичных интересов.

В этой связи требуется разработать новую концепцию уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики государства, которая позволяла бы обеспечить «соответствие законодательства и правоприменительной практики тем принципам, которые заложены в Конституции РФ и международно-правовых актах, касающихся соблюдения прав и свобод человека, а также укрепление законности и правопорядка, высокий уровень предупреждения преступлений, снижение уровня преступности и угроз криминологической безопасности, рост правосознания и повышение правовой культуры населения»¹.

Примечательно, что на необходимость разработки новой концепции уголовно-правовой политики, обеспечивающей верховенство прав человека в уголовном судопроизводстве, доктринально закрепляющей принцип справедливости, неоднократно указано в своих ежегодных докладах и Уполномоченным по правам человека в РФ.

Л.Г. Лифанова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРОИЗ- ВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Оптимальный вариант окончания уголовно-процессуальных отношений, возникших по поводу совершения преступления, – вынесение судом справедливого и обоснованного приговора в отношении лица, признанного виновным, и восстановление нарушенных прав потерпевших.

¹ Пилипенко Ю.С. Концепция уголовно-правовой политики: реальность и перспектива // Закон. 2012. № 2. С. 73–84.

Однако не по каждому уголовному делу принимается такое итоговое решение. В практике следственно-судебных органов определенный процент образуют факты отказа от уголовного преследования лица, ранее привлекаемого к уголовной ответственности. Как известно, такое решение может быть принято в случае установления реабилитирующих оснований, делающих дальнейшее производство по уголовному делу незаконным, а также по нереабилитирующим основаниям, применение которых должно предполагать возмещение причиненного ущерба потерпевшему.

Суммы преступного вреда в денежном эквиваленте традиционно находятся на высоком уровне. Так, в 2021 г. ущерб от преступлений по оконченным и приостановленным уголовным делам составил 834,5 млрд руб., что на 62,7% больше, чем в 2020 г. В 2022 г. эта сумма составляла 748,3 млрд руб., в 2023 г. – 587,6 млрд руб. Несмотря на очевидное снижение уровня установленного ущерба от преступлений, а также увеличение процента его возмещения, официальная статистика свидетельствует о том, что в среднем уровень компенсации возмещения ущерба государству и потерпевшим гражданам составляет 30–35%¹.

При этом следует заметить, что проблемы возмещения ущерба беспокоят потерпевших сильнее, чем вопросы наказания виновного. Безусловно, за исключением преступлений, направленных против жизни и здоровья самого лица и его близких.

Законодателем данный факт учтен: в отдельных случаях отказу от дальнейшего уголовного преследования должно предшествовать возмещение ущерба или его заглаживание другим способом (ст. 75, 76, 76.1 УК РФ, ст. 25 УПК РФ).

Нормы уголовно-правового законодательства также закладывают определенный стимул для возмещения ущерба, регламентируя возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и замену неотбытой части более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) только в случае полного или частичного возмещения вреда, причиненного преступлением. Более того, возмещение ущерба может стать основанием для освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ).

¹ В России в 2022 году компенсировали более 250 млрд рублей ущерба от преступлений. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/17191913>.

Наиболее незащищенным является потерпевший, по заявлению которого уголовное дело возбуждено, однако впоследствии приостановлено. Если преступление осталось нераскрытым либо виновный находится в розыске (п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), отсутствует субъект, к которому может быть обращено взыскание. Право потерпевшего на возмещение ущерба не реализуется. Так, в 2023 г. из зарегистрированных 1 947,2 тыс. преступлений, остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, 889,1 тыс. (45,66%)¹. Действующая в России практика предполагает возможность возмещения вреда, причиненного преступлением, исключительно в случае известности лица, его совершившего.

Не менее сложная ситуация при приостановлении производства по уголовному делу по п. 3, 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. При таких условиях субъект, обязанный возместить причиненный вред, известен, однако реальная возможность взыскания с него ущерба отсутствует.

Наиболее благоприятной ситуацией для потерпевшего, равно как и для интересов расследования в целом, является такая, при которой причиненный ущерб возмещается добровольно подозреваемым (обвиняемым) либо их представителями. Однако если этого не происходит, фактически механизм восстановления прав потерпевших от преступления отсутствует.

Сложности при реализации прав потерпевшим от преступления возникают не только в плане возмещения вреда, но и в иных случаях. Основная сложность заключается в том, что потерпевший лишен возможности получить удовлетворение от того, что «справедливость восторжествовала», что виновный «получил по заслугам».

В связи с этим нам видится целесообразным на нормативном уровне закрепить правило, согласно которому прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям возможно только после полного возмещения ущерба, причиненного преступлением, и при условии согласия потерпевшего (за исключением смерти подозреваемого или обвиняемого, но в этом случае у потерпевшего должно сохраняться право обращения взыскания на наследников в гражданско-правовом порядке).

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года. М. : ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ, 2024.

Если же органы предварительного расследования и суда не могут обеспечить компенсацию вреда, причиненного преступлением, то возмещение ущерба должно обеспечиваться за счет государства. Только в этом случае можно будет констатировать о реализации конституционного права гражданина на доступ к правосудию и возмещения вреда, регламентированного в ст. 52 Основного закона РФ.

С.Л. Лось

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Для уголовного процесса как науки и практики, так и законодательства исходным будет являться накопившаяся в государстве современная материально-техническая основа электронных ресурсов всех видов. Сопутствующим обязательным элементом является возможность конкретного практического использования компьютерной информации, её электронных носителей и форм проявления в определённой сфере жизнедеятельности – борьбе с преступностью.

1. Научное исследование внедрения и использования электронных ресурсов в уголовно-процессуальную деятельность должностных лиц специальных государственных органов должно базироваться на понимании общефилософских методов познания – системного и сравнительного анализов, многоуровневого подхода, формировании и раскрытии междисциплинарных связей гуманитарных и технических наук на разных уровнях взаимопроникновения. Это является исходными положениями другого общенаучного подхода к познанию – от общего к частному или от частного к общему, задающего глубину познания явления или проблемы. Все это необходимо применить к обозначенной теме – уголовно-процессуальная деятельность должностных лиц специальных государственных органов и электронные ресурсы, которые имеют место быть на всех уровнях государственной деятельности, включая использование организующих и расчётных возможностей программно-электронных действий, расчётов, манипуляций, а также сохранение и передачу полученных результатов.

2. Системный анализ предполагает формирование системных связей элементов разных уровней и тем самым создание технологии, сочетающей конкретную человеческую деятельность (уголовно-процессуальную) с новой формой внешнего проявления (выражения) в виде электронных ресурсов: электронный документ, видеоконференц-связь, сервер с общим программным обеспечением и общей электронной информацией для заинтересованных государственных органов с согласованной деятельностью должностных лиц – следователя, прокурора, судьи; «электронное уголовное дело»¹.

Сравнительный анализ содержания и возможностей электронных ресурсов в системе между собой и по их видам или свойствам предполагается применительно к уголовно-процессуальной деятельности в целом и к отдельным её стадиям, уголовно-процессуальным действиям и решениям полномочных субъектов. Например, при формировании или рассмотрении доказательств следователем или судьёй с позиции характеризующих их признаков – относимости и допустимости.

3. Теоретическое познание и осмысление конкретного раздела исследования и сферы жизнедеятельности – уголовного процесса не исключает в системе подход от частного к общему, например, внедрение нового вида доказательств – «электронных» и др. Формируется стремление к познанию частично нового в реальной действительности – жалоба – существующий документ, но имеющего иную форму проявления – электронную.

4. В мире накопился большой объем электронных, лазерных, лучевых и других ресурсов и перерабатываемой информации в воспринимаемой человеком письменной форме, звуковом и видеовоспроизведении, фотоизображении и т.д., опирающихся на определённые созданные материальные носители этой информации.

5. Научные и прикладные задачи учёных-процессуалистов выдвигают в число актуальных проблем обсуждение вопросов и предложение решений, связанных с государственным признанием электронных ресурсов и электронной информации. Сформировалась потребность

¹ Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118–123; Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместности // LEX RUSSICA. 2019. № 5. С. 91–104.

определения её не только социальной, но и государственной роли в обществе, государственного восприятия и законодательного закрепления их существования и использования в уголовном процессе России на базе законодательства об информации и Стратегии развития информационного общества¹.

6. Необходимо учитывать, что человеческие знания по использованию электронных ресурсов в государстве могут быть направлены не только на использование положительной информации и её передачу в созидательных целях. Присутствуют подделка и повреждение имеющегося ресурса в негативных личных, противоправных, захватнических или террористических целях. Возможно противодействие и противопоставление заинтересованными лицами электронных данных между собой, электронной и письменной (аудио, фото, видео) информации, использование монтажа для обмана или запутывания электронной адресации, создание ложной фейковой и подтасовка подставной электронной информации и т.д.

7. Преступление, имеющее социальное содержание, оформляется через правовую оценку специальными должностными лицами установленных государственных органов на основе определённых документов. Внедрение электронных ресурсов в эту уголовно-процессуальную деятельность и уголовный процесс в целом должно быть направлено на защиту интересов участников, отдельных граждан и государства. Необходимо для законодателя и практических работников сформулировать принцип «здорового консерватизма» при применении электронных ресурсов в этой сфере жизнедеятельности государства, который бы способствовал их использованию как дополнительных средств уголовно-процессуальной деятельности.

¹ Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27 июля 2006 года, Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы, Уголовный кодекс РФ. Ст. 272–274.2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 6.02.2024).

ПРИНЦИП ВЗАИМНОСТИ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ЭКСТРАДИЦИИ

Экстрадиция является инструментом международного уголовного права, позволяющим привлекать к уголовной ответственности лиц, нарушающих закон в одних странах, а затем свободно перемещающихся в другие, на которые не распространяется юрисдикция государства, в котором совершены преступления.

Посредством данного института обеспечивается неотвратимость ответственности и наказания лиц, совершивших преступление.

Экстрадиция представляет собой особый институт права, включающий в себя нормы конституционного, международного, уголовного и уголовно-процессуального права. Принятие решения о выдаче является прерогативой государства, а осуществляет это право государство в соответствии с нормами как международного, так и национального права.

Вопросы выдачи и экстрадиции в 2023–2024 гг. остаются одними из самых значимых. Так, согласно статистическим данным¹, в 2022 г. количество направленных генеральной прокуратурой Российской Федерации запросов о выдаче увеличилось до 418 в сравнении с аналогичным периодом прошлого года – 379, т.е. на 10,2%. Удовлетворенных запросов о выдаче в 2022 г. – 178, а годом ранее – 148, таким образом, показатель удовлетворенности запросов вырос на 20,2%.

В современный период развития государственности международное и внутринациональное правовое поле нормативного регулирования института экстрадиции достаточно значительное. Так при взаимодействии со странами СНГ применяется «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (заключена в г. Минске 22.01.1993), во взаимоотношениях со странами Европейского союза применяются «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (заключена в г. Риме 04.11.1950), «Европейская конвенция о выдаче» (заключена в г. Париже 13.12.1957)

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 16.07.2023).

и дополнительные протоколы к ним, с другими странами – двусторонние договоры. При отсутствии же договорных отношений между государствами направление запроса о выдаче лица осуществляется на основе принципа взаимности.

Принцип взаимности представляет собой общепризнанный принцип межгосударственных отношений в вопросах международного права и дипломатии и по своей сути является договорной обязанностью запрашивающего государства предоставить запрашиваемому государству такой же вид помощи в будущем.

Ж.-Б. Шмид, следственный судья в Женеве (Швейцария), сделал следующее замечание относительно важности соблюдения взятых обязательств: «В конечном счете следующий раз наступает всегда. В международном сотрудничестве, как и в любом бизнесе, в интересах каждой из сторон выполнять обещания, которые были даны»¹.

Законодательством Российской Федерации решение вопроса экстрадиции отнесено к компетенции органов прокуратуры. В настоящее время Генеральной прокуратурой Российской Федерации заключены 101 соглашение и иные договоренности о сотрудничестве с зарубежными партнерами из 74 государств².

Вопрос о повышении степени эффективности международного сотрудничества не единожды становился объектом научных исследований.

К примеру, в теоретических изысканиях отмечена необходимость расширения существующего международного сотрудничества за счёт вовлечения в такую деятельность представителей гражданского общества³. Указанная позиция интересна и имеет место быть, но возникает вопрос, как ее реализовывать.

Также отмечается о необходимости детальной регламентации принципа взаимности в целях надлежащей организации экстрадиционного

¹ Jean-Bernard Schmid. Legal problems in mutual legal assistance from a Swiss perspective // Denying Safe Haven. P. 47.

² Генеральная прокуратура РФ. Международное сотрудничество. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation> (дата обращения: 09.01.2024).

³ Кузякин С.В. Международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 79–83.

процесса, в том числе сформулированы выводы о дополнении специальными принципами¹, такими как добровольность сотрудничества, равенство полномочий судебнно-следственных органов сотрудничающих государств².

На основании изложенного представляется единственно возможным и действенным способом реализации принципа взаимности в сфере уголовного судопроизводства многостороннее взаимодействие (взаимопомощь) государств вне рамок происходящих политических и экономических процессов.

Принцип взаимности требует дополнительной регламентации и закрепления в нормативно-правовых актах. При этом следует, что достижение наибольшей эффективности существующего правового регулирования института экстрадиции в большей степени зависит от информационной коммуникации государств, их демократической открытости и динамичности, разумного сочетания аспектов общественных и государственно-правовых средств воздействия. Экстрадиция – это прежде всего уголовно-процессуальная процедура, направленная на эффективное международное сотрудничество, которая преследует целью своевременную борьбу с преступностью.

А.А. Михайлов

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ И ПРИРОДЕ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Оглашение в судебном разбирательстве уголовных дел показаний подсудимого, потерпевшего и свидетеля, ранее данных в ходе предварительного расследования, не является одним из основных институтов российского уголовного процесса, однако его высокая значимость обусловлена рядом обстоятельств.

¹ Киселев М.А. Проблема применения принципа взаимности в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2 (13). С. 72–73.

² Маланюк А.Г. Специальные принципы предоставления правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства. URL: <http://kriminalnoe-pravo.ru/kriminalnyjprocess/4-specialnye-principy-predostavlenija-pravovoj-pomowi-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva.html> (дата обращения: 01.02.2024).

Во-первых, показания указанных участников уголовного процесса выступают одним из самых распространенных видов доказательств в уголовном судопроизводстве, что обуславливает необходимость такой правовой регламентации вопросов, связанных с их исследованием в суде, которая обеспечивает «равенство оружия» сторон в состязательном процессе.

Во-вторых, оглашение показаний в судебном разбирательстве уголовных дел – это всегда исключение из принципа непосредственности в уголовном процессе, что влечет за собой необходимость повышенного внимания со стороны законодателя к формулированию в законе оснований и условий оглашения показаний в суде, а со стороны судов – к возможности их применения.

В-третьих, оно фактически выполняет функцию легитимизации показаний обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, полученных в досудебном производстве. Такая роль оглашения показаний обусловлена смешанным характером российского уголовного процесса и в определенной степени объективна, что можно увидеть на следующих примерах из истории отечественного уголовного процесса разных периодов.

Так, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал возможности оглашения в судебном заседании показаний обвиняемого, данных на предварительном следствии. Однако решения Сената постепенно сделали такую практику вполне допустимой¹. В качестве второго примера можно привести существовавшее первоначально в УПК РФ 2001 г/ «правило двух ключей», означавшее возможность оглашения показаний неявившихся потерпевших и свидетелей только с согласия обеих сторон. Отмена в дальнейшем данного правила показала, что подобное чрезмерное ограничение оглашения показаний в судебном разбирательстве вредно, так как не позволяет суду выполнять возложенную на него функцию правосудия. Безусловно, если на суде лежит обязанность правильно установить обстоятельства произошедшего, то он должен обладать правом исследовать в установленной процедуре надлежащим образом полученные доказательства.

¹ Бурносова Ю.Л. К вопросу о запрете использования данных, полученных при оглашении показаний обвиняемого, для обоснования приговора // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (46). С. 101.

В то же время оглашение показаний должно допускать лишь ограниченное судебское усмотрение. Здесь может применяться формула: ограниченность суда в оглашении показаний по своей инициативе при активности суда в устранении причин наличия оснований для оглашения показаний.

В плане совершенствования института оглашения показаний в судебном разбирательстве уголовных дел важно учитывать технологическую природу исследования доказательств, которая может рассматриваться как социальная технология, т.е. структурированный, осуществляемый с учетом накопленных знаний и опыта процесс социального взаимодействия, в котором каждый, в данном случае участник судебного разбирательства, реализует свою стратегию. Эту же природу носит оглашение показаний, являющееся частью исследования доказательств.

Такой подход, в частности, позволяет структурировать процесс оглашения показаний потерпевшего и свидетеля с учетом позиций Конституционного Суда РФ¹ а также Европейского суда по правам человека. Последние теперь не носят для нашей правовой системы обязательный характер, но могут в данном случае иметь характер методологический (имеется в виду трехступенчатый тест дела «Аль-Хавайа»²). Исходя из данных позиций, следует выделять условия для оглашения показаний не явившихся в суд потерпевшего и свидетеля и условия для ссылки на оглашенные показания в приговоре суда.

Для оглашения показаний отсутствующего потерпевшего или свидетеля необходимо: 1) установление наличия исключительных случаев, предусмотренных законом (ч. 2 ст. 281 УПК РФ); 2) выяснение причин неявки потерпевшего или свидетеля, которые должны быть уважительными (наличие веских оснований неявки); 3) принятие исчерпывающих мер для обеспечения участия в судебном заседании неявившихся потерпевшего или свидетеля. Такие меры должны приниматься как стороной обвинения, так и судом; 4) необходимо также

¹ Определение Конституционного суда РФ от 10.10.2017 № 2252-О «По жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Case of Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom. Judgment of the Grand Chamber 15 December 2011/ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108072/> (дата обращения: 10.01.2024).

установить наличие у обвиняемого возможности задать вопросы показывающему против него потерпевшему или свидетелю либо оспорить достоверность их показаний на предыдущих стадиях производства по уголовному делу.

После оглашения показаний отсутствующего потерпевшего или свидетеля суд, чтобы иметь возможность сослаться на них в приговоре, должен: 1) окончательно установить, имеются ли достаточные уравновешивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты, в том числе обеспечив в ходе судебного разбирательства надлежащее исследование (проверку и оценку) оглашенных показаний; 2) определить, являлись ли показания неявившегося потерпевшего или свидетеля единственным и решающим основанием для вынесения приговора, что, думается, не может и не должно осуществляться при принятии решения об оглашении таких показаний во избежание обвинительного уклона. Судья должен применять правило «единственного и решающего доказательства» уже при оценке оглашенных показаний неявившегося потерпевшего или свидетеля в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами.

Е.В. Елагина, Т.Г. Николаева

БОЛЕЕ 20 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ В ИНСТИТУТЕ ПРОКУРАТУРЫ РФ: ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮБАВИНЕ АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ

В 1966 г. приступил к своей работе созданный на основе курсов усовершенствования следователей Прокуратуры СССР Институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка СССР. Возглавил этот институт Александр Петрович Филиппов, руководивший до этого указанными выше курсами. Немногочисленный изначально штат сотрудников составили высококвалифицированные специалисты, имевшие большой опыт следственной, прокурорской, экспертной деятельности: В.С. Бурданова, И.Е. Быховский, В.Л. Васильев, А.Н. Басалаев, Г.А. Густов, Б.В. Волженкин и многие другие.

Несмотря на наличие прекрасных специалистов в области квалификации преступлений, уголовного процесса, криминалистики, созданному институту нужен был высококвалифицированный юрист, но при

этом обладающий опытом вузовской работы для создания прочной методической, учебной, научной базы института, всего того, что могло обеспечить надлежащее качество повышения квалификации следователей и прокуроров. Таким человеком оказался Александр Алексеевич Любавин – декан юридического факультета одного из старейших вузов страны – Томского государственного университета. Предстояла большая работа по всем направлениям деятельности любого вуза – учебной, методической, научной, но, при этом, учитывая специфику созданного института, – еще и необходимость установления тесной связи с практиками: прокурорами, следователями, экспертами. И Александр Алексеевич с головой окунулся в эту сложную работу. Благодаря его усилиям в институте была создана крепкая учебная база, которая действует и развивается в настоящее время. Усилиями Александра Алексеевича стало возможным привлечение к проведению учебных занятий представителей Прокуратуры СССР, МВД союзных республик, а в дальнейшем – повышение квалификации не только отечественных прокуроров и следователей, но и зарубежных: Кубы, Монголии, Вьетнама, Болгарии и др.

Помимо организации учебного процесса, А.А. Любавин руководил еще и научной работой созданного института, поэтому он хорошо понимал необходимость издания учебной и научной литературы и добивался этого. Во время деятельности А.А. Любавина издавалось значительное количество научных и учебных работ, посвященных проблемам квалификации преступлений, методики их расследования, проблемам применения уголовно-процессуального закона.

Нельзя не отметить и то, что А.А. Любавин не только руководил учебной и научной деятельностью института, но и сам с удовольствием читал лекции, вел семинарские занятия, также он являлся автором научных статей и методических пособий.

За многолетнюю и плодотворную работу по повышению квалификации прокурорско-следственных кадров А.А. Любавин неоднократно поощрялся приказами Генерального прокурора, награжден высшей ведомственной наградой – нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры».

Мы помним Александра Алексеевича Любавина как руководителя, заложившего фундамент функционирования нашего института прокуратуры, работающего в интересах его развития и совершенствования, как хорошего ученого и преподавателя, как открытого, общительного человека.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА
НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА В СЛУЧАЯХ, НЕ ТЕРПЯЩИХ
ОТЛАГАТЕЛЬСТВА, НА ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА,
ПОХИЩЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Уже более 9 лет назад Конституционным Судом Российской Федерации сформулирована позиция о том, что наложение ареста в стадии предварительного расследования на денежные средства, находящиеся на счете кредитной организации и ставшие предметом хищения, является достаточной мерой для обеспечения их сохранности¹.

Тем не менее в правоприменительной деятельности так или иначе возникают сложности при реализации норм уголовно-процессуального законодательства, в частности, при наложении ареста в случаях, не терпящих отлагательства, на безналичные денежные средства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 158, 159 УК РФ.

Отечественным уголовно-процессуальным законодательством допускается производство процессуальных действий, ограничивающих конституционные права лиц, на основании постановления следователя без получения судебной санкции в случаях, когда промедление их производства может привести к непоправимым последствиям, таким, например, как безвозвратная утрата или сокрытие предмета преступления. В этом случае не позднее 3 суток с момента начала производства этого действия следователь обязан уведомить судью и прокурора о его производстве, которые проверяют законность принятия такого решения, а также самой процедуры процессуального действия.

¹ По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»: постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2024).

Вместе с тем новеллы современности требуют от законодателя и правоприменителя актуального подхода к расследованию уголовных дел, в том числе для обеспечения эффективности и качества расследования.

Возможность наложения ареста на имущество в случаях, не терпящих отлагательства, появилась у следователя в 2006 г. с внесением соответствующих изменений в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, тогда же текст статьи пополнился и ссылкой на ст. 104.1 УК РФ, включающую в себя перечень преступлений, при расследовании которых возможно безотлагательное наложение ареста на имущество. Если с объектами материального мира вопросов не возникает, то денежные средства, находящиеся на счетах в кредитных организациях и похищенные с использованием информационно-телекоммуникационных средств, вызывают немалые дискуссии и существенные проблемы для следователей. Прежде всего, это обусловлено тем, что данные денежные средства не существуют как предмет материального мира. Фактически их можно отнести к обязательству банка перед кредитором (владельцем счета) на определенную сумму, записанную на счете. Более того, данные денежные средства обезличены и идентифицировать их возможно только по общей сумме и, как правило, в пределах того счета, на который они были первоначально перечислены в результате хищения. Все эти факторы требуют от правоохранительных органов незамедлительной реакции на сообщения о хищениях безналичных денежных средств, в том числе в виде их ареста на расчетных счетах кредитных организаций в случаях, не терпящих отлагательства.

Практика в этом вопросе складывается достаточно неоднозначно. К примеру, в Ленинградской области судьей Всеволожского городского суда по уголовному делу, возбужденному по ч. 3 ст. 159 УК РФ, решение следователя о наложении ареста на похищенные денежные средства, находящиеся на счету третьего лица, в случаях, не терпящих отлагательства, признано законным исходя из фактических обстоятельств¹. В данном регионе и некоторых других приведенная практика является устоявшейся.

¹ Постановление Всеволожского городского суда Ленинградской области по уголовному делу № 3/6-289-2023 от 29.05.2023 // Архив СУ МУ МВД России по Всеволожскому району Ленинградской области.

Вместе с тем Привокзальным районным судом г. Тулы арест, наложенный в случаях, не терпящих отлагательства, на денежные средства, находящиеся на банковском счете, по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 159 УК РФ, признан незаконным. Свое решение суд мотивировал тем, что ст. 159 УК РФ не входит в перечень статей, указанных в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, по которым возможна конфискация, а следовательно, и наложение ареста на имущество, в случае, не терпящем отлагательства¹. Описанное решение не является единым как для данного региона, так и для ряда других, в частности, и Алтайского края.

Таким образом, видим, что при одинаковых обстоятельствах суды выносят совершенно разные решения, которые неизбежно отражаются на качестве и результатах расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 158, 159 УК РФ, составляющих львиную долю от числа всех зарегистрированных на территории Российской Федерации.

Причиной этому, на наш взгляд, является невнесение изменений в действующее законодательство, а именно в п. «А» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, содержащий перечень статей УК РФ, по которым возможно наложение безотлагательного ареста. Очевидно, что в этом перечне не хватает ст. 158, 159 УК РФ.

Предложенные на первый взгляд незначительные дополнения разрешили бы множество проблем, возникающих у следователей в процессе расследования преступлений о хищении денежных средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, привели бы к единообразию существующей практики, а также позволили бы обеспечить соблюдение принципов уголовного судопроизводства.

¹ Постановление Тульского районного суда г. Тулы по уголовному делу № 12301700021530629 от 13.10.2023 // Архив СУ УМВД России по г. Туле.

ИЗЪЯТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКИ: ГАРАНТИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Право на неприкосновенность частной жизни является одним из основополагающих конституционных прав человека. По общему правилу ограничение этого права допускается только на основании судебного решения¹.

Право на неприкосновенность частной жизни обычно рассматривается как самостоятельный принцип уголовного процесса или как совокупность нескольких принципов (права на неприкосновенность жилища, тайны переписки). Текст соответствующих уголовно-процессуальных норм рассчитан на «традиционное» его понимание, на «бумажные» письма, приходящие в почтовое отделение. И лишь в ч. 7 ст. 185 УПК РФ коротко говорится о том, что при наличии достаточных оснований следователем по решению суда могут быть проведены осмотр и выемка электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. Однако в связи с широким распространением цифровых технологий и появлением новых способов коммуникации в настоящее время актуальным является вопрос обеспечения гарантий неприкосновенности частной жизни при изъятии электронной переписки.

Дискуссионным является вопрос регламентации границ раскрытия информации, составляющей тайну личной жизни, тайну переписки, а также порядок получения такой информации у оператора связи или интернет-провайдера при изъятии электронной переписки.

Представляется необходимым выделить 2 этапа взаимодействия следователя и оператора связи или интернет-провайдера:

1) Запрос о наличии испрашиваемой информации в содержании электронной переписки.

¹ См., например: Даниленко И.А., Васильев Н.В. Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10. С. 150–157.

2) Непосредственно выемка или осмотр электронной переписки.

На первом этапе следователю необходимо выяснить, содержится ли в электронной переписке интересующего его субъекта информация, имеющая значение для уголовного дела. То есть происходит сортировка всех сообщений по ключевым словам, получателям или иным идентификаторам, способным сократить размер исследуемых данных. Как раз-таки наличие данного этапа позволяет нивелировать нарушение принципа неприкосновенности частной жизни, так как сокращает объем информации, попадающей в поле зрения следователя. Также на рассматриваемом этапе интернет-провайдер или оператор связи в принципе способен определить, подлежит ли раскрытию запрашиваемая следователям информация, составляющая тайну переписки. В настоящее время отсутствует законодательство, а также внутренние акты компаний (источники «мягкого» права), которые регламентировали бы объем и основания для предоставления данной информации. Исходя из необходимости выстраивания баланса публичных и частных интересов, предлагается регламентировать основания предоставления информации по запросу следователя в зависимости от тяжести преступления, определить объем предоставляемой информации путем модернизации действующего законодательства либо издания «внутреннего» акта для провайдеров.

Помимо этого, целесообразным представляется регламентировать в законе перечень информации, которая может быть запрошена и получена у интернет-провайдера или оператора связи на примере ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи»¹. На основании анализа указанной нормы можно сделать вывод, что информацию о контрагентах по электронной переписке, их наименованиях и адресах электронной почты возможно получить от провайдера только на основании судебного решения. Однако электронная переписка отличается от «традиционной» тем, что в ряде случаев провайдер имеет доступ не только к «внешней» информации, но и к ее содержанию. Возникает вопрос о том, может ли следователь запрашивать у провайдера информацию о наличии переписки, использующей те или иные «ключевые слова», и если да, то нужно ли для этого судебное решение.

¹ Федеральный закон «О почтовой связи» от 17.07.1999 № 176-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2024. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

После «отсеивания» информации, а также при наличии оснований для предоставления интересующей информации следователь производит выемку или осмотр электронной переписки. Для обеспечения субъекта переписки гарантиями неприкосновенности частной жизни возможна аналогия с проведением следственных действий в отношении почтово-телеграфных отправок – в отношении ареста почтово-телеграфных отправок предусмотрен порядок производства следственных действий: осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправок производится следователем в соответствующем учреждении связи, а также при обязательном наличии в качестве одного из понятых сотрудника службы связи. Такие гарантии также подошли бы и в отношении переписки – производить выемку, осмотр, снятие копий в помещении провайдера, а также при обязательном присутствии сотрудника, который мог бы контролировать процесс осуществления указанных следственных действий.

Таким образом, действующее законодательство не содержит необходимых гарантий защиты права на неприкосновенность частной жизни при изъятии электронной переписки. Представляется необходимым совершенствование законодательства на примере уже действующих норм, а также создание новых механизмов защиты с учетом тонкостей и особенностей, связанных с электронной перепиской.

М.Ю. Тарасов

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В Российской Федерации на регулярной основе обобщаются сведения о соблюдении положений Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) «О пожарной безопасности»¹ в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Анализ поступающих из субъектов Российской Федерации материалов по фактам пожаров свидетельствует, что практически во всех учреждениях УИС систематически выявляются нарушения норм названного закона,

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 26 декабря. № 35. Ст. 3649.

а также других нормативно-правовых актов, определяющих правила противопожарного режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы¹.

К примеру, в ИК-19 допускались нарушения требований ст. 37 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», ч. 2–4 ст. 4, ст. 52, 54 Федерального закона от 22.07.2008 № 123-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»², п. 3.3 «СП 3.13130.2009 г. Свод правил. Системы противопожарной защиты. Система оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре. Требования пожарной безопасности», утвержденный приказом МЧС РФ от 25.03.2009 № 173³, п. 54 «Правил противопожарного режима в Российской Федерации», утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.09.2020 № 1479 (ред. от 30.03.2023)⁴. Так, система автоматической пожарной сигнализации, оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре в отряде строгих условий отбывания наказания (запираемое помещение № 2), отрядах № 2, 3, 8, 9, транзитно-пересыльном пункте и штрафном изоляторе находилась в неисправном состоянии. В отряде № 5 система автоматической пожарной сигнализации, оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре отсутствовала. В нарушение пп. «к» п. 16 Правил противопожарного режима в транзитно-пересыльном пункте и дежурной части ИК-19 осуществлялось хранение под лестничным маршем первого этажа горючих материалов.

В ходе проверки в Ангарской ВК выявлено, что в общежитии отряда № 1 на эвакуационной лестнице отсутствовало освещение, распреде-

¹ Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. К вопросу о применении правовых норм при обеспечении пожарной безопасности на объектах ФСИН России (на примере Волгоградской области) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 3 (67). С. 180–186.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. 28 июля. № 30 (часть I). Ст. 3579.

³ «СП 3.13130.2009 г. Свод правил. Системы противопожарной защиты. Система оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре. Требования пожарной безопасности». Утвержден приказом МЧС РФ от 25.03.2009 № 173. М. : МЧС России, 2009. 7 с.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 28 сентября. № 39. Ст. 6056.

лительная коробка системы электроснабжения, расположенная в коридоре психологической лаборатории, защитной крышкой не была снабжена.

В КП-20 выявлены факты эксплуатации в промышленной зоне осветительных приборов с электропроводкой, имеющей видимые нарушения изоляции, что не отвечает правилам пожарной безопасности. Трудоустроенный осужденный осуществлял работы угловой шлифовальной машинкой в непосредственной близости с хранящимися кислородным и пропановым баллонами, чем создавалась угроза их воспламенения¹.

Сходные в целом данные наблюдаются и по УФСИН России по Волгоградской области².

Можно констатировать, что в пенитенциарных учреждениях различных регионов налицо многочисленные системные нарушения законодательства в рассматриваемой отрасли, допускаемые вследствие отсутствия должного контроля со стороны ответственных должностных лиц УИС.

Как уже обосновывалось, необходимо, прежде всего, принять дополнительные меры по усилению ведомственного контроля за соблюдением в учреждениях и органах УИС законодательства о пожарной безопасности, при этом не снижая темпов и интенсивности мер прокурорского реагирования на выявленные недостатки. Целесообразно обеспечить дифференцированный подход к выбору средств прокурорского реагирования на нарушения закона, учитывая их значимость, распространенность, длительность и ранее принимавшиеся меры, обратив особое внимание на состояние ведомственного контроля со стороны территориальных органов УИС. Следует продолжить проведение проверок соблюдения исправительными учреждениями требований законодательства об обеспечении пожарной безопасности, практиковать привлечение к их проведению сотрудников органов МЧС, обладающих

¹ Анализ в сфере обеспечения пожарной безопасности в исправительных учреждениях Иркутской области за 1 полугодие 2023 г. // Материалы о состоянии законности в сфере обеспечения пожарной безопасности в исправительных учреждениях. Иркутск, 2023.

² Анализ осуществления надзора за исполнением законодательства в сфере обеспечения пожарной безопасности в учреждениях, подведомственных УФСИН России по Волгоградской области, за 6 месяцев 2023 года // Материалы о состоянии законности в сфере обеспечения пожарной безопасности в исправительных учреждениях. Волгоград, 2023.

специальными познаниями в анализируемой сфере.

Кроме того, целесообразно обязать территориальный орган ФСИН провести служебные занятия с личным составом подведомственных учреждений на предмет знания норм и требований пожарной безопасности, а также алгоритма действий в чрезвычайных ситуациях¹.

В.А. Тыняный

О ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ИЗМЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И ИНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ОСНОВАНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ч. 1 ст. 35 УПК РФ

Изменение территориальной подсудности уголовного дела допускается в исключительных случаях по основаниям и в порядке, указанным в ст. 35 УПК РФ. Многие вопросы, возникавшие у судов, разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 № 22 «О применении судами норм УПК РФ, регламентирующих подсудность уголовного дела»². Между тем анализ научной литературы³ и складывающейся правоприменительной практики показывает, что процессуальный порядок рассмотрения судами ходатайств об изменении территориальной подсудности уголовных дел нуждается в совершенствовании.

Во-первых, предлагается сократить как срок апелляционного обжалования решения об изменении территориальной подсудности до 5 суток, так и срок начала рассмотрения апелляционных жалоб или представлений

¹ Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. К вопросу о применении правовых норм при обеспечении пожарной безопасности на объектах ФСИН России (на примере Волгоградской области) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 3 (67). С. 180–186.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8. С. 21–23.

³ Например: Коновалова Е.Е. Порядок изменения территориальной подсудности в уголовном процессе: «новеллы» практики // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 230–240.

в суде апелляционной инстанции, предусмотренный ст. 389.10 УПК РФ, до 10 суток, что сопоставимо со временем рассмотрения вопроса об изменении подсудности, указанного в ч. 3 ст. 35 УПК РФ.

Несмотря на то, что срок рассмотрения вопроса об изменении территориальной подсудности ограничен до 10 суток со дня поступления ходатайства, уголовное дело находится в суде еще 15 суток до момента вступления постановления в законную силу. Требуется время на организацию отправки материалов дела между судами, а в случае обжалования постановления об изменении подсудности добавляется срок для выполнения требований ст. 389.7 УПК РФ и время для апелляционного производства с организацией отправки дела в другой регион по месту нахождения суда (в апелляционные суды общей юрисдикции при разрешении ходатайства областными и равными им судами либо в Верховный Суд РФ, при разрешении ходатайств кассационными судами общей юрисдикции). Изучение материалов уголовных дел, по которым Новосибирским областным судом рассматривались ходатайства об изменении подсудности в 2023 г., показало, что в отдельных случаях при обжаловании сторонами постановления вышестоящего суда дела поступали в суд для рассмотрения по существу, с учетом изменения подсудности, в срок, превышающий 3 месяца со дня первоначального его направления в суд прокурором.

Во-вторых, для сокращения сроков разрешения вопроса о подсудности предлагается предоставить прокурору право, на стадии выполнения требований ст. 222 УПК РФ, при наличии сведений о невозможности рассмотрения дела судом, когда все судьи данного суда ранее принимали участие в производстве по рассматриваемому уголовному делу, направить уголовное дело в вышестоящий суд для решения вопроса об изменении подсудности.

В том случае, если такими сведениями будет располагать суд апелляционной инстанции, в случае отмены приговора или иного решения и направлении дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение закрепить за апелляционным судом право изменять территориальную подсудность.

В-третьих, предоставить судье право при выполнении требований ст. 227 УПК РФ инициировать вопрос об изменении подсудности дела. Закрепление такого права только за председателем суда противоречит положениям ч. 1 ст. 30 УПК РФ и положениям п. 3.4 Инструкции по

судебному делопроизводству в районном суде, согласно которым поступившие уголовные дела распределяются в автоматизированном режиме и передаются для рассмотрения судьей без участия председателя суда¹. В этом случае остается неурегулированным вопрос о мировых судьях, которым уголовные дела поступают в производство также без участия председателя районного суда.

При наличии ходатайства стороны, выполняя требования гл. 33 УПК РФ, судья оценивает доводы, направляет дело в вышестоящий суд для его рассмотрения либо возвращает, назначая судебное заседание. Вопрос о законности состава суда в этом случае может быть поставлен при обжаловании итогового судебного решения. Такой порядок исключает необоснованное направление дел в вышестоящие суды. Для уточнения доводов по ходатайству при необходимости предлагается проводить судебное заседание в порядке ч. 2 ст. 228 УПК РФ (например, для выяснения мнения других обвиняемых при заявлении одним из них ходатайства об изменении подсудности по основанию, предусмотренному пп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ). Решение судьи оформляется постановлением.

В-четвертых, требует разрешения вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела, рассматриваемого в составе судьи и коллегии присяжных заседателей, когда в силу объективных причин не представляется возможным длительное время сформировать коллегию присяжных заседателей (недостоверно сформированы списки, когда большая часть кандидатов не проживает на территории района, отказ от явки кандидатов в силу обстоятельств дела и участников судебного заседания и других причин). Согласно ч. 2 ст. 35 УПК РФ, изменение подсудности при указанных обстоятельствах недопустимо.

Дискуссионным остается вопрос об уровне суда, рассматривающего ходатайство об изменении территориальной подсудности. Например, ходатайство об изменении подсудности уголовного дела с передачей на рассмотрение по существу мировому судье другого кассационного округа рассматривается судьей Верховного Суда РФ, что не соответствует принципу процессуальной экономии, когда задействуется

¹ Утверждена Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (в ред. от 22.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

высший судебный орган для рассмотрения материалов, не имеющих правовую сложность.

Предлагается также проработать и закрепить критерии установления территориальной подсудности дела в случае ее изменения.

М.А. Шаина

СРОК ДАВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ИСКУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Согласно ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2) и возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Статья 44 УПК РФ указывает на возможность предъявления гражданского иска после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

В гражданском судопроизводстве действует общее правило о сроке защиты имущественных прав лиц – участников гражданских правоотношений. Так, положения п. 1 ст. 200, ст. 202–205 ГК РФ закрепляют правила о начале течения срока исковой давности, приостановлении, перерыве течения срока исковой давности, течении срока исковой давности в случае оставления иска без рассмотрения, восстановлении срока исковой давности.

Учитывая тот факт, что гражданский иск в уголовном процессе имеет целью восстановление имущественного положения лица, потерпевшего от преступления, то с учетом положений ст. 49 Конституции РФ и статьи 14 УПК РФ срок исковой давности подлежит исчислению с даты вступления в законную силу приговора суда. Именно с датой

вступления приговора в законную силу закон связывает признание лица виновным в совершении инкриминируемого ему деяния.

Данный вывод подтверждается состоявшимися судебными решениями. Так, например, «основанием для взыскания в солидарном порядке со Степанова А.Н. и Виноградова А.Н. причиненного истцу ущерба является приговор Якутского городского суда РС(Я) от 27 марта 2015 года, вступивший в законную силу 07 апреля 2015 года. Именно данным приговором установлен факт причинения материального ущерба, лица, виновные в причинении ущерба преступлением, размер ущерба. Следовательно, право потерпевшего на обращение с требованиями о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, возникло с указанного момента»¹.

Следует отметить, что в случае, если уголовное дело было возбуждено по факту совершенного преступления, либо если на момент возбуждения уголовного дела не был установлен круг лиц, причастных к совершенному преступлению, а потерпевший тем не менее был признан гражданским истцом, то срок исковой давности по данному иску надлежит исчислять не ранее чем с даты предъявления обвинения причастному лицу² (в указанном решении признана потерпевшей в 2007 г., тогда как круг причастных лиц установлен лишь в 2013 г., тем не менее первая и апелляционная инстанции прекратили производство по делу ввиду пропуска срока защиты права; суд кассационной инстанции допущенное нарушение исправил).

Причем следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что общие сроки исковой давности распространяются и на требования гражданским истцом о компенсации им так называемого «сопутствующего ущерба» в результате преступления – упущенной выгоды, процентов за пользование чужими денежными средствами и пр. Как было отмечено в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 июня 2019 г. № 13АП-11418/19, «кроме того, податель апелляционной жалобы оспаривает выводы суда первой инстанции о том, что истцом пропущен срок исковой давности, считая их несостоятельными, с учетом того, что основанием заявленных истцом исковых

¹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 21 октября 2015 г. по делу № 33-3895/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 августа 2018 г. № 5-КГ18-134 // СПС «КонсультантПлюс».

требований по настоящему делу являлось возмещение ущерба, причиненного преступлением, следовательно, срок исковой давности для обращения в суд подлежит исчислению с момента вступления постановления Ленинградского районного суда г. Калининграда в законную силу, и этот срок истцом не пропущен. Указывая период возникновения убытков – 01.01.2012, истец обратился в суд 27.11.2018, следовательно, срок исковой давности по требованиям о взыскании убытков (упущенной выгоды) за период с 01.01.2012 по 27.11.2015 пропущен.

Доводы подателя апелляционной жалобы о необходимости исчисления срока исковой давности с момента вынесения постановления от 31 мая 2018 года Ленинградского районного суда г. Калининграда основаны на неверном толковании норм права»¹.

Однако в случае если заявленный в рамках уголовного процесса гражданский иск оставлен судом без рассмотрения, то течение срока исковой давности продолжается в общем порядке. При оставлении без рассмотрения иска, предъявленного в уголовном деле, течение срока исковой давности приостанавливается до вступления в законную силу приговора, которым иск оставлен без рассмотрения.

После перерыва течения срока исковой давности, срок исковой давности продолжает течь; при этом оставшийся срок удлиняется до шести месяцев за изъятием оснований, указанных в п. 3 ст. 204 ГК РФ.

Т.И. Шатовалова

НЕОБХОДИМОСТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА – ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Часть 2 статьи 74 УПК РФ в перечне источников доказательств называет заключение и показания эксперта. Соответственно, заключение эксперта должно оцениваться по общим правилам оценки доказательств в соответствии со ст. 88 УПК РФ, но это не всегда так.

В отличие от других доказательств, заключение эксперта имеет свои особенности.

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 июня 2019 г. № 13АП-11418/19 // СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, данное доказательство практически получает не тот, кто назначает экспертизу, а тот, кто ее проводит, т.е. лицо, обладающее специальными знаниями в определенной области науки, техники, искусства или ремесла.

Во-вторых, заключение эксперта основывается на использовании специальных знаний, которыми должен обладать эксперт и которыми не располагают те лица, которые вправе эту экспертизу назначить.

В-третьих, суд, следователь, прокурор, дознаватель, оценивая данное доказательство, могут проверить только соблюдение экспертом процессуальной формы этого доказательства, а не сам ход исследования.

Лицо, назначившее экспертизу, оценивает полученное заключение эксперта по своему внутреннему убеждению, которое основано на всестороннем, полном и объективном изучении всех обстоятельств дела в их совокупности, но оно, как правило, самостоятельно не в состоянии оценить научную обоснованность выводов заключения эксперта и то, насколько правильно им были выбраны и применены методики исследования.

В последнее время возникла тенденция недоверия у граждан, вовлеченных в судопроизводство, к заключениям экспертов. Это вызвано многими причинами (у многих на слуху уголовные дела, где, по заключениям экспертов, под колеса машин попадали малолетние дети, находящиеся в сильной степени алкогольного опьянения). При анализе подобных случаев, который проводится саморегулируемыми организациями судебных экспертов, чаще всего называют некомпетентность эксперта, которая может быть вызвана разными причинами: низким уровнем подготовки или недостаточным практическим опытом, а также дачей экспертом заведомо ложного заключения.

Реальным выходом из сложившейся ситуации может стать рецензирование сведущими лицами заключений экспертов. Только специалист сможет профессионально оценить заключение и обнаружить в нем допущенные ошибки либо другие недостатки.

В ГПК РФ мы можем найти ст. 188 – консультация специалиста. Наличие данной статьи подтверждает, что суд не всегда способен самостоятельно оценить выводы судебной экспертизы с точки зрения научной обоснованности. Полагаем, что данная статья может быть применена и в уголовном судопроизводстве по аналогии.

Более того, в своем определении от 25 января 2018 г. по делу № 305-ЭС17-11486 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ определила статус рецензии на судебную экспертизу, указав,

что суды не вправе отказывать стороне в приобщении рецензии на судебную экспертизу к материалам дела¹.

Давая оценку заключению эксперта, соответствующий специалист делает это в не процессуальной форме, так как УПК РФ пока не предусматривает процедуры рецензирования. Рецензия заключения эксперта как документ в настоящее время не предусмотрена в правовой системе Российской Федерации ни одним процессуальным законом, но выход все же есть. По нашему мнению, такая рецензия может быть оформлена в виде заключения специалиста.

Рецензируя заключение эксперта, специалист не оценивает его с точки зрения допустимости доказательства, это обязанность следователя и суда. Специалист анализирует заключение эксперта по тому, насколько оно является научно обоснованным, соответствовало ли проведенное исследование тем рекомендациям, которые были выработаны общей теорией судебной экспертизы и являются актуальными. Рецензент в таком случае всего лишь высказывает свое мнение о проведенном исследовании как профессионал в определенной области знаний и не может выходить за эти пределы.

Полученный в результате документ уже в качестве заключения специалиста может быть приобщен к материалам дела следователем или судом.

Оценивая представленное на рецензирование заключение, специалист может ответить на такие вопросы:

- 1) были ли исследованы все объекты, которые были направлены на исследование;
- 2) были ли выявлены у представленных объектов все возможные диагностические и идентификационные признаки;
- 3) были ли использованы рекомендованные и актуальные методы и методики исследования;
- 4) ответил ли эксперт на все поставленные перед ним вопросы, а в случае отказа дать ответ на какие-то из вопросов, обоснован ли был этот отказ;

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2018 по делу № 305-ЭС17-11486, А 40-73410/2015. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25012018-po-delu-n-305-es17-11486-a40-734102015/?ysclid=lx52nlx88s646563192>

5) насколько полно, всесторонне и доступно в заключении описан ход и результаты проведенного исследования, приложен ли соответствующий иллюстративный материал.

Все это позволит в дальнейшем избежать судебных ошибок при принятии следователем или судом процессуальных решений.

В.В. Ясельская

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗАЩИТНИКОМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Несмотря на расширение познавательных возможностей защитника в уголовном процессе, участие в следственных действиях остается одной из основных форм участия в собирании доказательств и активно используется адвокатами на практике. Производство следственных действий с участием защитника не только служит гарантией соблюдения закона и обеспечивает полноту и объективность результатов этих следственных действий, но и существенно расширяет познавательные возможности защитника.

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник вправе участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном УПК. Право защитника фиксировать ход и результаты следственного действия, в том числе с помощью технических средств, прямо не закреплено, но и не запрещено уголовно-процессуальным законом.

Согласно п. 6 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокату предоставлено право фиксировать информацию (в том числе с помощью технических средств), содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну. Однако анализ данной нормы не позволяет сделать однозначный вывод, является ли данное право автономным или это лишь средство реализации права адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела по окончании расследования.

В юридической литературе вопрос о возможности использования защитником технических средств при производстве следственных действий является дискуссионным. Так, по мнению А.В. Рагулина, использование защитником технических средств при производстве следственных действий позволяет контролировать деятельность должностных лиц, может способствовать объективной фиксации хода и результатов следственного действия. Проблемы же, непосредственно связанные с реализацией права защитника использовать технические средства, по его мнению, во многом обусловлены укоренившимся в правоприменительной практике ограничительным толкованием п. 6 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Как верно отмечает автор, запрет на использование технических средств в современном российском уголовном процессе при нынешнем уровне развития науки и техники представляется явным анахронизмом¹, и с этим трудно поспорить.

Однако ряд авторов считают недопустимым использование защитником, участвующим в следственном действии, технических средств без разрешения следователя. Так, по мнению В.А. Калюжной, использование адвокатом-защитником аудио- и видеозаписи при производстве следственного действия может привести к разглашению тайны предварительного следствия².

А.А. Давлетов также считает, что исключительным правом использовать технические средства в ходе следственного действия обладает следователь, а защитник правомочен применять технические средства лишь по окончании следственного действия для копирования материалов, полученных при его проведении. Он пишет, что «...законодатель ясно и однозначно наделяет следователя статусом государственно-властного “хозяина” дела, исполняющего руководящую роль в производимом им действии. А защитнику отводится второстепенная роль с ограниченными возможностями и обязанностью выполнять законные требования следователя»³. Не оспаривая тезис о том, что следователь «хозяин дела», действительно он определяет ход и направление расследования и тактику следственных действий,

¹ Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в РФ: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 325.

² Калюжная В.А. Процессуальные и тактические проблемы участия защитника в следственных действиях : дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 84.

³ Давлетов А.А. Право адвоката применять технические средства при производстве следственных действий // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 44.

но и адвокат с «ограниченными возможностями», вряд ли сможет осуществлять эффективную защиту. С выводом автора о праве защитника копировать протокол следственного действия, в котором он участвовал, следует согласиться. Данный вывод основан на позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 24.02.2005 № 133-О¹.

На практике вопрос о возможности использования адвокатом технических средств также решается неоднозначно. Следователи зачастую запрещают адвокатам производить аудиозапись во время производства следственного действия, обвиняют их в нарушении УПК РФ и КПЭА, адвокаты, в свою очередь, обжалуют решения следователей, все это неизбежно приводит к затягиванию сроков расследования.

В связи с этим является интересной и имеющей под собой основу позиция Совета Адвокатской палаты г. Москвы, в соответствии с которой адвокатам не только не запрещено законом использование технических средств в ходе следственных действий, а наоборот, их применение будет весьма полезным и, несомненно, повысит уровень оказания квалифицированной юридической помощи².

Для того чтобы на практике не возникало подобных разногласий, необходимо в законе регламентировать право защитника осуществлять аудиозапись следственного действия, в котором он участвует, а также снимать копии с протоколов следственных действий, произведенных с участием подзащитного.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляшенко Артура Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² URL: <https://www.advokatmoscow.ru/press/smi/5985/>

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Е.Р. Алимова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Изучив тенденции исследований зарубежной виктимологии с начала XXI в., мы можем сделать следующие выводы: наибольшее внимание зарубежная виктимология уделяет вопросам преступлений, совершаемых на почве ненависти, в том числе преступлений, совершаемых на фоне гендерных различий, различий в сексуальных предпочтениях, насильственным действиям сексуального характера против заведомо слабого оппонента, насилию в семье.

Несколько менее объемно, но все же достаточно полно рассмотрены вопросы восстановления после тюремного заключения, вопросы состояния осужденного во время его пребывания в тюрьме, вопросы дальнейшей жизни вышедших после заключения, в том числе рассматриваются вопросы полноценного восстановления прав бывших осужденных – возможность бывших заключенных занимать должности в суде и необходимость получения осужденными юридического образования.

Вопросы изучения виктимизации населения, связанного с употреблением наркотических веществ, занимают в изысканиях зарубежных виктимологов почетное третье место. Чуть меньше внимания уделяется общим вопросам изучения жертв преступлений, их поведения, прав, восстановления и т.д. В этом же направлении изучаются и аспекты разграничения жертв от преступников.

Подводя итоги обзора зарубежных тенденций в виктимологической науке за XXI в., мы можем утверждать, что основным аспектом, определяющим вектор развития рассматриваемой науки, является формирование культуры толерантного отношения: об этом свидетельствуют

и многочисленные исследования, посвященные преступлениям, совершаемым на почве нетерпимости, включающей в себя разность в цвете кожи, места рождения, гендера, сексуальных предпочтений, способа самовыражения и т.д.; исследования, посвященные восстановлению прав бывших преступников после освобождения, способам возвращения лиц, совершивших преступное посягательство, в юридическое состояние «до» момента совершения посягательства и принятия ответственности за совершенное; исследования, направленные на изучение взаимодействия жертвы и преступника в проектах восстановительного правосудия – предоставление жертве возможности узнать, почему именно она подверглась виктимизации, и конструктивно выстроить диалог с лицом, совершившим преступное посягательство.

Вектор теоретической и практической отечественной виктимологии с приходом XXI в. сместился на разработку правовых основ содействия жертвам преступлений, профилактическую работу, направленную на недопущение вторичной виктимизации жертв преступлений, с одной стороны, и общего противодействия виктимизации населения в целом, с другой.

По итогам рассмотрения направлений исследований в виктимологии зарубежной и отечественной, мы вынуждены согласиться с К.А. Нелюбиным¹ и признать, что несмотря на достижения виктимологической науки, криминалистические алгоритмы в данном направлении разработаны недостаточно и, несмотря на почти 85-летнюю историю, в виктимологической науке до сих пор не выработан единый категориальный аппарат и единый подход к изучению жертв преступлений.

Виктимологическая наука, как известно, богата разнообразными периодами своей истории; ныне принято считать, что этап «виновности жертвы» – периода, когда исследователи рассматривали жертву как персону, целенаправленно совершающую какие-либо действия, направленные на возбуждение у преступника преступного же интереса, остался в прошлом, однако отголоски указанных положений встречаются в научных публикациях до сих пор.

¹ Нелюбин К.А. Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство : по материалам Свердловской области : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 209 с.

За последние два десятилетия виктимология становилась все более прикладной наукой, ставя перед собой задачи практической направленности, как то: восстановление прав и состояния жертвы до совершения деликта; недопущение (профилактика) виктимизации населения. Первое направление активно применяется за рубежом и менее активно развивается в РФ, так как наша исправительная система все же нацелена на «наказание» преступника, а не на восстановление прав жертвы. Второе направление к нашей стране применимо больше.

В рассмотренных тенденциях, как отечественных, так и зарубежных, мы можем четко проследить социальный заказ общества: имеется потребность в разработке новых прикладных моделей виктимности (отечественные достижения), применении на государственном уровне профилактических мер виктимизации населения (зарубежные и отечественные исследования), направленности правосудия не на наказание преступника, а на восстановление прав жертвы (зарубежные тенденции). Имеются и соответствующие потребностям общества тенденции и направления прикладных и теоретических исследований.

На сегодняшний день в криминалистической науке накоплена обширная методологическая база для виктимологической науки, разработаны и реализуются на практике разнообразные методы и приемы, направленные на профилактику виктимизации и устранение ее последствий. Однако несмотря на множественные прикладные исследования, вопрос взаимодействия (выбора жертвы, модели поведения непосредственно во взаимодействии, до/после) преступника определенной направленности с жертвой, т.е., выражаясь простым языком – какое поведение делает жертву жертвой, – остается открытым.

Р.Л. Ахмедшин

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Исходная целостность знания базируется на целостности её понятийного аппарата. В силу сказанного постоянный мониторинг актуальности вводимых недавно, равно как и используемых длительное время понятий есть одна из важнейших методологических задач научного знания, в том числе и криминалистического.

Но так же, как в куче «сокровищ» папуаса может встретиться и золотая монета, дешёвое зеркальце или детский свисток, так и в системе понятий тактико-криминалистической направленности присутствуют как системообразующие конструкции, так и парапонятия. Под парапонятием мы подразумеваем смысловую конструкцию, целью которой является лишь собственное существование. Парапонятие не порождает прикладного знания, выступая:

- как идентификатор групповой принадлежности лица (например, идентификатор принадлежности к группе ученых, исходя из использования профессионального сленга);
- как решение локальной задачи повышения наукообразности проведённого исследования, которая становится актуальной из-за содержательной пустоты полученных результатов;
- как подтверждение конформистской установки в диссертационном исследовании, демонстрации своеобразной верности научным школам, существующим в данной области знания, или как минимум отсутствия «исследовательской агрессии» в отношении этих школ;
- для реализации формирования на базе парапонятия новых парапонятий.

Понятийный арсенал криминалистической тактики достаточно ограничен по объёму. Причиной сказанному является не столько страх исследователей заимствовать понятия из смежных наук, сколько достаточно ограниченное содержательное пространство криминалистической тактики. Парапонятия – естественное явление в гуманитарной академической науке, но в криминалистической тактике парапонятия сконцентрированы вокруг системообразующего понятия для всей криминалистической тактики, вокруг понятия «криминалистический приём». Раньше оно звучало как «следственная хитрость», однако избыток морализации исследователей сталинской эпохи привел к тому, что криминалисты увидели какую-то порочащую для науки о расследовании компоненту в слове «хитрость».

Возвращаясь к парапонятиям, возникшим вокруг понятия «криминалистический приём», отметим, что речь идёт конечно же о понятиях «тактическая комбинация» и «тактическая операция».

По мнению ряда авторов, тактическая комбинация понимается как сочетание тактических приёмов или следственных и иных действий в рамках единого замысла, направленных на решение конкретной задачи конкретного этапа расследования. Все тактические приёмы подпадают

под это определение, если рассматривать решение задач того или иного этапа в целом, ведь именно на него направлен замысел следователя. Тактическая комбинация – это простая сумма тактических приёмов (хотя каждый автор пытается заявлять, но не доказывать обратное). Парапонятийная природа тактической комбинации привела к тому, что несмотря на его активное использование, методики (например, аналогично индивидуализации тактического приёма¹) построения тактических комбинаций реально не существует. Перечисление возможных в конкретной ситуации тактических комбинаций – это не методика, а попытка убедить слушателей в том, что предлагаемая совокупность тактических приёмов имеет системный характер, в то время как мы имеем дело с чистой герменевтикой. Сколько элементов должно быть в тактической комбинации (максимум и минимум); какую предрасположенность к каким тактическим комбинациям имеют различные типы следователей; какие измеряемые и формализуемые факторы определяют эффективность тактической комбинации? Ответов нет именно в силу парапонятийной природы тактической комбинации. Можно заменить понятие тактической операции на СЛОВСОЧЕТАНИЕ «группа тактических приёмов, направленных на решение конкретной, локальной задачи», и ничего в криминалистике не изменится. Словосочетание пусть и более громоздко, но не влечёт за собой бесперспективные по результативности исследования, вытекающее из псевдонеобходимости познания парапонятия.

По мнению ряда авторов, тактическая операция – это сочетание следственных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий, направленных на решение задач расследования с учётом сложившейся по уголовному делу следственной ситуации, объединённых общим замыслом и осуществляемых под единым руководством и в соответствии с ранее составленным планом. Как видно, введение понятия «тактическая операция», обладая тем же уровнем описательности, как и «тактическая комбинация», базируется к тому же на такой слабоформализуемой категории, как «следственная

¹ Воронин С.Э., Ахмедшин Р.Л., Пичугин Д.Г., Галимов О.Х. Теоретико-правовые основы пограничной деятельности. Красноярск: СИБУП, 2023. С. 161; Ахмедшин Р.Л. Индивидуализация тактического воздействия: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 202–206.

ситуация», которая в наше время, несмотря на сотни работ, ей посвящённых, не переведена на уровень реального формализуемого и алгоритмизируемого в рамках нейросетевых алгоритмов прикладного ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.

Заменяем понятие тактической комбинации на СЛОВСОЧЕТАНИЕ «группа тактических приёмов, направленных на решение комплекса задач в рамках конкретной следственной ситуации», и тоже ничего не изменится.

Не вступая в дискуссию о необходимости использования рассматриваемых парапонятий, мы полагаем, что необходимо быть осторожнее с введением новых понятий, не несущих реальной исследовательской ценности, индикатором которой выступает способность к формализации и измеряемости.

С.М. Бобовкин

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Век глобализации и цифровизации предопределяет планомерное и эффективное внедрение передовых достижений науки и техники в судебно-почерковедческую экспертизу. Потребности в совершенствовании теоретических, методических и организационных положений данного рода (вида) судебных экспертиз прежде всего обусловлены расширением круга решаемых задач, некоторой автоматизацией деятельности эксперта-почерковеда, появлением новых методик, методов (преимущественно инструментальных и кибернетических), приемов экспертного исследования, современных технических средств и в особенности широким распространением цифровых и иных специфических объектов исследования.

Анализ практической деятельности государственных судебно-экспертных учреждений Российской Федерации свидетельствует о наличии определенных проблем в части применения специальной терминологии в рассматриваемой области научных знаний. Используемый в настоящее время терминологический и понятийный аппарат отече-

ственного судебного почерковедения был разработан преимущественно в советский период¹. Несмотря на его фундаментальное значение, в современный период он не охватывает всего арсенала инновационных методических и технических средств, используемых в судебно-почерковедческой экспертизе, и требует обновления в соответствии с потребностями экспертно-криминалистической практики.

Помимо этого, следует отметить, что актуальные работы в области терминологического аппарата криминалистического исследования документов были опубликованы в первое десятилетие XXI в. и к настоящему времени не в полной мере отражают современный уровень развития судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы². Данное обстоятельство в большей степени вызвано видоизменением специфики преступной деятельности, равно как и проводимой в целях противодействия ей работы правоохранительных органов, в том числе экспертно-криминалистической. Отсюда широкое распространение специфических объектов судебно-почерковедческого исследования, многообразие способов их имитации, появление новых кибернетических методов и методик экспертного исследования не нашло свое отражение в понятийном аппарате криминалистического исследования документов, что негативно отражается на эффективности судебно-экспертной практики.

Вместе с тем вопросы обновления терминологического и понятийного аппарата судебно-почерковедческой экспертизы в соответствии с современными потребностями правоохранительной деятельности являются одним из приоритетных направлений совершенствования отмеченной области использования специальных знаний.

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость унификации терминологического и понятийного аппарата судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы, конкретизации и уточнения существующих понятий и определений в целях исключения возможности их двоякого толкования. Также актуальной представля-

¹ Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза : учебник для вузов МВД СССР. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1977.

² Словарь основных терминов судебно-почерковедческой экспертизы / под ред. В.Ф. Орловой и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РФЦСЭ, 2003.

ется потребность в формировании отдельных понятий, характеризующих новые объекты судебно-почерковедческого исследования, способы их имитации, современные методы (методики) исследования¹.

В дополнение к отмеченному, актуализация вопросов в части унификации терминологии обусловлена как расширением международного сотрудничества Российской Федерации и стран, входящих в состав СНГ, в области судебно-экспертной деятельности в целом, так потребностями в повышении эффективности подготовки иностранных специалистов, обучающихся в образовательных организациях МВД России, в частности.

Таким образом, в век информационных технологий терминологический и понятийный аппарат судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы не в полной мере соответствует современному уровню развития данного направления криминалистического исследования документов, что определяет актуальность и практическую значимость разработок в отмеченной области научных знаний.

А.А. Бондарева

ЛИЧНОСТЬ МИГРАНТА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Миграционные процессы являются неотъемлемым элементом развития общества и государства.

В настоящее время государством реализуется Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.², в которой содержатся основные направления миграционной

¹ Бобовкин С.М., Диденко О.А. Объекты судебно-почерковедческой экспертизы в условиях современности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 20–25. doi: 10.24412/2073-0454-2023-2-20-25. EDN ORFIVU

² Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709> (дата обращения: 13.01.2024).

политики по выявлению и пресечению нарушений миграционного законодательства Российской Федерации.

Уголовная ответственность за нарушения миграционного законодательства закреплена в ст. 322¹, 322², 322³ УК РФ.

Согласно статистическим сведениям МВД России за период январь–ноябрь 2023 г., были зарегистрированы следующие преступления: организация незаконной миграции – 1 409 преступлений; фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства – 3 674 преступления; фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации – 32 498 преступлений¹.

При раскрытии и расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства важным является изучение их криминалистической характеристики.

Одним из важных высокоинформативных элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства является личность мигранта. Значимость этого элемента в том, что без участия мигранта невозможно совершить преступление указанной категории, причем личность мигранта обладает определенными признаками, которые влияют на ряд структурных элементов механизма совершения преступления², делая этот механизм своеобразным.

Анализ изученных уголовных дел показал, что большинство незаконно пребывающих (проживающих) мигрантов в РФ являются гражданами иностранных государств, а не лица без гражданства. При этом многочисленной группой являются иностранные граждане, прибывшие из стран ближнего зарубежья – 91% (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Грузия, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Укра-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2023 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174/> (дата обращения: 13.01.2024).

² Ларионов И.А. Совершенствование методики расследования преступлений в сфере организации незаконной миграции : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2022. С. 51.

ина). Это обусловлено сходством традиционных морально-нравственных ценностей, менталитета, а также географическим соседством России. Небольшую часть составляют граждане стран дальнего зарубежья – 9% (Социалистическая Республика Вьетнам, Китайская Народная Республика, Турецкая Республика). Хотя данная группа и является малочисленной, но вместе с тем преступления с участием граждан стран дальнего зарубежья все равно совершаются в силу коррумпированности органов государственной власти, заинтересованных в потоке мигрантов как в источнике дохода. В качестве примера сошлемся на уголовное дело в отношении атташе Представительства МИД России в г. Ростове-на-Дону гр. Н, третьего секретаря Генерального консульства России в г. Стамбуле гр. Г., начальника Управления международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности Минэкономразвития Ростовской области гр. Ж., организовавших незаконный въезд граждан Турции посредством оформления и выдачи деловых виз на основании фиктивных приглашений¹.

Исходя из гендерного критерия, в подавляющем большинстве случаев мигрантами являлись мужчины (76%), в остальных случаях – женщины (24%).

Уровень образования мигрантов преимущественно невысокий: около 14% мигрантов не окончили даже среднюю школу, 60% имеют среднее общее образование, 25% – среднее профессиональное образование и лишь 1% – высшее образование.

В соответствии с целями прибытия на территорию РФ мигранты могут быть подразделены на прибывших с целью: осуществления трудовой деятельности (67%); постоянного проживания на территории страны, получения гражданства Российской Федерации (29%); получения образования (2%); с иной целью (2%). В основном прибывшие трудовые мигранты не являются официально трудоустроенными и нелегально работают водителями, грузчиками, дворниками, уборщиками, строителями, разнорабочими и т.д.

По продолжительности нахождения в РФ мигранты подразделяются на лиц: кратковременно пребывающих в стране (83%); длительно находящихся в стране (10%); постоянно проживающих в стране (7%).

¹ Дело № 1-500/2019 // Архив Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону.

Что касается организации незаконной миграции, то в 20% случаях мигрантам был организован незаконный въезд в РФ; в 80% организовано незаконное пребывание (проживание) на территории России.

Таким образом, сведения о личности мигранта выступают весьма важным источником ориентирующей информации по преступлениям в сфере нарушения миграционного законодательства.

Н.И. Валькирия

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Несмотря на развитие научных исследований по изучению человека в криминалистике (Н.Т. Ведерников, Ф.В. Глазырин, В.А. Жбанков, Р.Л. Ахмедшин, Т.С. Волчецкая, И.А. Макаренко, Н.И. Валькирия (Малыхина), Р.И. Зайнуллин, Е.И. Фойгель, А.Г. Бедризов и многие другие), систематизация данных знаний на уровне учения в общей теории криминалистики до сих пор является дискуссионным и неразрешенным вопросом.

При этом многими учеными в рамках исследования тех или иных вопросов криминалистического изучения человека указывается о существовании учения (либо теории), аккумулирующего систему соответствующих знаний в общей теории криминалистики, в качестве констатации факта, что не соответствует реальной действительности, а также в должной мере научно не аргументировано.

Во-первых, до сегодняшнего дня еще не сформированы основы данного учения с соблюдением требований, предъявляемых к подобного рода теоретическим построениям. В частности, не разработаны системно-структурное построение, понятийный аппарат данного учения, отсутствует единый подход к определению объекта, предмета исследования и т.д.

Также следует отметить, что акцентирование научного внимания на данный вопрос либо конструктивные дискуссии по рассматриваемой тематике представлены лишь в единичных работах¹.

¹ См.: Дяблова Ю.Л. Личность в частных криминалистических теориях: классификация подходов к изучению и перспективы их развития // Криминалистика:

Одним из ключевых моментов в данном случае является определение целесообразности изучения индивидуальных качеств субъектов криминалистической деятельности в рамках одного учения наряду с изучением неизвестного преступника, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля.

Анализ литературы показал, что на сегодняшний день отсутствуют достаточные научно аргументированные основания для реализации подобной научной идеи¹.

Во-вторых, не определено общепризнанное наименование данного учения, что обусловлено, в первую очередь, неразрешенностью вышеперечисленных вопросов, поскольку название учения должно быть предопределено его сущностным содержанием.

Ранее нами был проведен достаточно подробный анализ существующих научных точек зрения по данному направлению (криминалистическая теория изучения личности (Я.В. Комиссарова, Е.Н. Холопова); криминалистическая гомология (В.А. Образцов); криминалистическая теория изучения и использования свойств личности при расследовании преступлений (В.А. Жбанков); криминалистическая антропология (Ф.В. Глазырин); криминалистическое учение о личности (Ю.Л. Дяблова) либо о человеке (А.М. Зинин), о личности участника уголовного судопроизводства (И.А. Макаренко), частная криминалистическая теория о личности и защите ее прав (В.М. Шматов), о личностной информации (Г.И. Поврезнюк)²) и обосновано наименование учения как «криминалистическое учение об участниках криминального события», объектами познания которого являются люди – источники сведений о произошедшем преступлении³. При этом целесообразность изучения личностных особенностей субъектов-носителей криминалистически значимой информации именно на уровне учения поставлена под сомнение.

вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 59–68; Валькирия Н.И. Актуальные задачи криминалистического изучения человека на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 101–111.

¹ Подробнее см.: Валькирия Н.И. Указ. соч. С. 103-105.

² Малыгина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. С. 55–56.

³ См.: Там же. С. 61.

Обращает на себя внимание тот факт, что в криминалистической науке сложилась ситуация, при которой ученые в подавляющем большинстве случаев уделяют внимание в первую очередь дискуссиям об определении наименования учения, теории, а не обсуждению концептуальных аспектов их формирования, что нарушает логику решения поставленной научной задачи.

Отметим, разработка концептуальных положений криминалистического изучения человека в общей теории криминалистики на сегодняшний день является актуальным, но нереализованным направлением в науке.

По нашему мнению, актуальной является необходимость всестороннего исследования проблем определения объектов познания этого учения с позиции обоснования необходимости и возможности (учитывая требования, предъявляемые к созданию учения) объединения участников криминального события и субъектов криминалистической деятельности объектами изучения одного учения.

Более того, следует обратить внимание и на изучение такого субъекта криминалистической деятельности, как государственный обвинитель, в силу того, что в имеющихся работах акцентируется внимание лишь на изучение, например, следователя, эксперта, специалиста¹ как возможных объектов учения.

Полагаем, что данный вопрос необходимо исследовать в том числе во взаимосвязи с анализом положений теории криминалистического мышления² на предмет рассмотрения альтернативы по решению проблемы определения места изучения субъектов криминалистической деятельности в общей теории криминалистики.

¹ См.: Комиссарова Я.В., Комиссаров В.И. Криминалистическое изучение личности носителей специальных знаний // Lex Russica. 2014. Т. ХСVI, № 10. С. 1201–1206; Полстовалов О.В. О личности следователя как объекте криминалистического анализа // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22 декабря 2015 г.) / ред.-сост. М.А. Лушечкина. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 89–93; Сибилькова А.В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 101–109 и др.

² См.: Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 504 с.

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анализ современной судебно-следственной практики показывает, что в настоящее время в отечественном уголовном судопроизводстве наметилась четкая тенденция перевода следователями ФСБ России предварительного расследования по делам об экстремизме в особое производство по применению принудительных мер медицинского характера в порядке гл. 51 УПК РФ. Приступая к производству по применению принудительных мер медицинского характера, следователь подразделений ФСБ РФ обязан помнить, что современная судебная психиатрия изобилует научными школами. Отсюда многообразие научных подходов у различных экспертных групп к определению вменяемости виновного лица¹.

Например, по печально известному норвежскому стрелку Андерсу Брейвику различные группы экспертов сделали четыре диаметрально противоположные судебно-психиатрические заключения. В конечном итоге Брейвик 24 августа 2012 г. судом был признан вменяемым и приговорен к 21 году лишения свободы с отбыванием наказания в тюрьме Ила с возможностью неограниченного продления срока. Аналогичная ситуация с судебно-психиатрическими экспертизами в свое время неоднократно возникала и по сексуальному маньяку Чикатило.

Полагаем, отсутствие единых четких критериев определения психиатрического статуса террориста и экстремиста таит в себе реальную опасность совершения следственных ошибок, которые, в свою очередь, неизбежно перерастают в судебные ошибки.

Большую роль в разрешении весьма сложных проблемно-поисковых ситуаций расследования экстремизма, на наш взгляд, играет профилирование личности экстремиста. Мы разграничиваем криминалистическое профилирование и профайлинг. Криминалистическое профилирование – это процесс построения

¹ Воронин С.Э., Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А. Психотипологический подход в системе криминалистического знания. Красноярск : Изд-во Сибирского института бизнеса, управления и психологии, 2015. С. 95.

поискового описания неизвестного преступника, базирующийся на анализе отражения его личностных свойств в следах преступления. Профайлинг – это аппаратный анализ эмоционального состояния лица в контексте конкретной проблемно-поисковой ситуации, предполагающий наличие у него противоправных намерений. Реализация приемов профайлинга в противодействии терроризму и экстремизму подтверждено богатой зарубежной практикой, а также практикой отечественной, пусть и в меньшей степени¹.

В рамках криминалистического профилирования выделился ряд направлений, которые достаточно автономны. Среди этих направлений наиболее значимыми выступают профилирование личности преступника по следам совершенного преступления и профилирование личности по результатам его неправомерной деятельности прежде всего в цифровом пространстве².

Почему же состоятельна идея существования типового профиля экстремиста? Прежде всего потому, что есть мнение о существовании элементов психопатии в структуре личности экстремиста. Зарубежные исследователи настаивают на психопатической составляющей личности экстремиста, хотя и признают, что уровень этой составляющей не может быть системообразующим. Учитывая, что преступная деятельность психопата есть объективно обусловленное отражение его личности вовне, можно говорить о принципиальной пригодности приемов профилирования, в том числе и криминалистического, при расследовании экстремистской деятельности.

Большую роль в формировании методики расследования экстремизма, на наш взгляд, играет криминалистическая казуистика. Когда говорят о казуистике, почти всегда имеют в виду что-то необычное, атипичное, редкое. Казуистика в криминалистике не является исключением из этого правила. Экстраординарные случаи постоянно встречаются в работе криминалиста. Они являются

¹ Voronin S.E. Epistemological reasons for the emergence of radical Islamism and Psychological Wahhabite Profile as a scientific concept of criminology and legal psychology // SCIREA Journal of Information Science and Systems Science. January 2024. Vol. 8, Is. 1. P. 135–140.

² Voronin S.E. Tactical investigation operation is an effective way of forensic prevention of organized crime in Russia // International Journal of Science, Technology and Society. November 2021. Vol. 9, Is. 6. P. 275–280.

предметом особого внимания специалистов, требуют неординарных подходов к поиску ответов на поставленные следствием вопросы. Проанализированный и правильно классифицированный криминалистический казус со временем превращается в эффективную модель расследования преступления отдельного вида, в том числе экстремизма.

П.В. Галушин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЛЕГЕНДИРОВАННЫХ УЧЁТНЫХ ЗАПИСЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В ЦЕЛЯХ РЕШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

По состоянию на сентябрь 2023 г. ежедневная аудитория интернета в России составляет почти 100 млн чел.¹ При этом только 13% опрошенных заявили, что вообще не пользуются социальными сетями². Таким образом, в социальных сетях содержится много информации о людях и связях между ними. В той или иной степени эта информация является общедоступной и одновременно может представлять интерес для решения отдельных задач оперативно-розыскной деятельности³.

Во многих социальных сетях доступ к информации может осуществляться не только через стандартный веб-интерфейс

¹ Дмитрий Чернышенко поздравил россиян с Днём интернета // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/49647/> (дата обращения: 30.01.2024).

² Онлайн-практики россиян: социальные сети // Фонд Общественное мнение : сайт. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 30.01.2023).

³ Галушин П.В., Ефимов С.Н. Возможности автоматизации аналитической работы с информацией, размещённой в социальных сетях // Современные системы безопасности – Антитеррор : материалы конгрессной части X специализированного форума (28–29 мая 2014 г.) / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 169–171.

пользователя, но и через программный интерфейс, предназначенный для автоматизированных информационных систем¹.

Таким образом, эффективный анализ и мониторинг размещённой в социальных сетях информации, представляющей интерес для оперативных подразделений, возможен только с использованием программных систем или веб-сервисов, реализующих современные методы поиска, мониторинга и анализа социальных сетей.

Оперативно-розыскная деятельность в социальных сетях часто требует использования учётной записи в соответствующей социальной сети. Это может быть связано с необходимостью непосредственного взаимодействия с другими пользователями (при осуществлении наведения справок или проверочной закупки) или требованиями используемых веб-сервисов.

Естественно, в таких случаях необходимо обеспечивать информационную и личную безопасность сотрудников. В частности, недопустимо использовать страницы в социальных сетях с достоверными персональными данными при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Значит, сотрудники должны использовать легендированные учётные записи.

Одним из элементов учётной записи, который существенно влияет на её восприятие другими пользователями, является основная фотография. Как уже было сказано, использовать реальную фотографию сотрудника может быть небезопасно. Если же просто взять чужую фотографию, то этот факт может быть обнаружен с использованием поиска по картинке в поисковых сервисах сети Интернет.

В настоящее время уникальные изображения, которые трудно отличить от фотографий реальных людей, могут быть порождены с помощью методов машинного обучения, а именно генеративно состязательных сетей (Generative adversarial network, GAN). Так называют модель, состоящую из двух искусственных нейронных сетей: генеративной (нейросеть G) и дискриминативной (нейросеть

¹ Галушин П.В. Возможности автоматизированного доступа к информации, предоставляемые социальными сетями // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII международной научно-практической конференции / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015. С. 60–63.

D)¹. Подобная архитектура была разработана под руководством Яна Гудфеллоу в 2014 г. Генеративная часть используется для порождения новых изображений, а дискриминативная часть старается максимально отсеять все образцы, которые существенно отличаются от обучающей выборки «естественных образцов». Критерии качества сетей G и D противоположны: выигрыш генеративной части равен проигрышу дискриминативной.

Благодаря использованию переменных латентного пространства, генеративная сеть на основе исходных реальных образцов пытается создать новые. Идея обучения генеративной части заключается в том, что генерирующая искусственная нейронная сеть учится очищать изображения от шума. В качестве обучающей выборки берутся пары изображения: исходное и искусственно зашумлённое. Цель обучения нейросети – преобразовывать зашумлённые изображения так, чтобы получить изображение, как можно более близкое к исходному изображению. По мере обучения уровень шума постепенно повышается. Таким образом, нейросеть обучается убирать всё более сильные искажения.

Обучение завершается, когда нейросеть становится способной восстанавливать изображение при уровне шума, сопоставимом с «полезным сигналом», содержащимся в изображении. Для генерации изображений обученной нейросети на вход подаётся случайный набор данных (переменные скрытого пространства), т.е. представляющий собой шум без исходного изображения.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность с использованием информации, размещённой в социальных сетях, является важным направлением деятельности оперативных подразделений. Для безопасной работы в социальных сетях могут потребоваться легендированные учётные записи. В свою очередь, для формирования таких учётных записей, которые трудно будет разоблачить как использующие персональные данные посторонних лиц, могут применяться методы машинного обучения, в частности, генеративно-сопоставительные сети для синтеза реалистичных фотографий.

¹ Уздяев М.Ю. [и др.]. Методы детектирования агрессивных пользователей информационного пространства на основе генеративно-сопоставительных нейронных сетей // Информационно-измерительные и управляющие системы. 2019. № 17 (5). С. 60–68.

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГАНСУ ГРОССУ

Появление в системе криминалистики самостоятельного раздела «Методика расследования отдельных видов (групп) преступлений» в отечественной науке связывают, как правило, с именами советских криминалистов: И.Н. Якимов (в 1925 г. первым в советской науке обосновал и предложил «методологию применения методов уголовной техники и тактики расследования преступлений»)¹, В.И. Громов² (в 1935 г. ввел в научный оборот понятие «методика расследования преступлений»), А.Н. Колесниченко (в 1967 г. защитил первую докторскую диссертацию по методике расследования преступлений)³ и др.

Отдавая должное заслугам указанных и иных ученых, отметим, что в поле зрения методологии любой науки всегда находится вопрос о ее началах. Признано, что «во всей истории науки нет вопроса более сложного, чем вопрос о возникновении науки»⁴. Отсюда вполне закономерным видится интерес, связанный с формированием методики расследования преступлений именно на этапе закрепления за криминалистикой статуса самостоятельной научной и учебной дисциплины, что стало историческим фактом благодаря научным изысканиям и энтузиазму Ганса Гросса. Обращение к фундаментальной работе выдающегося австрийского ученого⁵ (далее – Руководство) и его современников позволяет сделать вывод о том, что несмотря на отсутствие раз-

¹ Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М. : ЛеусЭст, 2003. С. 352–442.

² Еремеева А.Н. Исторический аспект эволюции методики расследования преступлений в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 153.

³ Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 19.

⁴ Бряник Н.В. История науки доклассического периода: философский анализ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 13.

⁵ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.

работанного понятийного аппарата, уже на заре криминалистики методика расследования преступлений логичным образом как заключительный раздел фигурировала в ее системе. В главах XVI–XX, относящихся к разделу «D. О некоторых преступлениях в особенности» (далее – Раздел D) Руководства, представлены особенности расследования телесных повреждений, краж, мошенничества, поджогов, несчастных случаев на железных дорогах, заводах и т.п.¹ К методике расследования преступлений следует также отнести основные положения раздела «B. Особенности познания, необходимые для судебного следователя». Данный раздел (главы VII–X) преимущественно посвящен криминалистической характеристике преступника: криминальной субкультуре (воровской язык), этническому преступнику (цыгане), мотивации преступника (суеверия), способам криминальной конспирации и противодействию расследованию (изменение наружности, симуляция болезни, знаки) и т.д.

Наименование и структура Раздела D (основной раздел, посвященный методике) наводит на мысль, что здесь также рассматривается исключительно криминалистическая характеристика отдельных преступлений. Действительно, данный материал сгруппирован вокруг элементов криминалистической характеристики преступлений: следы преступлений, способы их совершения, личность преступника, орудия преступления, предметы преступного посягательства и др. При этом рассмотрение криминалистической характеристики преступлений не ограничивается только раскрытием ее элементов, но и корреляционным связям между ними с демонстрацией их на примерах из практики расследования уголовных дел.

Вместе с тем раздел насыщен конкретными рекомендациями по тактике следственных действий, применению криминалистической техники и ее методов, обстоятельствам, подлежащим установлению и т.д. с учетом особенностей расследуемого преступления. Таким образом, современная идея о том, что методика конкретизирует положения техники и тактики, приспособляя их для решения задач раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений, была «материализована» уже в работе Ганса Гросса.

У Г. Гросса было четкое видение проблем, связанных с недостаточным уровнем подготовки следователей по расследованию отдельных

¹ Гросс Г. Указ. соч. С. 757–1031.

категорий дел. В некоторых случаях это связано со спецификой объекта и предмета преступного посягательства. Например, он констатирует, что только «из ста судебных следователей, быть может, только один имеет кое-какие понятия» в делах, связанных с торговлей лошадьми и способами мошенничества в этой сфере. Рекомендация Гросса следователям: в подобных и иных сходных случаях – привлекать сведущих лиц и самостоятельно изучать необходимую литературу¹.

Весьма полезными представляются наблюдения Г. Гросса о том, что несмотря на разнообразие способов, мест совершения преступления и т.п., первоначальные следственные действия об однородных преступлениях зачастую сходны². Автор замечает, что «достаточно судебному следователю несколько раз поработать над этими делами, и он приобретет достаточный опыт настолько, что сумеет не потеряться и в новом деле..., с которым он встретится в своей практике»³. Таким образом, основной источник грамотных действий следователя, а значит, и основной источник формирования частных методик расследования Г. Гросс видит в наличии профессионального опыта.

Закончим двумя основными выводами:

– на этапе становления криминалистики как самостоятельной научной и учебной дисциплины закладывались основы и такого заключительного раздела системы криминалистики, как методика расследования отдельных видов преступлений;

– основой и предпосылкой становления методики расследования отдельных видов преступлений являлась их криминалистическая характеристика.

Е.В. Горкина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Место происшествия, являясь отправной точкой в расследовании, как правило, содержит значительный объем криминалистически значи-

¹ Гросс Г. Указ. соч. С. 956.

² Там же. С. 1026.

³ Там же.

мой информации, позволяющей выдвинуть версии и решить идентификационные и диагностические задачи расследования. Порой информации, содержащейся в следовой картине места происшествия, оказывается достаточно для того, чтобы раскрыть совершенное преступление.

Осмотр места происшествия является неотложным и неповторимым следственным действием, задачей которого является подробное и полное исследование места совершения преступления и прилегающей территории с целью фиксации обстановки и обнаружения максимального числа следов и объектов, которые помогут в установлении картины происшедшего события и доказывании причастности к нему конкретных лиц.

Несмотря на то, что в практике органов предварительного расследования осмотры мест происшествия производятся постоянно, ежедневно, практически по каждому уголовному делу, субъекты производства осмотра продолжают допускать ошибки, и результативность многих осмотров оставляет желать лучшего – следственное действие порой приобретает лишь формальный характер.

Как отмечается, «следователи меняются, а прежние ошибки остаются ввиду не соответствующего потребностям правоприменительной практики уровня использования потенциала технико-криминалистических средств, разработанных современной наукой»¹. Трудно не согласиться с данным утверждением.

Самыми распространенными ошибками, совершаемыми следователями при производстве осмотров мест происшествий, исследователи данных проблем называют неиспользование помощи специалистов, что оборачивается поверхностным осмотром, оставлением без внимания большого числа следов и объектов. Привлечение специалистов либо следователей-криминалистов, которые призваны в том числе применять современные технико-криминалистические средства в ходе производства следственных действий, позволяет избежать неполных результатов осмотров.

Исследователи выделяют два инновационных направления совершенствования осмотра места происшествия: разработка новых техно-

¹ Бульбачева А.А. Актуальные проблемы осмотра места происшествия // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-osmotra-mesta-proisshestiya> (дата обращения: 10.01.2024).

логий осмотра места происшествия и разработка новых более совершенных средств обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления¹. Задачей данных направлений является повышение качества осмотров мест происшествия и уменьшение временных затрат и трудозатрат членов следственно-оперативной группы.

В настоящее время существует целый ряд инноваций, которые при грамотном и уместном использовании позволят решить указанные задачи. Выделяются уже внедренные в криминалистическую практику технологии 3D-сканирования и моделирования. Они позволяют с большей точностью и достоверностью зафиксировать обстановку места происшествия в трехмерной модели, а также обеспечивают возможность реконструкции обстановки, которая была изменена или уничтожена в процессе совершенного преступления. Наглядность и качество получаемого результата выше, чем результаты, полученные путем применения традиционных средств фиксации.

Огромным подспорьем и выходом на новый качественный уровень проведения осмотров мест целого ряда тяжких, масштабных преступлений является внедрение в сопровождение расследования беспилотных летательных аппаратов – дронов. Их использование позволяет качественно и полно фиксировать обстановку мест происшествия на значительной площади, использовать фото- и видеофиксацию в труднодоступных местах без необходимости подвергать опасности субъектов применения технико-криминалистических средств.

В настоящее время развивается практика применения космической съемки при расследовании преступлений, в том числе для фиксации обстановки мест происшествия. Так, в порядке взаимодействия Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ с Роскосмосом были проведены съемки космическими аппаратами в связи с катастрофой воздушного судна в аэропорту Шереметьево, взрывом на заводе в г. Дзержинске Нижегородской области².

Кроме того, для усовершенствования оформления хода и результатов осмотра места происшествия, отражения комплекса взаимосвязан-

¹ Моисеева Т.Ф. Инновационные технологии осмотра места происшествия // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 170–171.

² Ложис З.З. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в системе Следственного комитета Российской Федерации // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 88.

ной информации о месте происшествия, его обстановке, следах, ориентировании в пространстве Главным управлением криминалистики Следственного комитета Российской Федерации и ООО «Фундаментальные системы анализа» создана программа «Конструктор места происшествия» которая апробирована и используется следователями подразделений Следственного комитета¹.

Нами затронуты лишь отдельные инновационные средства содействия в производстве результативного и качественного осмотра места происшествия, однако эта тема является всегда актуальной и требует дальнейшего изучения и наполнения новыми наукоемкими средствами и технологиями.

В.С. Горшкова

К ВОПРОСУ О ДОЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКЕ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Производство судебной экспертизы в рамках досудебного производства и судебного следствия по материалам предварительных проверок, уголовным делам осуществляется при необходимости разрешения специфических вопросов в определенных областях научного знания и практической деятельности. При этом в распоряжение эксперта предоставляются объекты (следы, материальные носители информации, сравнительные образцы), при экспертном исследовании которых сведущее лицо получает результаты и формулирует на их основе выводы.

При анализе ведомственных актов полиции установлено, что в них содержатся требования об использовании практики доэкспертной оценки материалов и отбора образцов для получения докательственной базы минимума объектов, направляемых на экспертизу (исследования)². Однако при применении в практической деятельности сотрудни-

¹ Кузнецов В.В., Скобелин С.Ю. Инновационные способы фиксации осмотра места происшествия с использованием высоких технологий // Вестник Московской академии Следственного комитета. 2017. № 2. С. 95.

² Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 мая 2021 г. № 2 км : приказ МВД России от 15.06. 2021 № 447 // СПС «КонсультантПлюс».

ков органов внутренних дел данного «инструмента» само понятие «доэкспертная оценка» не закреплено в правовых актах, регламентирующих судебно-экспертную деятельность.

Одни авторы считают, что доэкспертная оценка состоит в обсуждении подлежащих разрешению экспертов вопросов и объема предоставляемой в распоряжение сведущего лица документации¹, т.е. она тождественна консультативной деятельности эксперта при назначении экспертизы. Другие исследователи расширяют полномочия сведущего лица, предоставляя возможность проведения предварительного исследования объектов (предметов, образцов) с целью установления дополнительных сведений, которые могут потребоваться сотруднику экспертной службы для всестороннего, качественного и быстрого производства экспертизы².

Обобщая результаты изучения правоприменительной деятельности сотрудников полиции, мы пришли к выводу о том, что целесообразно доэкспертную оценку материалов трактовать как сочетание консультативно-справочной деятельности эксперта и проведение предварительных исследований предоставляемых в его распоряжение объектов, в том числе сравнительных образцов. При проведении предварительной проверки или осуществлении предварительного расследования уголовных дел результаты доэкспертной оценки сотрудники экспертной службы полиции сообщают устно – как правило, при возможности по имеющимся материалам провести экспертное исследование (в дальнейшем назначается и проводится судебная экспертиза); в письменной форме в виде ответов на запросы инициаторов (следователи, дознаватели, оперативные сотрудники) посредством сервиса электронного документооборота полиции либо отражаются в протоколах допроса специалиста – в случаях недостаточности предоставленных исследуемых объектов и образцов для сравнительного исследования, невозможности дополнительного предоставления инициаторами материалов, а также по причине отсутствия методики экспертного исследования, необходимого оборудования и пр.

¹ Особенности расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере оборонно-промышленного комплекса : методические рекомендации // СПС «КонсультантПлюс».

² Осина М.С., Осина Ю.Н. Вызовы времени цифровой эпохи и современные возможности судебно-экономической экспертизы // Научные исследования и инновации : сб. науч. ст. Саратов, 2021. С. 284.

На основании вышеизложенного представляется важным считать доэкспертную оценку материалов органичным сочетанием консультативно-справочной деятельности эксперта и проведения предварительных исследований предоставляемых в его распоряжение объектов, в том числе сравнительных образцов. Наиболее проблемными и требующими дальнейшего изучения, выработки единой позиции являются вопросы нормативного закрепления понятия «доэкспертная оценка», сроков и порядка ее проведения, оформления результатов и их дальнейшего использования в доказывании по уголовным делам.

Р.Г. Драпезо

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ДЕРЕВЬЕВ ОТКАЗОВ И СОБЫТИЙ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ СИТУАЦИЙ ПО УБИЙСТВАМ, ГДЕ ОГОНЬ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1. Знания, достигая своей критической массы, переходят на следующий уровень развития, с привнесением оригинальных идей из несмежных наук. Но так бывает не всегда. В учении об оперативно-разыскных ситуациях (ОРС), когда, во-первых, статей, диссертаций, где предметом изучения выступали ОРС, достаточно мало (с 2014 г. защищено не более 10 работ¹, а за последние годы издана одна статья с ключевым словом «оперативно-разыскная ситуация»²), во-вторых, все, что можно было позаимствовать из смежных наук (криминалистика, криминология и т.п.), с наших позиций уже сделано.

¹ Национальная электронная библиотека. URL: <https://rusneb.ru/search/extended/>.

² Драпезо Р.Г., Шелестюков В.Н. Оперативно-разыскные ситуации бесконтактного сбыта наркотических средств и психотропных веществ посредством телекоммуникационных сетей и сети Интернет // Российский следователь. 2020. № 1. С. 58–63.

2. В своей статье В.Д. Корма¹ направил внимание юридической общественности на концепцию «теории катастроф» в приложении к методике расследования техногенных преступлений. Автор усмотрел особую ценность применения при расследовании крушений, аварий, катастроф таких технических методов из теории катастроф, как метод построения деревьев отказов и событий². В табл. 1 мы попытались привести в соответствие значение технических терминов с терминами учения об ОРС и их «новое» семантическое значение. В табл. 2 в качестве примера использования технического метода приводим фрагмент применения метода деревьев отказов и событий для разрешения нескольких ОРС, возникающих по убийствам изучаемой категории.

Таблица 1

Соответствие значения технических терминов с терминами из учения об ОРС и их возможное «новое» семантическое значение

Технические термины	Аналогия изучения об ОРС	«Новое» значение термина
Дерево отказов	Возникающие после криминального события условия (оперативная обстановка), в которых необходимо принимать правильные тактические решения (в целях решения задач согласно ст. 2 ФЗ «Об ОРД») ³	Своевременное со стороны оперативников распознавание критических условий проявления криминального события с целью минимизации оперативных рисков (принятие оптимального тактического решения); прогноз критических исходов ОРС (рисков отказа системы)
Дерево событий	На каждой последующей «событийной ветке» (выделенном уровне ОРС) выдвигается и корректируется оперативная версия	Позволяет оперативнику учесть различные «событийные ветки» (вероятные траектории перемещения по всем выделенным уровням ОРС), соотнести с ними результаты ОРД, скорректировать их в

¹ Корма В.Д. Использование теории катастроф в криминалистике // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 204–212.

² Алымов В.Т., Тарасова Н.П. Техногенный риск: анализ и оценка: учеб. пособие для вузов. М. : Академкнига, 2005. 118 с.

³ Термины с нашими изменениями из работы: Ким Д.В. Оперативно-розыскные ситуации как объект криминалистического исследования // Общество и право. 2008. № 2. С. 230–236.

Технические термины	Аналогия изучения об ОРС	«Новое» значение термина
	криминального или вероятного криминального события	соответствии с рассчитанной вероятностью, а затем сравнить альтернативы ¹ ; построение вероятных критических узлов и критических событийных веток
Критические узлы	Элементы, отдельные значимые связи и информационные кластеры из оперативно-разыскной (ОХП) или криминалистической характеристики преступления (КХП)	Дают основу для поливариативности ОРС в зависимости от различных критериев, которые не упускают из виду типичные и атипичные ситуации, представляя единую совокупность ОРС
Последовательные системы. Параллельные системы	Как мы понимаем, их основой можно считать ОХП, КХП, причинно-следственные связи между их элементами	В этом отношении ОРС по убийствам изучаемой категории можно отнести к классу последовательных систем; поливариативность ОРС повышает ее надежность (через ее избыточность), переводя их в класс параллельных систем

Таблица 2

Пример фрагмента применения метода деревьев отказов и событий для разрешения нескольких ОРС («→» – отсутствие признака; «+» – наличие признака)

ОРС	Критические узлы	Значимые элементы узлов
I. Есть сведения о месте нахождения обгоревшего трупа / останков	II. Место убийства и/или обнаружения трупа	Закрытые / открытые / замкнутые / полузакрытые пространства, территории, помещения, салон автомобиля
	III. Степень обгорания трупа	Труп с частичным обгоранием / обгорание сильное / обугливание / обгоревшие костные останки или зольное вещество

Таким образом, на начальных этапах исследования метод построения деревьев отказов и событий позволил установить: 1) ОРС, возник-

¹ Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / пер. с англ. М. : Дело ЛТД, 1995. 704 с.

кающие по убийствам, сопряженным с огнем, относятся к техническому классу последовательных систем, когда сбой в функционировании одного из ее элементов приводит к аварийному сбою всей системы. Другими словами, отсутствие учета или игнорирование хотя бы одного из элементов ОРС со стороны субъектов раскрытия и расследования преступлений может привести в конечном итоге к невыполнению задач, указанных в ст. 2 ФЗ «Об ОРД». Однако когда удастся структурировать весь спектр ОРС с высоко- и маловероятными подситуациями (на базе ранее построенной ОХП или КХП и проведенного корреляционного анализа), повышается надежность (через избыточность ее элементов и подситуаций) всей системы в целом в плане ее работоспособности и достижения целей, и система переходит в разряд параллельных. Параллельные системы отвечают аварийным отказом только при сбое всех ее элементов. Даже если будет сбой в реализации какого-либо одного элемента ОРС (например, ошибка в выборе тактики проведения оперативно-разыскного мероприятия, утечка оперативной информации), сама поисково-познавательная деятельность оперативного сотрудника должна остаться оптимальной (направленной на сбор сведений, могущими быть легализованными в уголовно-процессуальные доказательства); 2) особый класс подситуаций – атипичные ситуации; 3) критические узлы, которые имеют корреляции (с событием, личностью преступника, мотивом и т.п.) внутри ОХП или КХП, источники оперативной осведомленности; 4) наиболее уязвимые в плане сбоев, аварий элементы, которые детализируют ОРС по подситуациям. Сбои в этих элементах приводят к сбою во всей системе. Поэтому нужно четко определиться, необходимы ли эти элементы, если да, то проверить выполнение качества работы лиц, содействующих в осуществлении ОРД (конфиденты, специалисты и т.п.).

3. Справедливости ради отметим, что деревья отказов и событий напоминают «дерево следственных ситуаций», которые описаны в работе А.С. Князькова¹, однако с принципиальным отличием в том, что в последнем случае отсутствует выделение на последовательные и параллельные ситуации (системы).

¹ Князьков А.С. Некоторые аспекты структуры следственной ситуации в досудебном производстве // Российский следователь. 2013. № 5. С. 2–5.

4. Таким образом, с авторских позиций, исследование ОРС методом деревьев отказов и событий будет способствовать выведению учения об ОРС на качественно новый уровень.

И.В. Иванов

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕСТА И ИНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Среди элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, содержание пространственных факторов обстановки совершения преступлений может быть раскрыто не только с позиций традиционного понимания места совершения преступления как помещения или участка местности, где происходило расследуемое деяние и (или) наступили его последствия, но и с точки зрения признания значимости цифрового («виртуального») пространства.

При расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, необходимость в подробном изучении места совершения преступления – помещения или участка местности, где могут располагаться традиционные материальные следы (следы-предметы, следы-вещества, следы-отображения), не отменяет того положения, что цифровое пространство нуждается в особых методах исследования. Как отмечал В.И. Попов, «чем больше объективного материала найдет следователь на месте происшествия, тем глубже поймет он сущность преступления»¹. Такого рода материалом становятся объекты, которые свидетельствуют о наличии подготовительных действий преступника, отражают способ совершения и сокрытия преступного деяния, обозначают наличие у него специальных познаний и навыков в сфере информационных технологий, владение орудиями преступления. К числу последних относятся те объекты, назначение, технические

¹ Попов В.И. Осмотр места происшествия. М., 1959. С. 12.

характеристики или местоположение которых позволяет выдвинуть версию относительно места фактического пребывания преступника, времени, количества и длительности сеансов выхода в виртуальное пространство.

В данном контексте представляет интерес то обстоятельство, насколько технологически высоким является уровень организации виртуального пространства. Под уровнем технологичности понимается использование при подготовке, совершении и сокрытии следов преступления современных цифровых устройств и информационных технологий¹. Оценить данный показатель представляется возможным посредством использования специальных знаний с учетом криминалистической характеристики соответствующих преступлений. Данное замечание справедливо, в частности, в отношении потенциальных результатов первоначального осмотра места, где преступник находился в момент подготовки, совершения или сокрытия следов преступления. Уже в ходе следственного осмотра представляется возможным установить:

- наличие навыков обращения субъекта с электронным устройством;
- степень понимания им закономерностей функционирования программного обеспечения;
- навыки и умения настройки соединения устройства для передачи информации;
- владение различными способами сокрытия следов в виртуальной реальности, включая технологии, препятствующие установлению конкретного устройства и содержимого передаваемой информации, а также используемых сетевых ресурсов.

Таким образом, предварительной оценке, которую следователь осуществляет в ходе осмотра материального и цифрового пространства, подвергаются причинно-следственные и иные связи между элементами пространства, в том числе находящимися в его пределах специальными объектами (различной компьютерной техникой, системами, сетями, их отдельными элементами, содержащейся в них информацией), и такими элементами криминалистической характеристики преступлений, как способ подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, следы преступления, личность преступника, мотив и др.

¹ Малышкин П.В. Отдельные проблемы расследования преступлений, совершенных с применением компьютерных технологий, связанные с оказываемым ему противодействием // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 249.

При расследовании преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, наряду с материальными следами подлежит исследованию цифровое место происшествия, включая цифровые следы в глобальной сети Интернет, локальной сети организации, облачных хранилищах, кеш-памяти, оперативной и встроенной памяти устройства¹. Кроме того, в качестве средового фактора, обеспечивающего пространственное поле для совершения преступлений, можно назвать доступ к социальным сетям и мессенджерам². Перечисленная информация о структуре цифрового пространства может быть значимой для установления сведений о личности подозреваемого, обвиняемого, потерпевших и свидетелей.

Таким образом, выделение среди элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, пространственных факторов (места совершения преступления) позволяет установить и подвергнуть анализу новые связи между элементами преступного события. Такого рода интеллектуальная процедура может быть полезна при оценке сложившихся следственных ситуаций, в ходе выдвижения следственных версий. Выделение связей между компонентами цифрового пространства и иными элементами криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, активизирует использование аналитического инструментария в следственной деятельности, не замыкая современную цифровую криминалистику на вопросах технического сопровождения работы следователя с носителями компьютерной информации, а также назначения и производства соответствующих судебных экспертиз.

¹ Русман Г.С. Криминалистическая модель преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М., 2023. С. 57.

² Матвеев М.М., Дощатов А.А. Цифровые следы по уголовным делам о «компьютерных преступлениях»: проблемы и перспективы // Вестник криминалистики. 2021. № 4. С. 36.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Одним из важнейших факторов эффективного расследования любого преступления продолжает выступать криминалистическое взаимодействие.

В литературе взаимодействие чаще всего понимается как взаимоотношение субъектов, требующее выполнения предусмотренных их правовым статусом взаимообусловленных действий в связи с расследованием преступлений с помощью имеющихся в их распоряжении средств, согласовывая, при необходимости, свои действия в зависимости от конкретных следственных ситуаций¹.

В литературе называют следующие формы взаимодействия следователя с иными субъектами: составление единого согласованного плана; обмен информацией; производство следственных и розыскных действий по поручению следователя; совместное обсуждение результатов следственных и оперативно-розыскных действий; совместное обсуждение профилактических мер; отчеты оперативных работников, следователей и экспертов перед руководителями соответствующих подразделений о выполнении плановых мероприятий².

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о криминалистической операции как высшей форме воздействия на следственную ситуацию, строящейся на положениях особой формы взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов.

¹ Князьков А.С., Польгергт А.В. Взаимодействие как элемент организации криминалистической деятельности следователя по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 188.

² Бурнашев И.А. Взаимодействие следователя с работниками уголовного розыска, специалистами-криминалистами и сотрудниками других служб органов внутренних дел // Криминалистика : учебник для вузов МВД России. Т. 2: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений / редкол.: Б.П. Смагоринский (отв. ред.), А.Ф. Вольнский, А.А. Закатов, А.Г. Филиппов. Волгоград : ВСШ МВД России, 1994.С. 260–261.

Тактико-криминалистическая операция, в идеале практика, подлежит проведению при любой сложной ситуации, а не тогда, когда другие средства воздействия на нее не принесли ожидаемого результата¹.

Проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий как элемент тактико-криминалистической операции способствует повышению эффективности расследования преступления.

Под тактической операцией (тактико-криминалистической операцией) понимается комплекс следственных, оперативных, ревизионных и иных мероприятий, осуществляемых разными субъектами, обеспечивающих выяснение определенного обстоятельства или нескольких обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела². Данное определение указывает лишь на ее содержание, не отражая организационного начала, которое состоит в том, что она проводится под единым руководством следователя в относительно единое время и в относительно едином месте.

Справедливо отмечается, что тактическая операция представляет собой целостное операционное действие, а не перечисление разнохарактерных действий³.

По В.И. Шиканову, тактическая операция есть система согласованных действий (следственных, оперативно-розыскных и др.), которые осуществляют «правомочные должностные лица органов следствия и специальных служб органов внутренних дел для решения сравнительно автономных тактических задач, подчиненных общим целям расследования преступления»⁴. В этом определении подчеркивается такая характеристика операции, как возможность выступать средством решения одной или нескольких задач, требующих соответствующих тактических решений.

Сущностью тактической операции является системность воздействия на элементы следственной ситуации с целью ее оптимизации,

¹ Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. Н.Т. Ведерникова. Томск, 2008. С. 440.

² Образцов В.А., Ястребов В.Б. Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования // Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования : сб. ст. М., 1978. С. 7.

³ Дергач Н.С., Князьков А.С. Криминалистическая тактика : учеб.-метод. пособие. Томск, 2002. С. 10.

⁴ Шиканов В.И. Информация к тактической операции «Атрибуция трупа» : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. ун-т, 1975. С. 21.

обусловленная возможностью каждого из включенных в нее элементов целенаправленно усиливать тактический потенциал следующего за ним или применяемого одновременно с ним элемента¹.

При этом криминалистическими предпосылками тактико-криминалистической операции являются прежде всего неполный объем информации на том или ином этапе расследования преступления, многоэпизодность, противодействие расследованию, что определяет перед каждым субъектом тактической операции круг задач, подлежащих безотлагательному решению.

Именно криминалистическое взаимодействие следователя с иными субъектами расследования способно комплексно воздействовать на следственную ситуацию, при этом сохраняя разнообразие связи между указанными субъектами. Только надлежащим образом спланированная и эффективно проведенная тактическая операция способна оптимизировать следственную ситуацию, сделав ее благоприятной².

А.С. Князьков, А.С. Коваленко

УСТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С ПОНЯТЫМИ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА НЕВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Невербальными традиционно считаются следственные действия, при производстве которых следователь получает информацию об объектах внешнего мира с помощью их восприятия. Помимо следователя, эти же объекты воспринимают и иные участники следственного действия, в частности, понятые, взаимодействие с которыми имеет особое тактическое значение. В связи с широким применением видеофиксации многие авторы пишут об «отмирании» института понятых в уголовном судопроизводстве. Кто-то называет обязательное участие понятых в

¹ Князьков А.С. Системность как атрибут тактико-криминалистической операции // Библиотека криминалиста. 2013. № 4 (9). С. 260.

² Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. Н.Т. Ведерникова. Томск, 2008. С. 439.

следственных действиях «ахиллесовой пятой» стороны обвинения¹, схожие трудности возникают и тогда, когда понятые приглашаются по инициативе следователя². Однако, нельзя полностью согласиться с вышеупомянутыми мнениями. Применение технических средств теоретически обладает большей объективностью передачи информации в ходе производства следственного действия, но при этом возрастают риски фальсификации доказательств (съемка хода следственного действия с выгодной для следователя стороны, приостановление и склейка видеозаписей и т.п.). Присутствие понятых не только исключит незаконные манипуляции с доказательствами, но и при тактически грамотной работе следователя с понятыми как незаинтересованными лицами имеет потенциал укреплять позиции обвинения в ходе судебного разбирательства.

В ходе производства невербальных следственных действий материальные фрагменты объективной реальности трансформируются в соответствующие мысленные образы посредством наглядно-образного мышления того, кто их воспринимает³. Тактическая задача следователя состоит в том, чтобы способствовать формированию в сознании понятых мыслеобраза воспринимаемой обстановки и связей между отдельными ее объектами. Для этого необходимо установление устойчивого психологического контакта между указанными участниками следственного действия, исключающего конфликтную следственную ситуацию и способствующего более полному восприятию и запоминанию информации понятыми. В то же время само по себе установление психологического контакта не гарантирует качественного восприятия понятыми исследуемой обстановки. Для этого необходимы постановка и решение тактической задачи по содействию в восприятии ими индивидуальных признаков исследуемых объектов.

¹ Никонов И.С., Шашин Д.Г. Проблемы использования «понятых» при проведении проверочной закупки наркотиков // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования : материалы междунар. науч. практ. семинара / отв. ред. Д.В. Ким, Н.Н. Цуканов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. С. 109.

² Калугин А. Понятой в уголовном процессе // Следователь. 1999. № 7. С. 2–3.

³ Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 11.

Решение этой задачи требует прежде всего подбора понятых, исходя из моделируемой следственной ситуации следственного действия. Например, при производстве обыска следует воздержаться от привлечения в качестве понятых соседей и знакомых лиц, проживающих в обыскиваемом помещении, поскольку велик риск противодействия с их стороны и со стороны обыскиваемого лица в ходе производства следственного действия. Кроме этого, возможно противодействие понятых в случае их вызова в суд в самых разных формах¹.

Поддержание психологического контакта осуществляется вовлечением понятых в поисково-познавательную деятельность. Это достигается демонстрацией им отыскиваемых объектов, обращением их внимания на индивидуальные признаки объектов (цвет, размер, состояние, конфигурацию и др.), разумеется, с учетом установленных ч. 4 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации требований об отсутствии опасности для жизни и здоровья участвующих в производстве следственных действий лиц.

О.Я. Баев рассматривал возможность более активной вовлеченности понятых в познавательную деятельность путем произведения ими некоторых измерений или составления схем под контролем следователя². Такой тактический прием поддержания психологического контакта стимулирует у понятых процесс запоминания, пробуждает интерес к исследованию объектов обстановки, что благоприятно скажется на оценке понятыми хода и результата следственного действия, а также будет иметь положительное значение в случае их вызова в суд. Более того, заинтересованный в процессе исследования понятой может обратить внимание на те детали обстановки, которые следователи и оперативные сотрудники не заметят.

Некоторые авторы пишут о необходимости разъяснения всем участникам следственного действия причин необходимости произведения тех или иных манипуляций с объектами обстановки, в особенности если дело касается разрушения предметов в обыскиваемом, осматриваемом помещении. В таких работах делается акцент на пресечении негативной реакции хозяина помещения, где производится

¹ Баев О.Я. Тактика следственных действий : учеб. пособие. Воронеж, 2012. С. 190.

² Там же. С. 97.

обыск или осмотр, и его близких¹. При отсутствии такого разъяснения понятия могут расценить разрушение элементов обстановки как неоправданные действия. Подобные оценочные суждения, формирующиеся в сознании понятого, являются барьером для объективного восприятия и запоминания происходящего.

Таким образом, установление и поддержание психологического контакта с понятыми имеет большое значение для создания бесконфликтной ситуации как конкретного следственного действия, так и расследования в целом.

Т.К. Кужугет

ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛОГИСТИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современное состояние борьбы в сфере налогообложения становится одним из актуальных направлений обеспечения законности в России². Следует отметить из анализа правонарушений в 2020–2023 гг.³ следующие негативные тенденции: налоговое правонарушение препятствует развитию государства и общества; количество налоговых преступлений выросло как в количественном отношении, так и в части размера ущерба.

Данное направление борьбы имеет сложноорганизованный характер, которое нуждается в цифровой трансформации. Тем более логическая модель файла обмена информацией существует и применяется в

¹ Петрова А.Н., Песоцкий А.В. О некоторых проблемах производства обыска в условиях противодействия // Вестник Волгоградской академии МВД. 2009. № 4 (11). С. 104.

² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 24 октября 2023 г. № 736 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере». URL: <http://crimestat.ru/analytics>

³ Оганов А.К. Анализ налоговых правонарушений в России в 2020–2023 гг. // Актуальные исследования. 2023. № 48 (178), ч. 2. С. 77–82. URL: <https://apni.ru/article/7630-analiz-nalagovikh-pravonarushenij-v-rossii>

органах налоговой инспекции¹. Сложность заключается в логической цепочке передачи материалов о нарушениях конституционной обязанности по уплате налога, а именно: проверки проводятся налоговой инспекцией; последующие действия – органами внутренних дел; расследование преступлений – подразделениями следственного комитета РФ.

Для повышения эффективности управленческой деятельности при расследовании налоговых преступлений предлагается метод криминалистической логистики, состоящий из логистических операций: логистика принятия решений в период возбуждения уголовных дел; логистика принятия решения по составам преступления; логистика принятия решения по предметам доказывания. Криминалистическая логистика нами рассматривается как цифровая информационная модель. Это может быть информация о деятельности: а) преступного деяния; б) предварительного расследования; в) судебного следствия; г) государственного обвинения; д) стороны защиты; е) присяжных судебного заседания и других участников.

В рамках данной статьи исследуем отдельные аспекты предмета доказывания по уголовным делам.

Структуру предмета доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях изложим по следующей цифровой логической цепочке: «1) противоправность; 2) виновность; 3) общественная опасность; 4) наказуемость; 5) объект преступления; 6) объективная сторона преступления; 7) субъект преступления; 8) субъективная сторона преступления; 9) событие преступления; 10) формы вины; 11) характеристика преступника; 12) ущерб; 13) обстоятельства смягчающие и отягчающие; 14) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость; 15) обстоятельства, освобождающие от уголовного наказания; 16) арест имущества; 17) условия, способствовавшие совершению преступления».

Следует отметить, что указанные понятия (константы) пригодны для интегрирования и дифференцирования при составлении программы расследования. Цифры означают знаки, где отражено содержа-

¹ Приказ ФНС России от 30 ноября 2015 г. № ММВ-7-10/552@ Формат представления документа о передаче результатов работ (документа об оказании услуг). URL: http://taxcom.ru/upload/documents/doc_filer/Приказ_ФНС.

ние полученных данных. В налоговой системе давно действует логическая модель файла обмена информацией¹. С 1-го по 4-й элементы отражают логику принятия решения на статьи возбуждения уголовного дела, они характерны для первоначального этапа расследования преступления. С 5-го по 8-й элементы отражают логику принятия решения по составам преступления, характерные для последующего этапа расследования. Остальные (с 9-й по 17-й) отражают логику принятия решения по всем обстоятельствам в соответствии с положением ст. 73 УПК РФ.

Правило доказывания для всех участников уголовного судопроизводства одинаково, и оно имеет следующую структуру: сбор; проверка; оценка доказательств. Каждый элемент предмета доказывания подлежит оценке с критериями: а) относимости; б) допустимости; в) достоверности. Если выявлены, установлены и доказаны все элементы с 1-й по 17-й, то можно сказать, что все обстоятельства «достаточно» доказаны.

Таким образом, цифровизация элементов предмета доказывания рассматривается как основа (начало) криминалистической логики². Цифровые цепочки объединяют информационные потоки цифрового правосудия³ и являются частью единой цифровой платформы, состоящей из полученных данных⁴.

¹ Знаками обозначены элементы и атрибуты XML-файла «Логическая модель файла обмена информацией». См.: Приказ ФНС России от 30 ноября 2015 г. № ММВ-7-10/552@ Формат представления документа о передаче результатов работ (документа об оказании услуг) в электронной форме. URL: http://taxcom.ru/upload/documents/doc_filer/Приказ_ФНС.

² Кужугет Т.К. Криминалистическая логистика: основы управления расследования налоговых преступлений // INTERNATIONAL LAW JOURNAL. 2023. Т. 6, № 1. С. 79–83. URL: <http://ilj-journal.ru...content...2023/01...journal...1-2023.pdf>

³ Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, 11 февраля 2020. Архивная копия от 7 февраля 2022. URL: <https://vsrf.ru>Видеоматериаль28761.

⁴ Христинина Е.В. К вопросу о применении цифровой логики в уголовном процессе и криминалистике // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 128–132.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

При расследовании различных категорий преступлений, в том числе краж, требуются специальные познания для установления определенных фактов. Отмечается, что «правоприменительная практика в настоящее время ориентирована на назначение комплексных экспертных исследований, позволяющих получить данные о механизме совершенного преступления, о личности неизвестного преступника (его внешних данных, а также других признаках и свойствах). Безусловно, назначение экспертизы представляет собой один из распространённых способов получения доказательственной информации по уголовному делу»¹.

Изучение практики расследования краж с незаконным проникновением на примере Первомайского района Томской области показывает, что самыми распространёнными экспертизами являются дактилоскопическая и трасологическая, также назначается и проводится товароведческая экспертиза.

Дактилоскопическая экспертиза назначается для идентификации лиц и установления обстоятельств происшествия. В основном она назначается на первоначальном этапе расследования краж в том случае, если на месте происшествия преступником оставлены следы. Изучение уголовных дел в Первомайском районе Томской области указывает на то, что даже имея образцы отпечатков пальцев рук и следов обуви, часто остается невозможным установить личность преступника. Так, в деле кражи товарно-материальных ценностей на сумму 6 862 руб., когда преступники незаконно проникли ночью в магазин, взломав оконный проем, были обнаружены следы отпечатков пальцев, однако преступники установлены не были.

¹ Никуленко О.О. Оспаривание заключения эксперта по уголовному делу // Уголовный процесс. 2015. № 5. С. 40.

Трасологическая экспертиза позволяет определить по следам транспортных шин место стоянки, направление движения, тип и модель транспортного средства, использованного преступником при совершении преступления. Так, при краже кедрового ореха на месте преступления были обнаружены следы транспортных шин, благодаря которым определены тип и модель автомобиля, в дальнейшем найдены сам автомобиль и его владелец.

Разновидностью трасологических экспертиз является механоскопическая экспертиза. По изученным уголовным делам механоскопическая экспертиза в большинстве случаев дала положительные результаты, указав на использование преступниками орудия взлома.

Для оценки похищенного имущества и выявления реальной суммы ущерба назначается *товароведческая экспертиза*. Она позволяет выяснить наименование, сорт, артикул, другие признаки похищенного товара. Стоимость похищенного является квалифицирующим признаком и влияет на квалификацию содеянного. Из 30 уголовных дел данная экспертиза была проведена в одном деле, так как потерпевший не знал стоимость украденного имущества и в чеке на его покупку отсутствовало указание стоимости.

При расследовании краж, совершенных в Первомайском районе, такие экспертизы, как биологическая, одорологическая, целого по частям, почерковедческая, микрочастиц и микроследов, почвоведческая и т.д., на практике не применяются.

Применительно к одорологической экспертизе необходимо сказать, что она строится на невозможности преступника избавиться от собственного запаха. О.П. Грибунов отмечает, что «...следует признать возможности судебной экспертизы запаховых следов человека»¹.

Крайне редко проводится почвоведческая экспертиза, хотя она позволяет определить принадлежность почвенных наслоений конкретному участку местности, а также в случае определения круга подозреваемых в совершении кражи и обнаружения у них на обуви или одежде фрагментов почвы установить факт контактного взаимодействия объектов и групповую принадлежность сравниваемых почв.

¹ Грибунов О.П. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния // Вестник Казанского юридического института Министерства внутренних дел России. 2016. № 1 (23). С. 59–62.

Следы зубов в следственной практике практически не встречаются, но криминалистическое значение их велико. Анатомическое строение зубов у каждого человека индивидуально, что позволяет по их следам получить сведения о признаках человека, который их оставил, и использовать их для розыска и отождествления преступника. По данным следам можно судить об условиях, в которых они образовались, и о механизме совершения преступления. Так, при краже продуктов питания на месте преступления можно обнаружить следы зубов, так как в процессе совершения преступления преступники иногда едят, а именно откусывают от найденных продуктов питания. В таком случае может применяться криминалистическое исследование следов зубов человека¹.

О.А. Негодина

ПЕРВЫЕ РАБОТЫ КРИМИНАЛИСТОВ О ПИСЬМЕ (С НАЧАЛА 20-х И ДО СЕРЕДИНЫ 30-х г. XX в.)

Бурное развитие производства в послереволюционный период в нашей стране оказало влияние на становление экономики, что, в свою очередь, послужило развитию прежде всего гражданско-правовых отношений. Основной их формой явились различного рода договоры. В жизнедеятельности людей все чаще стали появляться такие слова, как вексель, акция, облигация и т.п. Участились случаи подделок ценных документов, и охрана правопорядка, отношений собственности требовала формирования способов борьбы с данными преступными посягательствами. Необходимо было развитие нового знания – судебного почерковедения. Наряду с объективными причинами возникновения интереса к почерку присутствовали и субъективные. Произшедшая смена власти оказала влияние на профессионализм сотрудников органов, занимающихся расследованием преступлений: работали люди, не имеющие юридического образования. Как итог – трудности с

¹ Ондар Д.С. К вопросу о первоначальных следственных действиях при расследовании квартирных краж // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. Казань, 2015. С. 198–200.

расследованием преступлений, в том числе связанных с подделкой документов.

Процесс накопления знаний о почерке к началу 20-х гг. XX в. был подготовлен, с одной стороны, логикой развития всего научного познания (прежде всего в рамках физиологии), а с другой стороны – формированием экспериментальной психологии, для которой эксперимент являлся главным методом исследования.

К одной из важнейших проблем, стоявшей перед учеными в начале XX в., следует отнести исследование произвольных, сознательно регулируемых движений. Представления физиологов о произвольном движении и активном действии как о врожденном или условном рефлексе оказались несостоятельными. Классическая психология подходила к произвольному движению и активному действию человека как к проявлениям волевых актов, функционирующих на основе волевого усилия. Противоположные данной точке зрения концепции трактовали любое произвольное движение вынужденным ответом на внешние раздражения. Взаимно отрицая друг друга, каждая из концепций обладала своими недостатками, что вызывало необходимость появления нового знания о сущности произвольного движения и активного действия. Именно в связи с этим начинает интенсивно разрабатываться общая психологическая проблема зависимости психики от деятельности человека (так называемая психофизиологическая проблема).

Область криминалистического знания в рассматриваемый период характеризуется появлением первых советских работ, в которых уделялось внимание судебному почерковедению. Начинается активное обсуждение вопроса значимости проведения судебных экспертиз для процесса расследования. До этого отечественные ученые в основном занимались переводом на русский язык соответствующих трудов зарубежных авторов.

Так, Н.Д. Вороновский в работе «Уголовная техника» проводит анализ механизма автоматизации движений при письме. Такое свойство почерка, как индивидуальность, у него в основном обусловлено анатомическими данными лица. На процесс письма при этом, по мнению названного ученого, влияют следующие факторы: психическое состояние, умственное и физическое утомление, травмы головы, разнообразные заболевания, непривычное положение исполнителя и необычные материалы письма¹.

¹ Вороновский Н.Д. Уголовная техника. М., 1931. С. 110–112.

Другой криминалист, И.Н. Якимов, создал методику сбора образцов почерка. Особенно подробно им были сформулированы рекомендации для следователя при выполнении лицом экспериментальных образцов¹. Ученый при исследовании почерков придерживался измерительного направления, созданного А. Бертильоном. Необходимым при установлении исполнителя текста он считал изучение строения почерков, измерение основного «угла письма», отдельных букв и разрывов между ними².

Актуальность затронутых основоположником криминалистики Г. Гроссом в своих трудах вопросов повлияла на переиздание к тому времени уже известного его произведения под редакцией И.Н. Якимова. В книге «Руководство к расследованию преступлений» говорится о необходимости и важности процесса собирания и изучения образцов почерка, обращается внимание на условия написания текста, на процесс отображения индивидуальных свойств человека в почерке при сборе сравнительных образцов³.

Подводя итог анализа первых работ криминалистов в области почерковедения, хотелось бы отметить, что их было совсем немного. Основная причина была в несформированности знаний о механизме движений человека в целом. Также особенностью являлись резкая критика и отказ в признании графологии (сформировавшееся в данный период негативное отношение к графологии прослеживается вплоть до начала 90-х гг. XX в.). Она считалась антинаучным направлением, основанным на субъективных представлениях. Одновременно истинность положений, сформированных в первых трудах криминалистов, не всегда подтверждались дальнейшим развитием науки. Лишь с середины 30-х гг. прошлого века с появлением первых отечественных учебников по криминалистике, включивших в себя раздел криминалистической техники, знания о письме приобрели определенный структурный характер, основываясь на открытых физиологических закономерностях навыков.

¹ Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. С. 402–403.

² Там же. С. 173, 408.

³ Гросс Г. Руководство к расследованию преступлений / под ред. И.Н. Якимова. М., 1930. С. 31, 59.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Деятельность по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений (практическая реализация положения ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), проходит с привлечением различных средств, приемов и методов, которые не всегда носят чисто криминалистический характер. Серьезную помощь в деле предупреждения пенитенциарной преступности оказывает оперативно-розыскная деятельность. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» под данной деятельностью понимается «вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями... в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий...». Как видно из определения, оперативно-розыскная деятельность осуществляется гласно и негласно, что иногда выгодно отличает ее от уголовно-процессуальной деятельности. В соответствии со ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации оперативно-розыскная деятельность осуществляется и в исправительных учреждениях.

В контексте рассмотрения данного вопроса не стоит путать оперативно-розыскное обеспечение предупреждения преступлений и оперативно-розыскное предупреждение (профилактика). Оперативно-розыскное предупреждение (профилактика) предполагает «сбор информации о криминально-активных лицах, степени исправления, связях, преступном опыте, намерениях, особенностях их личности и системы социальных отношений с целью составления прогноза вероятности преступного поведения и возможного установления оперативного наблюдения»¹. Под оперативно-розыскным обеспечением предупреждения преступлений (в том числе и пенитенциарных) следует пони-

¹ Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 5-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 540.

мать систему оперативно-розыскных знаний и основанных на них умений и навыков оперативных сотрудников по их использованию в деятельности по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

В данном случае оперативно-розыскная деятельность используется как вспомогательная к криминалистической или уголовно-процессуальной, не подменяя их. Оперативно-розыскная деятельность в целях обеспечения криминалистического предупреждения пенитенциарных преступлений может быть организована:

1) непосредственно при проведении оперативно-розыскных мероприятий¹. Они осуществляются в тех случаях, когда оперативно-розыскные мероприятия проводятся исключительно для выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, а также тогда, когда проведение оперативно-розыскных мероприятий необходимо для проверки (подтверждения) ранее выявленных обстоятельств;

2) при организации взаимодействия². Сотрудники оперативных подразделений исправительных учреждений оказывают информационно-аналитическую (иную) помощь должностным лицам органов предварительного расследования;

3) использование оперативно-справочных учетов. В процессе организации деятельности по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, активно используются различные оперативно-справочные учеты для получения криминалистически значимой информации;

4) использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств³. В тех случаях, когда получить нужную ин-

¹ Кабанова Ж.Ю. О некоторых видах уголовно-процессуальной деятельности досудебного производства, осуществляемого сотрудниками оперативного аппарата исправительных учреждений // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 1 (11). С. 19–25.

² Спиридонова Ю.Н. О некоторых вопросах взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России со следователями (дознателями) на стадии возбуждения уголовного дела // Ius Publicum et Privatum. 2022. № 4 (19). С. 152–158.

³ Гришин Д.А., Шурухнов Н.Г. О конвертации результатов производства оперативно-розыскных мероприятий в доказательства // Актуальные проблемы науки

формацию уголовно-процессуальным путем не представляется возможным, а интересующая информация имеется, но добыта посредством проведения оперативно-розыскной деятельности, существует возможность придать полученной информации статус уголовно-процессуальной;

5) совместная деятельность в составе следственно-оперативной группы, составление согласованных планов следственных и оперативно-розыскных мероприятий, совместные совещания и т.д.

Эффективность оперативно-розыскного обеспечения предупреждения пенитенциарных преступлений способствует сокращению сроков предварительного расследования и выявлению максимально полного объема предупредительной информации.

В.В. Поляков

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ «ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Начавшаяся в последние десятилетия цифровая революция привела к появлению новых видов преступлений. Одними из наиболее общественно опасных и одновременно крайне латентных и сложных в расследовании и предупреждении являются высокотехнологичные преступления. Это обстоятельство требует их скорейшего и углубленного криминалистического исследования, важнейшей частью которого на начальном этапе должно стать определение понятия данных преступлений.

В настоящее время опубликовано значительное число исследований, посвященных различным аспектам высокотехнологичных преступлений. Однако разные авторы вкладывают существенно разный смысл в определение высокотехнологичных преступлений. Отсутствие четкого толкования понятия «высокотехнологичные преступления» негативно влияет как на проведение соответствующих исследований, так и на применение их результатов в правоохранительной практике. В связи с этим рассмотрим понятие «высокотехнологичные преступления» и сформулируем его криминалистическое толкование.

и практики XXI века : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2016. С. 109–112.

Проведенный нами анализ материалов судебно-следственной практики, аналитических отчетов организаций, специализирующихся на защите информации и расследовании соответствующих инцидентов, экспертных мнений сотрудников правоохранительных органов, опубликованных результатов теоретических исследований позволил установить, что среди преступлений, основанных на применении информационных технологий, может быть выделена криминалистическая группа преступных деяний, у которых имеется устойчивая повторяемость признаков, которые, на наш взгляд, являются основанием для образования криминалистической группы преступлений. Отметим, что для понятия «высокотехнологичные преступления» применим и справедлив вывод, сформулированный Е.Р. Россинской в отношении дефиниции «компьютерное преступление», которая «должна употребляться не в уголовно-правовом, где это только затрудняет квалификацию деяния, а в криминалистическом аспекте, поскольку связана не с квалификацией, а именно со способом преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования»¹.

В основу выделения группы высокотехнологичных преступлений может быть положен такой признак, как специфический способ преступной деятельности, включающий: действия по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию преступления, т.е. полноструктурность; действия по созданию новых или модифицированных в преступных целях программных, программно-аппаратных или аппаратных средств преступления, в техническом плане усложняющие рассматриваемые способы, а также действия, основанные на применении дистанционного доступа к объектам преступного посягательства с помощью информационно-телекоммуникационных сетей и использовании информационных технологий для оперативной и конспиративной организации преступной деятельности.

Важным устойчивым признаком высокотехнологичных преступлений является групповая организация преступной деятельности с характерным распределением ролей между участниками. Совершаются вы-

¹ Россинская Е.Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 193.

сокотехнологичные преступления, как правило, преступными группами, организованными группами и преступными сообществами при совмещении традиционных и сетевых¹ форм организации преступной деятельности. В одиночку в силу технологической сложности, а также повышения вероятности изобличения преступника совершение таких преступлений, как правило, не осуществляется. В состав участников преступной группы обязательно входят лица, владеющие профессиональными навыками в сфере информационно-коммуникационных технологий, в частности, обеспечивающие разработку и использование программных, программно-аппаратных или аппаратных средств преступления. Характерные особенности групповой формы совершения высокотехнологичных преступлений были исследованы нами ранее².

Еще одним важным признаком высокотехнологичных преступлений можно считать наличие противодействия расследованию. Такое противодействие осуществляется особой группой субъектов и реализуется с помощью специфических способов, обычно принимая различные противоправные формы воспрепятствования законной деятельности правоохранительных органов³.

Рассмотренные признаки позволяют сформулировать криминалистическое понятие высокотехнологичных преступлений как деяний, включающих в себя подготовку и сокрытие следов, а также противодействие расследованию, осуществляемых в групповой форме со специфическим распределением ролей между соучастниками и реализуемых путем применения специально созданных или модифицированных в преступных целях компьютерных средств для дистанционного доступа к объекту преступного посягательства.

¹ Осипенко А.Л. Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 181–187.

² Поляков В.В. Групповая форма совершения преступлений как один из признаков высокотехнологичной преступности // Российский юридический журнал. 2023. № 1 (148). С. 117–126.

³ Поляков В.В. Криминалистическая классификация субъектов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 2. С. 178–192; Он же. Криминалистическая классификация способов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 1 (63). С. 69–79.

И.С. Фоминых

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В рамках данной статьи под современными технологиями будут пониматься информационные и коммуникационные технологии, получившие широкое распространение в учебном процессе благодаря его массовой компьютеризации. Достаточно длительный опыт их использования уже позволяет оценить эффективность их дидактических функций.

Под дидактическими функциями принято понимать внешнее проявление свойств средств обучения в учебно-воспитательном процессе, характеризующих их назначение, роль и место в учебном процессе¹. Учитывая огромное разнообразие номенклатуры дидактических функций информационных и коммуникационных технологий, называемых в специальной педагогической литературе, в данной статье рассмотрим лишь некоторые из них, полагая их основными.

Во-первых, информационная функция. При всём многообразии смыслов, вкладываемых в слово «информация», в контексте данной статьи автор имеет в виду использование сети Интернет в качестве современного аналога библиотеки. Отметим, что речь идёт исключительно о поиске первоисточников, т.е. монографий, учебных и методических пособий, научных статей. В названной сети существует неисчислимо множество тематических «а-ля криминалистических» сайтов, но их содержание в массе своей вторично, ибо основывается всё на тех же указанных выше первоисточниках, причём эти сайты, как правило, не содержат ссылок на использованную литературу, а порой преподносят исходную информацию в искажённом виде. Таким образом, на взгляд автора, информационная дидактическая функция не является чем-то принципиально новым, просто современные технологии

¹ См.: Бондаренко Н.Г. Дидактические свойства и функции мобильного обучения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15552> (дата обращения: 13.01.2024).

вывели её на новый, доселе недоступный по своей эффективности уровень.

Во-вторых, коммуникационная функция. Дидактический эффект этой функции трудно переоценить. Основные направления её использования, учитывая собственный опыт автора, определились уже в достаточной мере

1) как организационная форма взаимодействия преподавателя с группами обучающихся (в основном на базе площадок популярных социальных сетей);

2) как организационная форма взаимодействия участников учебных проектных групп, а также инструментальное средство выполнения различных заданий в малых группах.

Следующая, третья функция, обычно не выделяется в качестве основной, хотя при внедрении в учебный процесс компьютерных технологий хронологически она была одной из самых первых. Речь идёт о функции наглядности при проведении различных занятий посредством использования компьютерного проекционного оборудования. Несомненно, по сравнению с наглядными средствами предыдущего поколения, к которым относились меловая доска и плакаты, компьютерные технологии предоставляют гораздо большие возможности как в качестве картинки, так и в оперативности использования наглядного материала. Изначальная эйфория от открывавшихся перспектив совершенствования учебного процесса со временем несколько поутихла, поскольку, по мнению автора, явственно обозначились следующие проблемы:

1. Постоянно (как правило) работающий экран, на котором по-прежнему отображается предыдущее по ходу разбора темы изображение, неизменно отвлекает внимание обучающихся от последующих объяснений преподавателя.

2. При демонстрации различных схем на экран выводится уже итоговый статичный вариант. Отсутствие динамики в появлении тех или иных блоков схемы существенно препятствует пониманию внутренней логики её структуры. Последовательное рисование такого рода схем на обычной доске лишено этого недостатка.

3. Неизбежные заминки, связанные с различными техническими причинами, влекут за собой неоправданное сокращение полезного времени занятия и влияют на его общую дидактическую эффективность.

При условии решения указанных проблем компьютерное проекционное оборудование является эффективным дидактическим средством особенно при необходимости демонстрации большого числа статичных изображений, а также различных по длительности учебных видеоматериалов.

Четвёртая дидактическая функция – контроль результатов обучения посредством проведения тестирования с использованием компьютерных программ. С уверенностью можно констатировать, что с появлением этих новых технологий тестирование как дидактический метод вышло на качественно новый уровень.

На взгляд автора, использование дидактических функций современных технологий сейчас находится только на этапе своего становления и будет уверенно развиваться дальше.

К.А. Шилов

К ВОПРОСУ ОБ ОКАЗАНИИ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ФСИН РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Актуальность выбранной темы обусловлена важным значением, которое приобретает институт содействия граждан оперативным подразделениям при выявлении, предупреждении, предотвращении и раскрытии преступлений в исправительных учреждениях. Успешная борьба с преступностью, обеспечение безопасности общества, государства и личности без этого представляется уже невозможным.

Глава IV Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» регламентирует содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность¹.

При осуществлении содействия граждан оперативным подразделениям ФСИН России, на наш взгляд, имеется ряд проблемных вопросов, требующих своего решения как на законодательном уровне, так и на

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

уровне изменения отношения российского общества к вышеуказанным отношениям:

1. Материальный вопрос, т.е. вопрос о достойном финансовом вознаграждении граждан за содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе на контрактной основе. В открытых нормативно-правовых актах такие суммы не установлены. В ведомственных нормативно-правовых актах ФСИН России такое вознаграждение остается достаточно скромным.

2. Отношение российского общества к гражданам, оказывающим содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В условиях культивирования в обществе «криминальных» ценностей – вседозволенности, коррупции, «культы» денег, необходимо изменение правового сознания и правовой культуры российских граждан, так как вплоть до настоящего времени отношение в обществе к лицам, оказывающим содействие оперативным подразделениям, является, мягко говоря, негативным, отрицательным. В условиях исправительных учреждений ФСИН России под давлением криминальной субкультуры отрицательное отношение, естественно, увеличивается.

3. Проблемным моментом является вопрос социальной и правовой защиты граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям ФСИН России: это и меры социальной защиты указанных граждан, и правовые гарантии лицам, оказывающим содействие, которые хотя и предусмотрены законодательно, но вместе с тем при их реализации имеют ряд правовых пробелов: в обеспечении защиты в случае угрозы жизни и здоровья указанных граждан; выплат компенсаций в случае получения травм, ранений, увечий или в случае гибели; пенсионного обеспечения при содействии граждан на контрактной основе.

Кроме этого, на наш взгляд, в данном контексте имеется еще ряд проблемных вопросов, а именно – проверка работоспособности лица, оказывающего содействие оперативным подразделениям ФСИН России в условиях исправительных учреждений, дальнейшее раскрытие данной проблемы выходит за рамки статьи, поскольку содержит информацию как минимум ограниченного распространения, а также в обеспечении безопасности содержания такого лица. Здесь проблема видится в безопасности вышеуказанного лица по отношению к осужденным, с которыми он содержится в условиях исправительных учреждений, в случае, если им станет известно, в силу различного рода об-

стоятельств, об оказании такого содействия. Применение мер по обеспечению личной безопасности лица в таком случае и его перевод в безопасное место, в соответствии со ст. 13 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹, на наш взгляд, является лишь временной мерой, не в полной мере решающей данную проблему. Прежде всего, в соответствии с п. 26–39 гл. IV Приказа Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»², перевод такого лица в безопасное место производится по постановлению начальника исправительного учреждения или лица, его замещающего, на срок, не превышающий 90 суток, а в случае безуспешности мер по обеспечению личности безопасности осужденного начальником исправительного учреждения принимается решение о его переводе в другое исправительное учреждение в установленном порядке либо о переводе в другое исправительное учреждение лиц, угрожающих личной безопасности осужденного к лишению свободы. Но эта норма, по нашему мнению, не в полной мере гарантирует обеспечение личной безопасности осужденного, оказывающего содействие оперативным подразделениям ФСИН России в условиях исправительных учреждений, так как нет никаких гарантий, что в другом исправительном учреждении у данного лица не возникнут схожие угрозы личной безопасности.

В заключение необходимо отметить, что содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является важным элементом успешной борьбы с преступностью, обеспечения безопасности общества, государства и личности, поэтому проблемные вопросы, которые были рассмотрены в настоящей статье, на наш взгляд, являются актуальными, требующими законодательного решения, методического обеспечения внутриведомственных или межведомственных нормативно-правовых актов ограниченного распространения.

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» от 4 июля 2022 г. № 110 // Российская газета. 2022. № 7164.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ ДОПРОСА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТИПОЛОГИИ

Современные тенденции криминалистической науки демонстрируют устойчивый вектор по направлению к детализации тактических рекомендаций, что не может не радовать, поскольку повышение точности неизбежно сопровождается повышением эффективности реализации различных приёмов и практик при проведении следственных и иных процессуальных действий.

С учётом сложности и многоаспектности решаемых следствием задач неизбежно растёт комплекс требований к арсеналу, которым вооружены правоохранительные органы, при этом давно замечена следующая закономерность: чем более общей будет тактическая рекомендация, тем в большем спектре следственных действий она может быть задействована, но в жертву всегда приносится эффективность, и наоборот, узкоспециализированная рекомендация сужает диапазон применения, но строго для одной конкретной линейки следственных действий она будет подходить наилучшим образом, демонстрируя высокую эффективность в решении криминалистических задач.

Результативность проведения следственных действий – не абстрактная категория, а сумма компетентности и мастерства исполнителя и используемого им технического инструментария и тактических рекомендаций, но даже при этом возможны внешние факторы, которые могут снизить или повысить вероятность успеха, однако их подробнейший анализ ещё предстоит.

Среди наиболее оптимальных методов, основанных на конкретном психологическом знании, выделяется типология акцентуированных типов в версии комплексного подхода¹. Данное обстоятельство не случайно: на фоне огромного массива психологического знания данная типология отличается высокой детализацией, выводящей ее в плоскость прикладного использования, ведь в самом деле, зачем следствию обобщенные и размытые рекомендации, которые кроме времени, потрачен-

¹ Воронин С.Э., Ахмедшин Р.Л., Пичугин Д.Г., Галимов О.Х. Теоретико-правовые основы пограничной деятельности. Красноярск : Изд-во СИБУП, 2023. С. 386.

ного на их чтение, не приносят ничего? Чистый убыток и нулевая продуктивность. В типологии акцентуированных типов выделяют 10 различных акцентуаций, к которым предрасположен человек: гипертимный, эпилептоидный, истероидный, циклоидный, застревающий, параноидный, сензитивный, гипотимный, конформный и шизоидный. Все они отличаются набором наиболее оптимальных и эволюционно обоснованных моделей адаптации, детерминирующих речь¹, реакцию, поведение² и образ жизни. Последний вывод вытекает из самого факта существования в обществе представителей данных акцентуаций, следовательно, за многие тысячелетия человеческой истории именно они смогли сохраниться, реплицируясь из поколения в поколения в пределах целого вида, а не ограничиваясь границами нации, народа или семьи (рода). Данное психологическое знание потенциально способно обеспечить следствие необходимым инструментарием для подготовки к проведению допроса.

Известен тактический прием «Допущение легенды», суть которого сводится к тому, что «допрашиваемому предоставляется возможность беспрепятственно излагать ложные показания, отвечая на вопросы, поставленные следователем, создавая у последнего впечатление о том, что данные показания признаются истинными»³. Тактический приём «Допущение легенды» основан на том, что допрашиваемый будет постепенно завираться и вскоре противоречия в его показаниях станут настолько очевидны, что факт лжи станет очевидным.

Ниже представлена таблица, в которой отражен результат соотношения вышеописанного тактического приёма с акцентуацией допрашиваемого.

¹ Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159.

² Юань В.Л. Тактика допроса обвиняемого лица параноидной акцентуации // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул : БЮИ МВД России, 2018. С. 105.

³ Старцев П.С. К вопросу о тактике производства допроса подозреваемого (обвиняемого) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-2. С. 151.

	Предрасположенность ко лжи	Уязвимость к приёму «Допущение легенды»	Комбинация с другими формами воздействия
Гипертим	Высокая	Высокая	Продолжительный допрос; повторный допрос
Истероид	Высокая	Высокая	Повторный допрос; дополнительная детализация показаний; провокация; эмоциональное воздействие
Эпилептоид	Высокая	Средняя	Дополнительная детализация показаний; провокация; продолжительный допрос
Застревающий	Средняя	Низкая	Выявление логических противоречий; взывание к здравому смыслу; упор на корпоративную этику, патриотизм
Циклоид	Высокая	Средняя	Продолжительный допрос; выявление логических противоречий и несостыковок
Параноид	Средняя	Низкая	Взывание к здравому смыслу; непродолжительные, но частые допросы
Сензитив	Средняя	Высокая	Повторный допрос; эмоциональное воздействие; взывание к совести
Гипотим	Низкая	Высокая	Неожиданные вопросы и предъявление доказательств; взывание к совести
Конформный	Средняя	Низкая	Продолжительный допрос; взывание к совести; неожиданные вопросы и предъявление доказательств
Шизоид	Низкая	Низкая	Неожиданные вопросы и предъявление доказательств; повторный допрос

Знание об акцентуации допрашиваемого способно индивидуализировать тактику его допроса, что имеет высокий шанс повысить качество решения криминалистических задач при проведении допроса.

НАШИ АВТОРЫ

Азанова Анастасия Александровна – адъюнкт Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.

Агунченко Евгений Андреевич – доцент кафедры деликтологии и криминологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Александров Андрей Станиславович – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Алимова Елена Рашидовна – психолог, МАОУ СОШ 33, г. Томск.

Ахмедшин Рамиль Линарович – профессор кафедры криминалистики Юридического института Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Балаганская Анастасия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.

Бобовкин Станислав Михайлович – доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Бондарева Анастасия Анатольевна – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.

Валькирия Наталья Ивановна – главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Васеловская Александра Викторовна – начальник юридического отдела ОГАУЗ «Томская клиническая психиатрическая больница», кандидат юридических наук.

Вельтмандер Алексей Тимурович – председатель Зырянского районного суда Томской области, кандидат юридических наук.

Витовская Евгения Сергеевна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, кандидат юридических наук.

Володина Евгения Валерьевна – адъюнкт Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.

- Воронин Олег Викторович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Воронин Сергей Эдуардович** – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России, доктор юридических наук, профессор.
- Гаврилин Геннадий Гаврилович** – адвокат, Палата адвокатов Алтайского края, кандидат юридических наук.
- Гаврилов Денис Иванович** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, Кузбасского института ФСИН России.
- Галимов Олег Хамитович** – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сибирского института бизнеса, управления и психологии; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета; доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент; судья Красноярского краевого суда в почетной отставке.
- Галушин Павел Викторович** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук.
- Глазков Михаил Борисович** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Глазунов Борис Борисович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Горкина Елена Владимировна** – старший преподаватель кафедры криминалистики факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент.
- Горшкова Вера Сергеевна** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Григорьев Виктор Николаевич** – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.
- Гусейнов Рамиль Гахраманович** – аспирант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

- Драпезо Роман Григорьевич** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета.
- Дудко Нина Алексеевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Елагина Елена Владимировна** – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Ермакова Ольга Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Ерофеева Виктория Александровна** – старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.
- Ефименко Александр Александрович** – доцент кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук.
- Иванов Игорь Владимирович** – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; аспирант кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева.
- Иванова Антонина Николаевна** – начальник кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Иванова Лилия Викторовна** – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Истомина Андрей Георгиевич** – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Калугин Алексей Геннадьевич** – заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Каракулов Тимофей Геннадьевич** – председатель Чаинского районного суда Томской области.
- Киселёв Михаил Валентинович** – доцент кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.

- Кишиев Анар Мухтарович** – старший оперуполномоченный отделения организации оперативно-розыскной деятельности оперативного отдела УФСИН России по Республике Коми.
- Клокова Светлана Васильевна** – старший помощник прокурора Советского района г. Томска Томской области.
- Князьков Алексей Степанович** – заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Коваленко Александра Сергеевна** – магистрант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Коваленко Никита Юрьевич** – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Корнаков Иван Игоревич** – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, аспирант.
- Красоткин Павел Николаевич** – практикующий юрист, кандидат юридических наук.
- Кубрикова Мария Евгеньевна** – судья Заднепровского районного суда г. Смоленска, кандидат юридических наук.
- Кужугет Таан-оол Кашпынаевич** – доцент кафедры уголовного права и процесса Тувинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Кукасов Максим Викторович** – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Ласточкин Александр Николаевич** – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ФКОУ ВО ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Лелик Наталия Борисовна** – начальник кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Леонтьев Сергей Евгеньевич** – преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Лифанова Лилия Геннадьевна** – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

- Лозинский Игорь Владиславович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Лонь Сергей Леонтьевич** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, заместитель директора Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Мазур Екатерина Сергеевна** – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор медицинских наук, профессор.
- Малетина Мария Александровна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.
- Медведева Валерия Валерьевна** – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Мительская Дарья Дмитриевна** – помощник прокурора Новоильинского района г. Новокузнецка, прокуратура Кемеровской области – Кузбасса.
- Михайлов Александр Александрович** – заместитель начальника Департамента транспорта, дорожной деятельности и связи Томской области, кандидат юридических наук.
- Михеенков Егор Геннадьевич** – доцент кафедры экономики, социологии, политологии и права ФКУ ВО Сибирский государственный медицинский университет Минздрава России, кандидат исторических наук, доцент.
- Морозов Максим Валерьевич** – доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», кандидат юридических наук.
- Мосс Фируза Асифовна** – практикующий юрист.
- Мякишев Александр Сергеевич** – начальник Федерального казенного учреждения «Центр инженерно-технического обеспечения и вооружения» Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Томской области.
- Негодина Олеся Анатольевна** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Никитина Ирина Александровна** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

- Николаева Татьяна Геннадьевна** – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.
- Нуждин Андрей Александрович** – заместитель начальника юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Обернихина Олеся Валерьевна** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказания, не связанных с изоляцией от общества ФКУ ВО Кузбасский институт ФСИН России.
- Ольховик Николай Владимирович** – заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Опацкая Стелла Павловна** – старший преподаватель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Писарев Олег Михайлович** – начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент.
- Плаксина Татьяна Алексеевна** – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук.
- Плотицына Екатерина Владимировна** – магистрант Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия.
- Поляков Виталий Викторович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Пропостин Андрей Александрович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Прохорова Мария Владимировна** – начальник кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, доцент кафедры уголовного права Научного исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Пшеничкина Нина Николаевна** – старший преподаватель кафедры судебной, административной и прокурорской деятельности Алтайского филиала РАН-ХиГС.

- Рахматулин Закир Равильевич** – доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета; доцент кафедры правовых и социально-экономических дисциплин Ачинского филиала Красноярского ГАУ, кандидат юридических наук, доцент.
- Саенко Константин Александрович** – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Сафарова Лейла Балоглан кызы** – аспирант кафедры Уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, аспирант.
- Серезкина Мария Александровна** – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России.
- Сороходова Александра Сергеевна** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Сорокина Анастасия Владиславовна** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Стрековцов Дмитрий Сергеевич** – преподаватель кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Ступина Светлана Александровна** – доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
- Суверов Сергей Евгеньевич** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Тарасов Максим Юрьевич** – профессор кафедры надзорной деятельности Академии Государственной противопожарной службы МЧС России, доктор юридических наук.
- Тепляшин Павел Владимирович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.
- Ткач Александр Сергеевич** – аспирант кафедры Уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

- Трофимов Дмитрий Олегович** – сотрудник АНО «Диалог Регионы».
- Тыняный Виталий Александрович** – заместитель председателя Новосибирского областного суда.
- Уваров Олег Николаевич** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Уткин Александр Александрович** – старший преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Уткин Андрей Владимирович** – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Уткина Светлана Сергеевна** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, судья, Томский областной суд, кандидат юридических наук, доцент.
- Федоров Александр Федорович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Филиппова Ольга Валерьевна** – заведующий кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», кандидат юридических наук, доцент.
- Фоминых Илья Сергеевич** – доцент кафедры криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Храмов Александр Александрович** – доцент кафедры УИПиОИНИО Кузбасский институт ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Чубраков Сергей Валерьевич** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Чумаков Эвальд Вячеславович** – преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Шайна Мария Александровна** – адвокат, Адвокатская палата Кемеровской области.

- Шаповалова Татьяна Ивановна** – доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной Академии ГПС МЧС России, доцент кафедры правоведения Института социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, кандидат юридических наук, доцент.
- Шевченко Константин Владимирович** – старший преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Шеслер Александр Викторович** – профессор ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, доктор юридических наук.
- Шеслер Софья Сергеевна** – канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники».
- Шилов Константин Александрович** – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Юань Владимир Лишиньевич** – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.
- Якубова Сельхе Махачевна** – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.
- Ясельская Вероника Владимировна** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Васеловская А.В. Уголовная ответственность за профессиональные преступления медицинских работников	3
Вельтмандер А.Т. Особенности квалификации деяния и назначения наказания по ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации	6
Ермакова О.В. Время как обязательный признак самовольного оставления части или места службы: спорные вопросы правоприменения	8
Иванова Л.В. Уголовно-правовое значение общественной опасности совместно совершенного преступления	10
Каракулов Т.Г. Содержание лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград	13
Кукасов М.В. Специальные составы преступлений: постановка проблемы	16
Лозинский И.В. К вопросу о дальнейшем совершенствовании главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации	18
Малетина М.А. Проблемы толкования превышения должностных полномочий с применением пытки	21
Медведева В.В. Соотношение составного преступления и идеальной совокупности в уголовном праве России	24
Морозов М.В. К проблеме источников уголовного права	25
Никитина И.А. Квалификация преступлений, совершенных с использованием криптовалюты	27
Обернихина О.В. Актуальные проблемы замены наказания в виде лишения свободы на принудительные работы	30
Опацкая С.П. Основания криминализации преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ	33
Плаксина Т.А. Заглаживание причиненного вреда как условие освобождения от уголовной ответственности: новый подход в судебной практике	34
Сорокина А.В. Субъект преступления как полинаучная правовая категория	38
Ступина С.А. Об уголовной ответственности за клевету в отношении государственного или общественного деятеля	43

Суверов С.Е. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности	45
Уткин А.В. К вопросу о единстве и особенностях юридической терминологии в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве	47
Уткина С.С. К вопросу о замене лишения свободы исправительными работами	50
Шеслер А.В. Особенности специальных видов хищения	53
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Квалификация соисполнительства в преступлении	56

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Александров А.С., Обернихина О.В. Проблема реализации домашнего ареста и запрета определенных действий	60
Балаганская А.Е. Актуальные вопросы применения физической силы к несовершеннолетним в воспитательной колонии	62
Глазков М.Б. К вопросу о применении систем электронного мониторинга подконтрольных лиц при исполнении принудительных работ	63
Ефименко А.А. Особенности микросреды воспитательной колонии	66
Иванова А.Н. Пробация в отношении несовершеннолетних в России: LEGEM BREVEM ESSE OPORTET?	67
Киселёв М.В. О соответствии организационно-штатной структуры УИС её целям и задачам	70
Кишиев А.М., Ласточкин А.Н. Насильственная пенитенциарная преступность осужденных в отношении персонала и ее предупреждение оперативно-розыскными средствами	71
Красоткин П.Н., Ласточкин А.Н. О некоторых вопросах в практике исполнения уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	73
Лелик Н.Б. Обеспечение охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением и судебно-психиатрических экспертных медицинских организаций	76
Леонтьев С.Е. О некоторых проблемах инженерно-технического обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	78

Михеенков Е.Г. Создание сельскохозяйственных трудовых колоний в Сибири в период новой экономической политики	80
Мякишев А.С. Правовые основы информационной безопасности при эксплуатации технических средств надзора и контроля	82
Ольховик Н.В. Обеспечение законного интереса осужденных на содействие в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в рамках пробации	84
Писарев О.М. К вопросу о правовых основаниях прохождения психофизиологического исследования с применением полиграфа действующих сотрудников УИС РФ	86
Пропостин А.А. Сфера применения ст. 238 УК РФ	88
Прохорова М.В. К вопросу о целях наказания в виде лишения свободы, применяемого в отношении несовершеннолетних	91
Рахматулин З.Р. Правоприменительная тактика в уголовно-исполнительном праве: теоретико-правовые аспекты	93
Сережкина М.А. Пенитенциарная пробация несовершеннолетних	95
Скорородова А.С. Исполнение принудительной меры воспитательного воздействия в виде предупреждения	97
Стрековцов Д.С. Некоторые аспекты привлечения к уголовной ответственности за оскорбление сотрудников УИС	99
Тепляшин П.В. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г.: пролог уголовно-исполнительного законодательства и эпилог тюремного права	101
Ткач А.С. Исчисление сроков при исполнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	103
Трофимов Д.О. «Военное время» как одно из особых военных обстоятельств, закрепленных в уголовном законе	105
Уваров О.Н. К вопросу о пенитенциарной пробации	106
Уткин А.А. О неоплачиваемом труде осужденных к принудительным работам и осужденных к лишению свободы	109
Храмов А.А. Понятие и содержание термина «интегративное» уголовно-исполнительное право	111
Чубраков С.В. Принцип учета (соблюдения) баланса интересов государства и осужденных при применении средств воздействия	113

Чумаков Э.В., Ефименко А.А. Некоторые аспекты физического воспитания осужденных в местах лишения свободы	117
Шевченко К.В. К вопросу о правомерности применения огнестрельного оружия в профессиональной деятельности сотрудников УИС	119

КРИМИНОЛОГИЯ

Акунченко Е.А. Антикоррупционная криминологическая безопасность избирательного процесса как новое направление научных исследований	122
Витовская Е.С. Некоторые вопросы «цены» преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	125
Корнаков И.И. Криминологические идеи Средневековья	126
Мосс Ф.А. Учет особенностей несовершеннолетнего возраста при уголовно-правовой охране их от вовлечения в совершение преступления	129
Сафарова Л.Б. Критерии эффективности деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по профилактике преступности несовершеннолетних	132
Федоров А.Ф. Криминологическая характеристика и профилактика дорожно-транспортных преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения (по материалам Алтайского края)	134
Филиппова О.В. Причины и условия преступного рецидива	135

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Азанова А.А. Проблемы установления обстоятельств, характеризующих лицо, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство	139
Володина Е.В. Обстоятельства, характеризующие объективную сторону преступления, в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы	141
Воронин О.В. Об административном преследовании учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в ходе реализации пенитенциарного надзора органами прокуратуры	143
Гаврилин Г.Г. Состязательность в уголовном процессе: нивелирование или ликвидация?	147
Гаврилов Д.И. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу: теория, практика	151

Галимов О.Х. Основные ли понятия, используемые в законе, приведены в ст. 5 УПК РФ?	153
Григорьев В.Н. К изданию Указания Генерального прокурора Российской Федерации от 17.10.2023 № 707/49 «Об организации работы, связанной с реализацией полномочий, предоставленных пунктом 2 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»	156
Гусейнов Р.Г. Функции участников стадии назначения судебного заседания в уголовном процессе	159
Дудко Н.А. О совершенствовании суда с участием присяжных заседателей в государствах-участниках СНГ	160
Ерофеева В.А., Якубова С.М. Транспарентность уголовного судопроизводства на досудебных стадиях для лиц с ограниченными возможностями	162
Истомина А.Г. К вопросу о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) прокурором на этапе утверждения результатов предварительного расследования	165
Калугин А.Г. Процессуальные формы освобождения от уголовной ответственности нуждаются в систематизации	168
Коваленко Н.Ю. Соотношение состязательности сторон как принципа уголовного судопроизводства и равенства прав сторон как принципа судебного производства	170
Кубрикова М.Е. О новой идеологии уголовно-процессуальной политики	172
Лифанова Л.Г. Проблемы реализации прав потерпевшего при прекращении уголовного преследования и приостановлении производства по уголовному делу	174
Лонь С.Л. Электронные ресурсы в уголовном процессе	177
Мительская Д.Д. Принцип взаимности при решении вопроса об экстрадиции	180
Михайлов А.А. К вопросу о значении и природе оглашения показаний в судебном разбирательстве уголовных дел	182
Елагина Е.В., Николаева Т.Г. Более 20 лет на службе в институте прокуратуры РФ: воспоминания о Любавине Александре Алексеевиче	185
Пшеничкина Н.Н. Совершенствование уголовно-процессуального механизма наложения ареста в случаях, не терпящих отлагательства, на денежные средства, похищенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	187

Сасенко К.А. Изъятие электронной переписки: гарантии неприкосновенности частной жизни	190
Тарасов М.Ю. Некоторые результаты прокурорского надзора за исполнением законов о пожарной безопасности в исправительных учреждениях	192
Тыняный В.А. О вопросах совершенствования процессуального порядка изменения территориальной подсудности уголовных дел и иных материалов по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 35 УПК РФ	195
Шаина М.А. Срок давности защиты права по гражданскому иску в уголовном процессе	198
Шаповалова Т.И. Необходимость дополнительной оценки доказательства – заключение эксперта	200
Ясельская В.В. Об использовании защитником технических средств при производстве следственных действий	203

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Алимова Е.Р. Криминалистическое исследование жертв преступлений: современное состояние	206
Ахмедшин Р.Л. Проблемы системы тактико-криминалистических понятий	208
Бобовкин С.М. К вопросу о модернизации понятийно-терминологического аппарата судебно-почерковедческой экспертизы	211
Бондарева А.А. Личность мигранта как один из элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства	213
Валькирия Н.И. Актуальные вопросы систематизации криминалистических знаний об изучении человека в общей теории криминалистики	216
Воронин С.Э. Проблемы расследования экстремизма в современной России	219
Галушин П.В. Использование технологий машинного обучения для создания легендированных учётных записей в социальных сетях в целях решения отдельных задач оперативно-розыскной деятельности	221
Глазунов Б.Б. Методика расследования преступлений по Гансу Гроссу	224

Горкина Е.В. Использование современных технологий при осмотре места происшествия	226
Горшкова В.С. К вопросу о доэкспертной оценке материалов для производства судебных экспертиз	229
Драпезо Р.Г. Применение метода деревьев отказов и событий при построении оперативно-разыскных ситуаций по убийствам, где огонь используется как орудие (способ) сокрытия преступления	231
Иванов И.В. О взаимосвязи места и иных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий	235
Клокова С.В. Криминалистическое взаимодействие как основа тактико-криминалистической операции	238
Князьков А.С. Коваленко А.С. Установление психологического контакта с понятыми в ходе производства невербальных следственных действий	240
Кужугет Т.К. Основы криминалистической логики при расследовании налоговых преступлений	243
Мазур Е.С., Плотицына Е.В. Возможности использования специальных знаний при расследовании краж с незаконным проникновением в жилище	246
Негодина О.А. Первые работы криминалистов о письме (с начала 20-х и до середины 30-х гг. XX в.)	248
Нуждин А.А. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения пенитенциарных преступлений	251
Поляков В.В. О криминалистическом понятии «высокотехнологичные преступления»	253
Фоминых И.С. К вопросу об использовании современных технологий при изучении криминалистики: дидактический аспект	256
Шилов К.А. К вопросу об оказании содействия граждан оперативным подразделениям ФСИН России в условиях исправительных учреждений	258
Юань В.Л. Индивидуализация тактических приёмов допроса через призму типологии	261
Наши авторы	264

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 98

Сборник статей

Редактор

Компьютерная верстка А.И. Лелою

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 26.03.2025 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 16,2. Тираж 500 экз. Заказ № 6223.

Отпечатано на оборудовании

Издательства Томского государственного университета

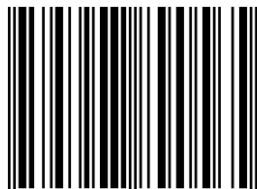
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Тел. 8+(382-2)-52-98-49

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907890-56-5

9 785907 890565 >